

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ**

2017 Том 19 № 4

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Ю.М. Почта, доктор философских наук,
профессор, РУДН, Россия

E-mail: pochta_yum@rudn.university

Ответственный секретарь

В.Г. Иванов, доктор политических наук,
доцент, РУДН, Россия

E-mail: ivanov_vg@rudn.university

Члены редакционной коллегии

Гречев М.Н. — доктор политических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Россия

Мчедлова М.М. — доктор политических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия

Платонов В.М. — кандидат юридических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия

Гребенников В.В. — доктор юридических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия

Карадже Т.В. — доктор философских наук, профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Батанина И.А. — доктор политических наук, профессор Тульского государственного университета, Россия

Коваленко В.И. — доктор философских наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Жильцов С.С. — доктор политических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия

Абсаттаров Р.Б. — доктор философских наук, профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая, Казахстан

Дуткевич Петр — доктор политических наук, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтоновском университете, Канада

Францке Йохан — доктор политических наук, профессор Потсдамского университета, ФРГ

Карлос Пачеко Амарал — доктор политических наук, профессор Университета Азорских островов, Португалия

Николя Када — доктор политических наук, профессор Университета Пьера Мендеса Франса, Франция

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология (Вестник РУДН. Серия: Политология)* — периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Цель журнала — способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Политический процесс в современной России: тенденции и перспективы», «Политические процессы в современном мире», «Актуальные вопросы политической науки».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии.

В своей деятельности редколлегии серии руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и студенты, обучающиеся по направлениям политология и международные отношения.

Электронный адрес: politjournalrudn@rudn.university; vestnikrudn@yandex.ru

Редактор: К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Политология»:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 936-85-28

e-mail: politjournalrudn@rudn.university

Подписано в печать 21.11.2017. Выход в свет 03.12.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л.14,88. Тираж 500 экз. Заказ № 1594. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2017 VOLUME 19 No. 4

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Yuriy Pochta

RUDN University, Russia

E-mail: pochta_yum@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Dr. Vladimir Ivanov

RUDN University, Russia

E-mail: ivanov_vg@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Prof. Mikhail Grachev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Prof. Maria Mchedlova, RUDN University, Moscow, Russia

Prof. Vladimir Platonov, RUDN University, Moscow, Russia

Prof. Sergei Zhiltsov, RUDN University, Moscow, Russia

Prof. Valeriy Grebennikov, RUDN University, Moscow, Russia

Prof. Tatianna Karadje, Moscow State Pedagogical University, Russia

Prof. Irina Batanina, Tula State University, Russia

Prof. Valeriy Kovalenko, Moscow State University, Russia

Prof. Raushanbek Absattarov, Kazakh University named after Abai, Almaty, Kazakhstan

Prof. Piotr Dutkiewicz, Carleton University, Ottawa, Canada

Prof. Jochen Franzke, Potsdam University, Germany

Prof. Carlos Pacheko Amaral, University of the Azores, Ponta Delgada, Portugal

Prof. Nicolas Kada, University of Pierre Mendes France, Grenoble, France

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English, French

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Political Science. The journal is international with regard to its editorial board, contributing authors and topics of the publications.

The journal is published since 1999. Since its inception, the journal focused on the highest scientific and ethical standards and is today one of the leading and oldest political magazines in Russia.

The aim of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and international political scientists.

The journal publishes the original results of fundamental and applied scientific research. The thematic focus of the journal is presented in the following permanent rubrics: "Political process in contemporary Russia: trends and prospects", "Political processes in the modern world", "Some actual problems of political science".

As a Russian journal with an international character, the journal welcomes research articles, book reviews, round tables and scientific reports devoted to the actual problems of political science.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, scientists and post-graduate students in the fields of political science and international relations.

Further information regarding notes for contributors, subscription and archives is available at [**http://journals.rudn.ru/political-science**](http://journals.rudn.ru/political-science)

E-mail: politjournalrudn@rudn.university; vestnikrudn@yandex.ru

Editor K.V. Zenkin

Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board

RUDN Journal of Political Science:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. 936-85-28, fax 936-85-22
e-mail: politjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Кудряшова И.В.** Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный текст и социальный опыт 349
- Береснев Д.Н., Жалнин В.А., Слизовский Д.Е.** Политика Российской Федерации по повышению экспортного потенциала системы образования: риски и возможности старта 366
- Харитоновна О.Г.** Политические режимы и режимные изменения в зеркале научного дискурса 379
- Розанова Н.Н.** Имидж — репутация — бренд: стратегия формирования ценности власти .. 392
- Борщевский Г.А.** Политические факторы институционального развития государственной службы 403
- Поняев И.М.** Динамика представлений о политическом кризисе 1993 года в России 412

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Ким В.И.** Феномен **한류** как политический фактор «мягкой силы» Республики Корея 421
- Кинякин А.А.** Евразийский экономический союз: в попытке избежать постсоветской интеграционной path dependence 425
- Оганесян А.Л.** Ценностные основания китайской внешней политики 439
- Чжан Чжань** Проблема неравенства в Китае в контексте устойчивого развития 448
- Андриамахаринжака** Глубокий политический кризис в Республике Мадагаскар: государственность на грани краха 454
- Ладыгин М.С.** Элементы неоконсерватизма в современном политическом обществе Германии 459

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE

Kudryashova I.V. Contemporary Muslim Political Identity: the Sacred Text and Social Experience	349
Beresnev D.N., Zhalin V.A., Slizovsky D.E. Policy of the Russian Federation to Enhance the Export Potential of the Education System: Risks and Opportunities at the Start	366
Kharitonova O.G. Political Regimes and Regime Changes in The Mirror of Academic Discourse	379
Rozanova N.N. Image — Reputation — Brand: Strategy of Forming of Value of the Power	392
Borshevskiy G.A. Political Factors of Institutional Development of Russian Public Service	403
Ponyaev I.M. Dynamics of Scientific Views on the Political Crisis of 1993 in Russia	412

POLITICAL PROCESSES IN CONTEMPORARY WORLD

Kim V.I. The Phenomenon of the Korean Wave as a Political Factor of «Soft Power» of the Republic of Korea	421
Kinyakin A.A. Eurasian Economic Union: Trying to Escape the Post-Soviet Integration Path Dependence	425
Hovhannisyan A.L. Value Basis of Chinese Foreign Policy	439
Zhang Zhan Inequality in China in the Context of Sustainable Development	448
Andriamaharinjaka Deep Political Crisis in the Republic of Madagascar: Statehood on the Edge of Collapse	454
Ladygin M.S. Elements of Neoconservatism in the Contemporary Political Society in Germany	459

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-349-365

МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ: СВЯЩЕННЫЙ ТЕКСТ И СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ

И.В. Кудряшова

Кафедра сравнительной политологии
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
просп. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Статья посвящена формированию современной мусульманской политической идентичности на макрополитическом и индивидуальном уровнях. В фокусе внимания автора находится соотношение ее исламского и национально-государственного уровней. Показано, что это соотношение имеет динамичный характер и что в настоящее время оба этих компонента значительно дифференцированы: национализм перерастает рамку государственного национализма и постепенно приобретает элементы гражданственности, а исламский компонент, утратив значимость единственного источника идентификации и самоидентификации для мусульман, впитывает новое социально-политическое содержание. О последнем феномене свидетельствует также рост «исламистского плюрализма». Отмечено, что такие аскриптивные лояльности, как семейно-родовые, этнические, клановые, сохраняют свою значимость и особенно выражены в периоды политической турбулентности.

Ключевые слова: политическая идентичность, ислам, исламизм, мусульманское государство, национализм

Многие современные политические процессы несут на себе «исламский отпечаток». Среди них рост религиозной нетерпимости и ксенофобии, массовые беспорядки и перевороты, гражданские войны и конфессиональные конфликты, международный экстремизм и терроризм, сбой интеграции мигрантов в Европе. Приверженность рационализму не всегда позволяет объяснить значимость религиозного компонента в современной политике — и особенно если в научных исследованиях и публичных дебатах по поводу «исламского фактора» присутствуют следование европоцентричным историческим шаблонам, статичный подход к оценке соотношения ислама и демократии, редукционизм в восприятии исламского политического дискурса, невнимание к изменениям в самоидентификации и поведении мусульман.

В этом контексте обращение к идентичности — концепту и аналитическому инструменту — дает возможность лучше понять, как комбинации переменных,

уходящих своими корнями в разные хронополитические пласты, формируют политическое поведение мусульман, воздействуя на ожидания, мотивацию, ценности, ориентиры, лояльности, антагонизмы и образы себя и других.

Актуальность идентичностного подхода в современных политологических и социологических исследованиях трудно переоценить. Как отмечают исследователи ИМЭМО в глобальном прогнозе до 2035 г., «многомерный конфликт идентичностей... — между носителями разных культурных норм и практик, между автохтонными и инокультурными группами, между центром и регионами — выдвигается на роль ключевого фактора политических и социокультурных трансформаций» [10. С. 74].

В середине 2010-х годов численность мусульманского населения оценивалась приблизительно в 1,6 млрд человек, и уровень религиозности в зоне исламской традиции остается очень высоким (См.: [40]). Означает ли это, что ключом к пониманию и объяснению мусульманской политической идентичности является ислам? Какие еще комплексы представлений входят в настоящее время в ее структуру? Как вписывается мусульманская идентичность в современность? Какова динамика ее изменений?

ИСЛАМ И МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Ответы на поставленные выше вопросы не могут быть однозначными. С одной стороны, мусульманин по определению является последователем ислама, его идентичность формируется под воздействием основных догматов и ценностей религии. Современный мусульманский мыслитель Т. Рамадан пишет, что *шахада* (1) как свидетельство веры в единого Бога «является самым чистым выражением сути мусульманской идентичности вне времени и пространства» [32. Р. 79].

С другой стороны, в социально-политическом отношении и пространство, и время объективно накладывают на идентичность глубокий отпечаток. Монолитным и статичным мусульманский мир видели в основном ориенталисты, чья позиция была подвергнута резкой критике пионером постколониальных исследований Э. Саидом (См. [34]). В действительности этот мир состоит из множества общин и отличается значительной культурно-исторической, этнической, географической и политической гетерогенностью. Так, египетский историк и публицист М. Ханна, исследуя современную египетскую идентичность, выделяет семь основных источников ее формирования («столпов» в его терминологии) — четыре исторических и три географических: фараонское и греко-римское наследие, коптская культура, ислам, арабский, средиземноморский и африканский цивилизационные компоненты (См.: [15. С. 171—174]).

Сам ислам представляет собой совокупность направлений, течений и сект, отражающих накопленное богатство религиозного опыта. В исламской традиции есть те, кто не принимают разнообразия в интерпретации доктрины, и те, кто в определенной степени допускают его. Внутренне присущая исламу гибкость позволяет верующим сочетать следование основным догматам с не противоречащими Корану и сунне местными культурными обычаями.

В странах своего проживания мусульмане взаимодействуют с различными типами общественно-политической реальности и разделяют широкий спектр политических ориентаций — от неопатримониальных до демократических. В той или иной степени важную роль в политике продолжают играть семейно-родовые, клановые и иные аскриптивные связи и лояльности. Наконец, они могут быть в обществе и большинством, и меньшинством и в последнем случае испытывать трудности с позитивным формированием идентичности.

Таким образом, мусульманская идентичность не тождественна исламской, однако значимость ислама как источника социально-политической идентификации и самоидентификации трудно переоценить. Как известно, ислам является не только религиозной, но и мирской социальной системой. Его синтетическое начало нагляднее всего воплощается в шариате, который представляет собой не просто собрание норм мусульманского права, но путь нравственности и спасения.

Согласно результатам опросов *Pew Research Center*, доля мусульман, которые хотели бы видеть нормы шариата в качестве официального законодательства в своей стране или в регионе проживания, остается очень высокой. Относительно низка она на постсоциалистическом пространстве и в Турции (в российских регионах с мусульманским населением — 42%), где государство в течение десятилетий планомерно осуществляло политику секуляризации, а также в конфессионально гетерогенных обществах (например в Ливане — 29%) (См.: [39]).

Социальная направленность ислама проявляется и в понимании верующими *шахады* не только как формулы веры, но и как обязательства совершать благие дела. О необходимости творить добро не раз упоминается в Коране («...Не забывай своего удела в этом мире и благодетельствуй, как благодетельствует тебе Аллах, и не стремись к порче на земле» (28:77) [2]. Как отмечает Т. Рамадан, *нести шахаду* означает заниматься делами общества в тех сферах, где возникают острые проблемы, добиваться позитивных реформ правовых, экономических, социальных, политических институтов во имя обеспечения большей справедливости и реального участия народа [32. Р. 73—74]. Таким образом, в мусульманской среде действует установка на активную общественную позицию.

В целом, присутствию ислама в сфере политики способствуют и другие его черты, среди которых следует выделить автономный доступ к священному тексту всех членов общины и возможность его свободной интерпретации (подробнее об этом см.: [6. С. 158—159]).

Неоднозначно решается в исламе проблема повиновения политической власти. Из иудео-христианской традиции он воспринял тезис о пророке, появляющемся, чтобы укорить несправедливого правителя, и веру в мессию, который установит божественный порядок на земле. С неверными владыками следовало вести войну или строить отношения на основе договора при условии отсутствия притеснений мусульман. С несправедливой мусульманской властью дело обстояло сложнее. Здесь сформировались две позиции: пассивная и активистская, причем обе аргументированы текстами Корана и хадисов.

Особая трактовка власти сложилась в философии шиизма, где наиболее отчетливо выражено понимание ее высшей легитимности как идущей от Бога,

а не от установленного земного авторитета (2). Наряду с важнейшим значением имамата и догматом о «сокрытом имаме» (3) влиянию шиизма на политизацию идентичности его последователей способствуют особая организация и статус шиитских улемов, важнейшая общественно-политическая роль духовного руководителя общины, считающегося рупором «сокрытого имамата», историко-культурный контекст развития шиизма, который в исламской истории был религией меньшинства.

Следует также отметить, что сам язык ислама может придавать особую значительность взглядам и оценкам, которые, будучи вполне обычными, приобретают в этом случае трансцендентную значимость и практически исключают альтернативные подходы.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РАМКЕ НАЦИИ-ГОСУДАРСТВА

До прямого соприкосновения с европейской современностью в колониальный период мусульманские ученые и правители использовали для концептуализации политического термины *умма*, *халиф* (при акценте на религиозное начало власти) или *султан* (при акценте на ее политическое начало). По мнению В. Кузнецова, реальная политическая власть в халифате примерно в X в. существенно эмансипировалась от ее религиозных истоков, но концепция исламской государственности продолжала развиваться в трудах правоведов (См.: [8]).

Форма нации-государства пришла в мусульманский мир в результате не только прямого колониального давления, но и культурной диффузии и имитации. Западное общество поражало людей Востока тем, что обеспечивало экономическое развитие и улучшение положения человека. Так, египетский просветитель и общественный деятель Р. ат-Тахтауи, который обучался в Париже и был свидетелем июльской революции 1830 г., в своих трудах писал, что свобода французов, понимаемая как естественная свобода, свобода поведения, религиозная свобода, гражданская свобода, политическая свобода, является великим средством развития и процветания [25. Р. 43].

Однако исламские мыслители, как и первые мусульманские теоретики национализма, недооценивали значение разработки вопроса о государстве и преимущественно трактовали вопросы территориальных границ, общественной этики, прав и свобод народа, рынка и другие как искусственные или второстепенные. Понимая необходимость преодоления политического упадка и пытаясь найти аналоги европейским институтам в исламском политическом наследии, основное внимание они уделяли концептам единства и интеграции, соответственно религиозно-морального или этнокультурного характера (См.: [3], [7], [19]).

После распада Османской империи, а затем и западной колониальной системы формирование макрополитической идентичности, способной соответствовать этапу суверенного развития мусульманских государств, стало остроактуальной и одновременно очень сложной задачей. В первую очередь эта сложность была обусловлена отсутствием на Востоке социологической рамки современного государства и необходимостью поиска и закрепления новых оснований для идентификации и самоидентификации населения как политического сообщества.

Следуя логике Э. Кедури [24] и Э. Смита [35] в анализе взаимоотношений религии и национализма, можно выделить три типа стратегий формирования национальной идентичности в мусульманском мире:

— секулярное вытеснение, в ходе которого исламская традиция целенаправленно разрушается и замещается национализмом как современной светской идеологией;

— адаптация национализма к исламской культуре, верованиям и практикам населения, сочетание его светского рационального посыла с традиционализмом;

— конструирование исламского национализма как своеобразной политической религии.

Из-за неорганической и в абсолютном большинстве случаев форсированной модернизации ни одна из этих стратегий не могла быть последовательной в длительной перспективе. В качестве иллюстрации секулярного вытеснения можно назвать Турцию (кемализм) и Малайзию (государственная идеология «Рукунегара»), а также — с определенной натяжкой из-за амбивалентности советской национальной политики и национально-территориальной государственности — социалистический период мусульманских республик СССР. Однако и в Турции, и в Малайзии культурное реструктурирование идентичности, запущенное без одобрения «снизу», стало одной из главных причин неудач выбранных стратегий. В 1980-х годах это поставило под вопрос авторитет нации-государства и светской идентичности и привело к росту присутствия ислама в публичной политике.

Адаптационный паттерн имеет наибольшее число страновых вариаций — в качестве примера здесь можно назвать и Египет, и Ливию, и Саудовскую Аравию. В конституциях большинства арабских и некоторых других мусульманских государств ислам определен в качестве государственной религии, а шариат может выступать основой законодательства или его источником.

Даже националистические элиты революционного типа, провозглашая свои манифесты, должны были корректировать их в соответствии с кругозором и религиозными чувствами населения: политические и экономические преобразования санкционировались отчетливо выраженными в исламе принципами эгалитаризма и справедливости. Например, в ливийской Джамахирии ислам был провозглашен «естественным законом» общества. В странах консервативно-охранительной модернизации национальный компонент идентичности формировался значительно медленнее. Однако, как отмечает Г. Косач, уже одно обретение Саудовской Аравией флага, герба и гимна «проводило грань между этим политическим образованием и расплывчатым „миром ислама“» [4. С. 65].

Третий паттерн подразумевает придание национальной идентичности трансформированного религиозного измерения, позволяющего публично формулировать религиозно-политические цели и проповедовать религиозную этику. Самым ярким примером такого подхода является Иран после народной революции 1978—1979 гг. Новый лидер аятолла Хомейни воплотил в жизнь концепцию «исламской системы», обеспечивающей, по его мнению, духовность и мораль и поддерживающей баланс между интересами индивида и общества через служение Богу.

Другая разновидность этой стратегии представлена в деятельности исламистских (4) организаций, которые создавались как оппозиционные «неправедной власти». В 1928 г. в Египте была основана первая такая организация — Ассоциация «братьев-мусульман» (АБМ), филиалы которой вскоре появились и в других арабских странах. Ее основатель Х. аль-Банна и его последователи видели в исламе ключ к общественно-политической трансформации, моральную основу для борьбы против колониализма, за национальное возрождение. В 1970—1980-х годах неудачи модернизации как социальной стратегии, давление иных культурных образцов и другие факторы вызвали подъем политического ислама и одновременно его дифференциацию (умеренный — радикальный/экстремистский) (См.: [5. С. 97—99]).

До активного вовлечения мусульманских стран в процессы глобализации в постбиполярный период формирующаяся в них национальная идентичность фактически совпадала с государственной, поскольку в условиях авторитарной модернизации и слабости автономных гражданских объединений (самыми активными из них были мусульманские общины) объективно принимала форму лояльности государственной власти. Тем не менее, значение националистического дискурса для рационализации и политизации мусульманского сознания трудно переоценить. Как указывает Ф. Казула, в рамках дискурса производятся в той или иной степени сами акторы — поскольку их идентичности формируются через дискурсивную борьбу за означивание [1. С. 60].

На микроуровне наряду с исламом и государственным национализмом на формирование политической идентичности мусульман продолжали оказывать объективное воздействие семейно-родовые, клановые и другие аскриптивные лояльности (См.: [6. С. 164—176], [26]).

УСЛОЖНЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НОВЕЙШИЙ ПЕРИОД

С дискредитацией социалистической модели развития и ускорением глобализационных процессов давление на мусульманское государство с целью проведения политических реформ усилилось как со стороны международного сообщества, так и со стороны собственных граждан. Его ответом на новую ситуацию в 1990—2000-х годах в подавляющем большинстве случаев стали умеренно-альтернативные выборы (или развитие этой практики), расширение идейно-политического спектра представительства в легислатуре и создание неправительственных организаций. При этом оно препятствовало свободному гражданскому участию, стремясь удержать политический контроль над обществом путем неформальных сделок с традиционными элитами и репрессий.

Ислам в публичном дискурсе поддерживали и власть, и подавляющая часть оппозиции: первая использовала его для укрепления своей легитимности и поддержки стабильности, вторая — для выражения протестных настроений и продвижения своих программ. Во многих государствах (Марокко, Алжире, Иордании, Ливане, Йемене, Ираке после свержения баасистского режима и др.) умеренные исламские политические партии приобрели легальный статус. В Турции, Пакистане, Малайзии, Индонезии они активно участвовали в формировании полити-

ческого курса и осуществлении властных функций. В целом, характерным для этих организаций стал поворот в сторону признания рамки нации-государства.

По мнению А.М. Спигела, изучавшего в 2010-х годах мировоззрение и деятельность молодых мусульман — членов исламистских организаций в Марокко (входящей в правящую коалицию Партии справедливости и развития (ПСР) и имеющей полулегальный статус ассоциации «Аль-Адль ва-ль-ихсан»), политическая реальность дает основания говорить о формировании в мусульманских странах «исламистского плюрализма», динамичного и сложного объединения конкурирующих организаций и ориентаций. По многим позициям (нарушение прав человека, борьба за освобождение Палестины и др.) эти группы могут солидаризироваться с неисламистами [36. Р. 2—7].

В ходе полевых исследований Спигел собрал материалы, которые позволили ему выделить три типа новой исламистской идентичности: это «автономный исламист», «восходящий исламист» и «исламист-альтруист». Для носителя идентичности первого типа характерно понимание своей деятельности как пути к независимому, автономному существованию, к обладанию социальной и политической субъектностью. Для «восходящего исламиста» партийная работа представляет собой открытие новых горизонтов. Это может проявляться как в вертикальной мобильности (ПСР), так и в ощущении роста собственных возможностей, «внутренней силы» («Аль-Адль»). В случае «исламиста-альтруиста» политический активизм позволяет удовлетворять нужды других, трудиться во имя своих сограждан. При этом члены обеих организаций не воспринимают альтруизм как моральный долг или самопожертвование, подчеркивая, что их работа много дает им самим: репутацию, высокий общественный статус [36. Р. 94—110].

Процесс дифференциации исламского пласта идентичности затронул и исламских консерваторов-охранителей — *салафитов* (5). По оценке М. Абу Руммана, в настоящее время в их среде можно обнаружить четыре комплекса представлений и ориентаций:

— первый отличается консервативным академическим прозелитским характером и продвигает салафитский призыв и образование при обходе вопроса о политическом участии;

— в основе второго лежит императив повиновения правителю, любая политическая оппозиция рассматривается как нелегитимное неповиновение и отвергается;

— третий объединяет сторонников вооруженного джихада, которые осуждают светские правительства как безбожные и выступают за радикальные изменения («Аль-Каида» и др.);

— четвертый сочетает приверженность салафитской религиозной доктрине с мирным политическим активизмом и считает оппозиционную деятельность законной [17. Р. 47—49].

О различных комбинациях религиозного и национально-государственного компонентов в структуре идентичности молодых арабов-мусульман дает представление социологическое исследование, проведенное в 2015 и 2017 гг. исламским фондом *Tabah Foundation*. Респондентам было предложено ранжировать в первом случае пять, а во втором — четыре источника идентичности.

Таблица 1

**Ответы арабской молодежи (возраст 15—33) на вопрос:
«Когда вы думаете о том, кто вы, каков ваш главный источник идентичности?»
в 8 арабских странах (в %, округлено)**

	Марокко	Египет	КСА	ОАЭ	Бахрейн	Кувейт	Иордания	Палестина
Моя страна (быть египтянином, саудовцем и т.д.)	59	43	35	14	31	35	19	50
Быть арабом	21	5	38	66	27	35	56	17
Моя религия	15	49	19	14	42	19	10	17
Моя семья или племя	4	1	7	4	0	10	10	14
Район, откуда я родом	1	1	1	1	1	0	4	2

Источник: [29].

Таблица 2

**Ответы арабской молодежи (возраст 15—33) на вопрос:
«Когда вы думаете о том, кто вы, каков ваш главный источник идентичности?»
в 10 арабских странах (в %, округлено)**

	Ливия	Тунис	Алжир	Мавритания	Судан	Ирак	Ливан	Оман	Йемен	Катар
Моя страна	50	60	56	39	54	50	50	57	45	59
Быть арабом	13	16	12	13	14	17	28	10	16	18
Моя религия	9	13	11	12	15	12	18	23	13	19
Моя семья или племя	28	11	21	37	17	22	33	10	26	4

Источник: [28].

Результаты исследования показывают, что национально-государственная идентичность становится доминирующей в структуре идентичности молодых жителей арабских стран — за исключением Египта, КСА, ОАЭ, Бахрейна. Арабизм, который имеет не только культурно-историческое, но и паннациональное измерение, является наиболее важным источником самоидентификации для респондентов в КСА, ОАЭ и Иордании (в Кувейте значение национально-государственного и арабского компонентов оценено одинаково высоко). Религиозную идентичность ставят на первое место участники опроса в Египте и на Бахрейне. Племенная/семейная идентичность остается весьма значимой для граждан Ливии, Мавритании, Судана, Ирака, Ливана, Йемена, что препятствует территориально-политической консолидации в этих странах. С другой стороны, утрачивает свою важность локально-территориальная идентичность.

Ответы на уточняющие вопросы о роли ислама показывают, что молодежь полагает религию важной для будущего своих стран, в том числе в политической сфере. Три наиболее важных аспекта исламской самоидентификации для нее — это руководство исламской этикой и моралью, внимание к стоящим перед мусуль-

манами политическим задачам и получение исламского знания. Подавляющее большинство молодых арабов считает неприемлемыми такие террористические организации, как ИГ(ИЛ) или «Аль-Каида» [28].

Политическим индикатором активного формирования национально-гражданского пласта идентичности стали в мусульманских странах такие события, как выступления против режима Сухарто в Индонезии (1998) и «арабская весна» (2010—2011). В ходе массовых и идущих «снизу» протестов выдвигались лозунги борьбы с авторитаризмом, за демократию, достоинство и права человека. Анализируя изменения в поведении арабских демонстрантов, О. Руа обращает внимание на индивидуализацию гражданской активности [33].

Данные *Pew Research Center* за апрель—май 2010 г. показывают, что оценки демократии среди граждан семи мусульманских стран имели преимущественно положительный характер; даже в Пакистане, где демократию одобрило менее половины опрошенных, сторонниками авторитаризма выступили только 15%.

Таблица 3

Мнения граждан мусульманских стран о демократии (в %)

	Демократия предпочтительней любой другой формы правления)	В определенных обстоятельствах недемократическое правление может быть предпочтительней	Для таких, как я, неважно, какую форму правления мы имеем	Не знаю
Ливан	81	12	5	2
Турция	76	6	5	13
Иордания	69	17	10	4
Нигерия	66	18	16	1
Индонезия	65	12	19	4
Египет	59	22	16	2
Пакистан	42	15	21	22

Источник: [21].

На излете «арабской весны» в 2012 г. опросы *Pew Research Center* зафиксировали незначительное снижение сторонников демократии в Египте и Иордании и вновь подтвердили приверженность общества исламским ценностям. Такое сочетание, как и разброс оценок по поводу приоритета «сильной экономики»/«хорошей демократии», показывает, что представления о демократии у большинства граждан имеют нелиберальную природу, но предполагают защищенность прав человека, политическую конкурентность и ответственность власти перед народом [27]. С другой стороны, массовые движения демократического характера привели в ряде случаев к длительным вооруженным конфликтам, ослаблению политического центра и усилению партикуляризма.

Сосуществование в мусульманском публичном пространстве национально-государственных, исламских и демократических ориентиров, а также феномен «исламистского плюрализма» показывают, что спор, который ведется учеными и политиками по поводу совместимости ислама и демократии, имеет во многом искусственный характер. Ислам, как и любая другая великая традиция, полон амбивалентных смыслов, которые могут приобретать различное социальное звучание в зависимости от политического контекста и трактовки. Политическое и соци-

ально-экономическое развитие не только ведет к сужению базы воспроизводства традиционалистского сознания, но и усложняет и одновременно делает более гибкой структуру идентичности мусульман, изменяет форму публичного проявления религиозности. В настоящее время 60% опрошенных в регионе Ближнего Востока и Северной Африки не видят конфликта между религией и современным обществом [39]. Так, в Иордании с 2012 по 2015 г. на 18% (с 72 до 54%) снизилось число тех, кто считает, что законы должны строго следовать Корану [37]. Можно согласиться с А. Пшеворским в том, что все религиозные традиции «всегда были совместимы с самым широким спектром политических устройств» [11. С. 198].

МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ЗАПАДЕ

Доля мусульман в странах Европы постоянно растет: в 1990 г. оно составляло 29,6 млн, в 2010 — 44,1 млн, а к 2030 г. ожидается его рост до 58,2 млн человек. Крупнейшие в процентном выражении мусульманские диаспоры сложились во Франции, Бельгии, Австрии, Швейцарии, Нидерландах, Германии, Швеции, Греции и Великобритании [23].

На Западе, как и в мусульманских странах, Другое определяют по отношению к тому, чем он не является и чему он противостоит. В течение двух последних десятилетий в принимающих странах произошел сдвиг в идентификации мусульман: если в 1960-х они воспринимались преимущественно как этническое меньшинство/меньшинства, то с конца 1990-х годов их стали идентифицировать как религиозную группу. Так, Дж. Нэш отмечает, что в Великобритании публичное осознание присутствия мусульман совпало с массовой агитацией исламистов против романа С. Рушди «Сатанинские стихи» (издан в 1988 г.) Последовательные эффекты дела Рушди, войн в Боснии и в Чечне и в огромной степени терактов 11 сентября 2001 г. пробудили к жизни «культуркампф» с целью устранения «исламской угрозы» западным ценностям и утверждения превосходства секулярного себя как политического и культурного гегемона [30. Р. 9].

С другой стороны, усиление исламского компонента идентичности происходит из-за осознанной необходимости в самоидентификации прежде всего иммигрантов второго и третьего поколений, многие из которых не востребованы в постиндустриальном обществе и беззащитны перед глобальным кризисом. Отрыв от традиционной исламской среды и отсутствие исламских знаний провоцирует их интерес к «чистому исламу» и в ряде случаев к экстремистской деятельности. Этому также способствуют и различные события мировой политики, в которых можно обнаружить элементы «конфликта цивилизаций». Обращение к исламу как стержню идентичности диктуется нуждой в формировании защитного механизма, необходимого для самоопределения сообщества и отпора недружественным действиям [18. Р. 338—339].

В 2016 г. британский телевизионный канал *Channel 4* представил результаты опроса, проведенного службой общественного мнения *ICM Research*. О достижениях интеграции в стране свидетельствуют такие цифры: 91% британских мусульман испытывают сильное чувство принадлежности к своему району (против

76% в среднем по стране), 86% — к Великобритании (против 83% в среднем), 33% считают, что влияют на принятие решений, касающихся Великобритании (против 21% в среднем), 44% считают, что избранные ими депутаты парламента отражают их взгляды (против 41% в среднем). Однако 4% в той или иной степени симпатизируют тем, кто совершает террористические акты как акции политического протеста (полностью симпатизируют — 0,5%, в некоторой степени — 3,5%) [20].

В целом, мусульмане все более весомо участвуют в политической жизни европейских стран, большинство их поддерживает демократические идеалы и практики; массовой стала гибридная идентичность, в которой сочетаются и европейские, и исламские ценности [См.: 16].

Камнем преткновения для углубления интеграции остаются гендерное равенство и гомосексуальные отношения. По данным того же опроса, 30% респондентов полагают, что мужчина может иметь более одной жены, 39% — что жена должна всегда повиноваться мужу, 52% не одобряют легализации гомосексуализма [20]. Очевидно, что в области гендерной политики интеграция мусульманских меньшинств будет длительным процессом.

Как и в мусульманских странах, политическая идентичность мусульман в диаспоре разнообразна. Большинство из них переосмысливают ислам в том социокультурном контексте, который их окружает. Формирование новых компонентов их идентичности быстрее происходит в переселенческих обществах (Канаде, Австралии, Новой Зеландии, США), где имеет место институционализация мультикультурализма [См.: 14]. М. Озалп и З. Кескин на примере австралийских мусульман (доля в населении страны 2,2%) опровергают многие стереотипы о несовместимости западной и мусульманской идентичностей. В частности, они выделяют пять фаз миграционного опыта. В период первых трех (выживание, обустройство, выстраивание отношений с мусульманским миром и западными институтами) мусульмане сохраняют зависимость от стран происхождения, поддерживают с ними тесные связи. На четвертой (переживаемой в настоящее время) они развивают собственную отчетливую идентичность и культуру, в их среде формируются мусульманские ученые и духовные лидеры. Последнюю фазу им еще только предстоит пройти: она подразумевает взаимное позитивное влияние западных мусульман и мусульман, образующих в своих странах большинство, в сферах бизнеса, образования и политики [31. P. 216—218].

В XX веке, когда мусульманские страны вступили на путь независимого развития, современность перестала быть для них внешней силой, трансформировавшись в систему собственных политических институтов и идейно-политические платформы лидеров. В силу специфики ислама как религиозной системы, а также уровня общественного развития этих молодых суверенных государств формирование политической идентичности и на макро-, и на микроуровне проходило под влиянием исламских норм и ценностей даже там, где были предприняты попытки их культурного замещения. Производящий идентичности политический дискурс в силу авторитарного характера модернизации был монополизирован государ-

ством и обрел рамку государственного национализма. Слабый уровень развития гражданских структур и представительства консервировал партикуляристские лояльности и комплексы представлений.

Эффекты глобализации, политическое давление Запада и рост уровня жизни индуцировали существенные изменения мусульманской политической идентичности. Ослабление государственного патернализма и распространение новых ориентиров и ценностей привели к активизации гражданского участия и способствовали структурированию ее национально-гражданского компонента, в том числе в форме политического ислама. В ряде мусульманских стран сформировались режимы, классифицируемые как «неполные демократии» (*Democracy Index / EIU*). Вместе с тем, как показали некоторые последствия «арабской весны», в условиях политического кризиса государственно-национальный компонент мусульманской идентичности может быть значительно ослаблен, а партикуляристские компоненты, основанные на аскриптивных лоялностях, — усилены.

Современная мусульманская политическая идентичность разнообразна и динамична; ее следует рассматривать и как состояние, и как процесс. В настоящее время исламский компонент продолжает занимать в ней важное место, но и он реконструируется и дифференцируется в ходе усвоения мусульманами нового социального опыта. По мнению З.И. Левина, «сегодня ислам для мусульманина — это не столько религия, сколько источник политической и культурной самоидентификации» [9. С. 147]. Мусульмане, проживающие на Западе, принимают большинство демократических ценностей и практик; в большей степени для них становится характерной гибридная идентичность. В результате модернизации появился и тип светской мусульманской идентичности, носители которой считают религию частным делом человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Произнесение *шахады* («Свидетельствую, что нет иного божества, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммад — посланник Аллаха») является главным условием принятия ислама.
- (2) Вопрос о передаче власти в мусульманской общине стал причиной первого раскола в исламе на суннитов, сторонников традиции пророка (Сунны), и шиитов, членов «партии» (араб. *шиа*) Али, двоюродного брата и зятя пророка, четвертого праведного халифа. Шиитская традиционалистская элита никогда не признавала точку зрения суннитов на халифат как на избрание халифа на основе согласованного мнения общины, считая, что *умму* должны возглавлять прямые потомки пророка.
- (3) Согласно представлениям шиитов-двунадесятников, составляющих около 85% всех шиитов, их последний признанный двенадцатый имам не пропал в малолетнем возрасте, а был «сокрыт» и как носитель «божественной субстанции» продолжил руководить общиной через своих уполномоченных — религиозных авторитетов.
- (4) Исламизм (политический ислам) — термин европейского происхождения, не имеющий единой трактовки и подразумевающий как неукоснительное следование в политике исламским нормам и практикам, так и стремление к преобразованию мусульманских политий через синтез западных и традиционных общественных институтов («исламская демократия», «исламский социализм»). Подходы к типологизации идейных направлений в исламе см.: [12], [13], [22].

- (5) Термин происходит от арабского слова *ас-салаф* («праведные предки») и обозначает мусульман, которые придают первостепенное значение Корану и хадисам, привержены монолитному метафизическому доктринальному мировоззрению и ратуют за возвращение к образу жизни и институтам «праведных предков».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Казула Ф.П. Теория дискурса и дискурс-анализ: Как идеи и символы формируют политику // *Политическая наука*. М.: РАН.ИНИОН, 2009. № 4. С. 59—78.
- [2] Коран. Пер. с араб. акад. И.Ю. Крачковского. М.: СП ИКПА, 1990. 512 с.
- [3] Косач Г.Г. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // *Национализм в мировой истории* / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 259—332.
- [4] Косач Г.Г. Саудовская Аравия: Национальное единство без плюрализации // *Политическая наука*. М.: РАН. ИНИОН, 2016. № 1. С. 60—79.
- [5] Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий // *Политическая наука*. М.: РАН.ИНИОН, 2003. № 2. С. 87—117.
- [6] Кудряшова И.В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // *Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 тт. Т. 2.: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке* / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. С.155—184.
- [7] Кудряшова И.В. Суверенитет: Европейский конструкт в контексте ближневосточных реалий // *Суверенитет. Трансформация понятий и практик* / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 194—226.
- [8] Кузнецов В. ИГ — альтернативная государственность? // *Россия в глобальной политике*. М., 2015. № 5, сентябрь—октябрь. С. 8—17.
- [9] Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть?: опыт системного и социокультурного исследования. М.: ИВ РАН, Крафт+. 2005. 240 с.
- [10] Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. акад. А.А. Дынкина / ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. М.: Магистр, 2017. 352 с.
- [11] Модернизация и демократизация в странах БРИКС: сравнительный анализ / Под ред. И.М. Бусыгиной, И.Ю. Окунева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. 352 с.
- [12] Полонская Л.Р. Современные мусульманские идейные течения // *Ислам: Проблемы идеологии, права, политики и экономики*. Сб. статей / Отв. ред. Ионова А.И. М.: Наука, Главн. ред. восточной литературы, 1985. С. 6—26.
- [13] Саватеев А.Д. Политический ислам в концепциях российских исследователей // *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. М., 2015. Т. 11. № 2. С. 109—118.
- [14] Сахарова В.В. Мультикультурализм и проблемы интеграции иммигрантов // *Вестник СПбГУ*. Сер. 6. 2010. Вып. 2. С. 47—52.
- [15] Халиль М. Проблемы идентичности в современном египетском обществе // *Россия и мусульманский мир*. 2009. № 10. С. 170—182.
- [16] Хенкин С.М., Кудряшова И.В. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // *Полис. Политические исследования*. 2015. № 2. С. 137—155.
- [17] Abu Rumman M. I Am a Salafi. A Study of the Actual and Imagined Identities of Salafis // *Amman: Friedrich-Ebert-Stiftung Jordan & Iraq*. 264 p.
- [18] Ali S. The Politics of Islamic Identities // *Routledge Handbook of Identity Studies* / Ed. by A. Elliot. L., N.Y.: Routledge, 2014. P. 325—336.
- [19] Ayubi N.N. Over-stating the Arab State: Politics and Society in the Middle East. L., N.Y.: I.B. Tauris, 2008. 514 p.

- [20] C4 Survey and Documentary Reveals What British Muslims Really Think. 2016. URL: <http://www.channel4.com/info/press/news/c4-survey-and-documentary-reveals-what-british-muslims-really-think> (дата обращения: 23.08.2017).
- [21] Egypt, Democracy and Islam. Pew Research Center Q 17. 2010. URL: <http://pewresearch.org/pubs/1874/egypt-protests-democracy-islam-influence-politics-islamic-extremism> (дата обращения: 15.05.2017).
- [22] *Esposito J.L.* Islam: The Straight Path. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1998. Third edition. 286 p.
- [23] The Future of the Global Muslim Population / Pew Research Center. 2011. URL: <http://www.pewforum.org/2011/01/27/future-of-the-global-muslim-population-regional-europe/> (дата обращения: 12.08.2017).
- [24] *Kedourie E.* Introduction // Nationalism in Asia and Africa / Ed. by E. Kedourie. L.: Frank Cass, 1974. P. 1—152.
- [25] *Khatab S., Bouma G.D.* Democracy in Islam. N.Y.: Routledge, 2007. 272 p.
- [26] *Mehmet O.* Islamic Identity and Development: Studies of the Islamic Periphery. N.Y.: Routledge, 1990. 272 p.
- [27] Most Muslims Want Democracy, Personal Freedoms, and Islam in Political Life / Pew Research Center. July 10, 2012. URL: <http://www.pewglobal.org/2012/07/10/most-muslims-want-democracy-personal-freedoms-and-islam-in-political-life/> (дата обращения: 4.05.2017).
- [28] Muslim Millennial Attitudes on Religion and Religious Leadership II: Algeria, Iraq, Lebanon, Libya, Mauritania, Oman, Qatar, Sudan, Tunisia, Yemen / Tabah Foundation. 2017. URL: http://mmasurvey.tabahfoundation.org/downloads/mmasurvey2_en_web-key-findings.pdf (дата обращения: 28.08.2017).
- [29] Muslim Millennial Attitudes on Religion & Religious Leadership: Arab World / Tabah Foundation. 2016. URL: http://mmasurvey.tabahfoundation.org/downloads/mmsgsurvey_full_En_web.pdf (дата обращения: 26.08.2017).
- [30] *Nash G.* Writing Muslim Identity. L., N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2012. 160 p.
- [31] *Ozalp M., Keskin Z.* Muslim Identity Threshold: Emergence of a Distinctive Australian Muslim Identity // Muslim Identity Formation in Religiously Diverse Societies / Ed. by D. Iner, S. Yucel. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 2015. P. 208—230.
- [32] *Ramadan T.* Western Muslims and the Future of Islam. N.Y.: Oxford University Press, 2004. 288 p.
- [33] *Roy O.* The Transformation of the Arab World // Journal of Democracy. 2012. Vol. 23, No 3. P. 5—18.
- [34] *Said E.W.* Orientalism: Western Conceptions of the Orient. New Delhi: Penguin Books India, 2006. 416 p.
- [35] *Smith A.* The ‘Sacred’ Dimension of Nationalism // Millenium — Journal of International Studies. 2000. Vol. 29, No. 3. P. 791—814.
- [36] *Spiegel A.M.* Young Islam. The New Politics of Religion in Morocco and the Arab World. Princeton: Princeton University, 2015. 264 p.
- [37] Spring 2015 Global Attitudes Survey / Pew Research Center. Q24. URL: <http://www.pewglobal.org/2016/04/27/the-divide-over-islam-and-national-laws-in-the-muslim-world/> (дата обращения: 14.08.2017).
- [38] The World’s Muslims: Religion, Politics and Society / Pew Research Center. Q75. 2013. URL: <http://www.pewforum.org/2013/04/30/the-worlds-muslims-religion-politics-society-overview/> (дата обращения: 2.09.2017).
- [39] The World’s Muslims: Religion, Politics and Society / Pew Research Center. Q79a. April 30, 2013. URL: <http://www.pewforum.org/2013/04/30/the-worlds-muslims-religion-politics-society-overview/> (дата обращения: 6.09.2017).
- [40] The World’s Muslims: Unity and Diversity / Pew Research Center. Q43j. August 9, 2012. URL: <http://www.pewforum.org/2012/08/09/the-worlds-muslims-unity-and-diversity-executive-summary/> (дата обращения: 23.06.2017).

CONTEMPORARY MUSLIM POLITICAL IDENTITY: THE SACRED TEXT AND SOCIAL EXPERIENCE

I.V. Kudryashova

Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University) under Ministry of Foreign Affairs of Russia
Vernadskogo Av., 76, Moscow, Russia, 119454

Abstrac. The article focuses on the formation of modern Muslim political identity on the macro-political and individual levels. The author explores the relation between its Islamic and state-national levels. It is shown that this relationship is of dynamic nature and that at present both these levels are significantly differentiated: nationalism outgrows the framework of state nationalism and gradually acquires civil dimension, while the Islamic layer, losing its significance as the only source of identification and self-identification for Muslims, acquires new socio-political content. The latter is reflected in the development of “Islamist pluralism”. It is noted that the ascriptive orientations to kin-groups, ethnic groups and clans remain significant and especially vibrant in the times of political turbulence.

Key words: Muslim political identity, Islam, Islamism, Muslim state, nationalism

REFERENCES

- [1] Kazula F.P. Teoriya diskursa i diskurs-analiz: Kak idei i simvolyy formiruyut politiku. *Politicheskaya nauka*. 2009; 4. S. 59—78 (In Russ).
- [2] *Koran*. Per. s arab. akad. I.YU. Krachkovskogo. Moscow: SP IKPA, 1990. 512 s. (In Russ).
- [3] Kosach G.G. Arabskiy nacionalizm ili arabskie nacionalizmy: doktrina, ehntonim, varianty diskursa. *Nacionalizm v mirovoj istorii*. Ed. by V.A. Tishkova, V.A. SHnirel'mana. Moscow: Nauka, 2007. S. 259—332 (In Russ).
- [4] Kosach G.G. Saudovskaya Araviya: Nacional'noe edinstvo bez plyuralizacii. *Politicheskaya nauka*. 2016; 1. S. 60—79 (In Russ).
- [5] Kudryashova I.V. Islamskaya civilizatsionnaya dominanta i sovremennoe razvitie musul'manskih politij. *Politicheskaya nauka*. 2003; 2. S. 87—117 (In Russ).
- [6] Kudryashova I.V. Politicheskie izmeneniya i transformatsiya identichnosti v stranah musul'manskogo Vostoka. *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: v 2 tt. T. 2: Identichnost' i social'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: ROSSPEHN, 2012. S. 155—184 (In Russ).
- [7] Kudryashova I.V. Suverenitet: Evropejskiy konstrukt v kontekste blizhnevostochnyh realij. *Suverenitet. Transformatsiya ponyatij i praktik*. Ed. by M.V. Il'ina, I.V. Kudryashovoj. Moscow: MGIMO-Universitet, 2008. S. 194—226 (In Russ).
- [8] Kuznecov V. IG — al'ternativnaya gosudarstvennost'? *Rossiya v global'noj politike*. 2015; 5; sentyabr'—oktyabr'. S. 8—17 (In Russ).
- [9] Levin Z.I. *Reforma v islame. Byt' ili ne byt'?: opyt sistemnogo i sociokul'turnogo issledovaniya*. Moscow: IV RAN, Kraft+. 2005. 240 s. (In Russ).
- [10] *Mir 2035. Global'nyj prognoz*. Ed. by A.A. Dynkina. Moscow: Magistr, 2017. 352 s. (In Russ).
- [11] *Modernizatsiya i demokratizatsiya v stranah BRIKS: sravnitel'nyj analiz*. Ed. by I.M. Busygina, I.YU. Okunev. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015. 352 s. (In Russ).
- [12] Polonskaya L.R. Sovremennye musul'manskije idejnye techeniya. *Islam: Problemy ideologii, prava, politiki i ehkonomiki*. Sb. statej. Ed. by Ionova A.I. Moscow: Nauka, Glavn. red. vostochnoj literatury, 1985. S. 6—26 (In Russ).

- [13] Savateev A.D. Politicheskij islam v koncepciyah rossijskih issledovatelej. *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodno-politicheskij aspekty*. 2015; Vol. 11; 2. S. 109—118 (In Russ).
- [14] Saharova V.V. Mul'tikult'uralizm i problemy integracii immigrantov. *Vestnik SPbGU. Ser. 6*. 2010; 2. S. 47—52 (In Russ).
- [15] Halil' M. Problemy identichnosti v sovremennom egipetskom obshchestve. *Rossiia i musul'manskij mir*. 2009; 10. S. 170—182 (In Russ).
- [16] Henkin S.M., Kudryashova I.V. Integraciya musul'man v Evrope: politicheskij aspect. *Polis*. 2015; 2. S. 137—155 (In Russ).
- [17] Abu Rumman M. I Am a Salafi. A Study of the Actual and Imagined Identities of Salafis. *Amman: Friedrich-Ebert-Stiftung Jordan & Iraq*. 264 p.
- [18] Ali S. The Politics of Islamic Identities. *Routledge Handbook of Identity Studies*. Ed. by A. Elliot. L., N.Y.: Routledge, 2014. P. 325—336.
- [19] Ayubi N.N. *Over-stating the Arab State: Politics and Society in the Middle East*. L., N.Y.: I.B. Tauris, 2008. 514 p.
- [20] *C4 Survey and Documentary Reveals What British Muslims Really Think*. 2016. Available from: <http://www.channel4.com/info/press/news/c4-survey-and-documentary-reveals-what-british-muslims-really-think>.
- [21] *Egypt, Democracy and Islam*. Pew Research Center Q 17. 2010. Available from: <http://pewresearch.org/pubs/1874/egypt-protests-democracy-islam-influence-politics-islamic-extremism>.
- [22] Esposito J.L. *Islam: The Straight Path*. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1998. Third edition. 286 p.
- [23] *The Future of the Global Muslim Population*. Pew Research Center. 2011. Available from: <http://www.pewforum.org/2011/01/27/future-of-the-global-muslim-population-regional-europe>.
- [24] Kedourie E. Introduction. *Nationalism in Asia and Africa*. Ed. by E. Kedourie. L.: Frank Cass, 1974. P. 1—152.
- [25] Khatab S., Bouma G.D. *Democracy in Islam*. N.Y.: Routledge, 2007. 272 p.
- [26] Mehmet O. *Islamic Identity and Development: Studies of the Islamic Periphery*. N.Y.: Routledge, 1990. 272 p.
- [27] Most Muslims Want Democracy, Personal Freedoms, and Islam in Political Life. *Pew Research Center*. July 10, 2012. Available from: <http://www.pewglobal.org/2012/07/10/most-muslims-want-democracy-personal-freedoms-and-islam-in-political-life>.
- [28] *Muslim Millennial Attitudes on Religion and Religious Leadership II: Algeria, Iraq, Lebanon, Libya, Mauritania, Oman, Qatar, Sudan, Tunisia, Yemen*. Tabah Foundation. 2017. Available from: http://mmasurvey.tabahfoundation.org/downloads/mmasurvey2_en_web-key-findings.pdf.
- [29] *Muslim Millennial Attitudes on Religion & Religious Leadership: Arab World*. Tabah Foundation. 2016. Available from: http://mmasurvey.tabahfoundation.org/downloads/mmgsurvey_full_En_web.pdf.
- [30] Nash G. *Writing Muslim Identity*. L., N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2012. 160 p.
- [31] Ozalp M., Keskin Z. Muslim Identity Threshold: Emergence of a Distinctive Australian Muslim Identity. *Muslim Identity Formation in Religiously Diverse Societies*. Ed. by D. Iner, S. Yucel. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 2015. P. 208—230.
- [32] Ramadan T. *Western Muslims and the Future of Islam*. N.Y.: Oxford University Press, 2004. 288 p.
- [33] Roy O. The Transformation of the Arab World. *Journal of Democracy*. 2012; Vol. 23; 3. P. 5—18.
- [34] Said E.W. *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*. New Delhi: Penguin Books India, 2006. 416 p.

- [35] Smith A. The “Sacred” Dimension of Nationalism. *Millenium — Journal of International Studies*. 2000; Vol. 29; No. 3. P. 791—814.
- [36] Spiegel A.M. *Young Islam. The New Politics of Religion in Morocco and the Arab World*. Princeton: Princeton University, 2015. 264 p.
- [37] *Spring 2015 Global Attitudes Survey*. Pew Research Center. Q24. Available from: <http://www.pewglobal.org/2016/04/27/the-divide-over-islam-and-national-laws-in-the-muslim-world/>.
- [38] *The World’s Muslims: Religion, Politics and Society*. Pew Research Center. Q75. 2013. Available from: <http://www.pewforum.org/2013/04/30/the-worlds-muslims-religion-politics-society-overview/>.
- [39] *The World’s Muslims: Religion, Politics and Society*. Pew Research Center. Q79a. April 30, 2013. Available from: <http://www.pewforum.org/2013/04/30/the-worlds-muslims-religion-politics-society-overview/>.
- [40] *The World’s Muslims: Unity and Diversity*. Pew Research Center. Q43j. August 9, 2012. Available from: <http://www.pewforum.org/2012/08/09/the-worlds-muslims-unity-and-diversity-executive-summary/>.

© Кудряшова И.В., 2017

Сведения об авторе:

Кудряшова Ирина Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. E-mail: kudryashova23@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.10.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-366-378

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ СТАРТА

Д.Н. Береснев¹, В.А. Жалнин², Д.Е. Слизовский²

¹Московский государственный университет пищевых производств
Волоколамское шоссе, 11, Москва, Россия, 125080

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В данной статье авторы стремятся показать на примере стартовавшего в 2017 году приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» возможности и риски, давшие о себе знать по ходу начального этапа его воплощения, и которые следует учесть по мере поэтапного осуществления проекта, завершающегося в 2025 году. С реализацией данного проекта авторы связывают ряд соображений о мировых трендах в сфере образования и положении российской вузовской образовательной системы, поставленной перед необходимостью предпринять радикальные действия и меры, основанные на принципах проектной деятельности, политического и социально-экономического анализа процессов, связанных с этой темой. В качестве объекта анализа авторы выбрали официальные документы государственных структур, заявления ответственных лиц, круг событий и действий, разыгрывающихся по мере вступления в процесс реализации первого этапа приоритетного проекта.

Ключевые слова: политика российского государства в сфере образования; экспортный потенциал, экспортный потенциал российской системы образования

АКТУАЛЬНОСТЬ

В общественном и экспертном сознании, кажется, достигнут консенсус, согласно которому Российская Федерация не сможет упрочить свои позиции на мировой арене, не расширив базы своего присутствия в мире, в том числе за счет экспортного потенциала своего образования. «Развитие экспорта образования — серьезная национальная задача и для нашей страны, речь идет о глобализации нашего образования. Нам есть что предложить, чему научить» [4]; «...заложили целый комплекс мер для того, чтобы повышать привлекательность нашей российской школы. Но здесь подводить итоги еще рано, потому что эта тема стала приоритетом совсем недавно» [3] — в таких терминах и смыслах формулирует текущую позицию правительства в данной сфере и в рамках современного политического курса Д.А. Медведев.

Консенсус в общественном сознании и позиция исполнительной власти побудили чиновников наметить комплекс мер и мероприятий, поставить среднесрочные и долгосрочные задачи, которые заставят Российскую Федерацию и ее образовательную систему встроиться в международную повестку развития высшего

образования и претендовать на ведущую роль в глобальном образовательном процессе [2. С. 127]. Важный шаг на этом направлении уже сделан. Протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 30 мая 2017 г. № 6 утвержден паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» [4] (далее — ЭПРО).

Мы знаем, что в принципе можно создать хорошо проработанный проект, где определены четкие критерии и показатели промежуточных и конечных целей и задач, перечень мероприятий и мер по реализации намеченного, но мы не знаем наверняка, какие препятствия и риски возникнут по ходу реализации проекта, какие условия должны быть соблюдены, чтобы расширить возможности успешного завершения государственной программы и проекта.

Актуально в этой связи:

— анализировать режим реализации (исполнения) приоритетного проекта и сообщать в подробностях объективно новое в этом процессе;

— публично представлять субъективные точки зрения на исполнение государственного задания с претензиями и в одном и в другом форматах на научность.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ И ВЫТЕКАЮЩИЕ ОТСЮДА НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ

Тема формирования, с одной стороны, единой мировой системы образования с общими стандартами, и, с другой — развития национальных систем образования, повышения их конкурентоспособности стала ведущей темой мировой политики, к детальному изучению которой стали переходить правительства многих стран, лучшие «мозговые центры», мировые финансовые структуры и самые продвинутые ученые, даже те, кто ранее специализировался по другой тематике [6. С. 20]. Российские и зарубежные исследователи уверенно заявляют: «В течение 20 лет возникнет новая глобальная архитектура образования — и мы исследуем первые элементы этой возникающей архитектуры» [9]. Оптимистичные взгляды и оценки перемежаются с резкой критикой политики интеграции российской системы образования в мировую систему [11].

С проблемами разного толка и в разное время сталкивалась любая система высшего образования. Сегодня следует всерьез отнестись к государству и государственной политике в сфере образования с точки зрения теории организации. Рассмотреть государственные структуры, действующие в определенном правовом поле, обладающих ресурсами и преследующих собственные цели. Также изучать то, каким образом деятельность и структура государства способствуют формированию новых организаций, социальных, научных, исследовательских, педагогических групп, объединению их в союзы по вовлечению в политику; в чем они достигают успеха, а что им не удается и почему.

Полагаем, массив исследований и исследователей на заданную тему еще не концентрирует внимание на эволюции российского государства и образования, без должного тщания анализируются принципы, на которых основаны эволюционный процесс и отношения между этими акторами. Возможно, что к этим прин-

ципам относятся, в частности, получение обратной связи с помощью общественного и профессионального мнения и формирование групповых альянсов в политике, и в образовательной политике тоже. Для российского социально-политического и образовательного дизайна важны работы, в которых исследуются вопросы творческого, делового и социального комфорта и защиты прав работников высшей школы, которым предстоит быть не просто активными участниками процесса повышения экспортного образовательного потенциала, но новаторами, творцами и созидателями сегодня и в ближайшей перспективе привлекательного и востребованного миллионами людей разных возрастов и разных стран интеллектуального образовательного и обучающего продукта.

ОБСУЖДЕНИЕ

На склоне первой четверти XXI в. Россия вновь предстала перед выбором стратегии развития. С учетом обстоятельств, в которых оказалась экономика, санкций со стороны западных стран против России, остроактуальными для нее стали не только перспективы развития, но и в целом будущее страны, государства, народа. Разорвать круг порочных обстоятельств через серию хорошо продуманных и обоснованных проектов — обнадеживающий путь. Один из таких проектов — «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Его конкретная цель — увеличение доли несырьевого экспорта Российской Федерации за счет повышения привлекательности российского образования на международном образовательном рынке. Достойна удивления формализация конкретных проектируемых результатов, которые вытекают из поставленной цели. Технократический и прагматический детерминизм, принципы компетентностного подхода новой волны администраторов и кураторов проекта безусловны, когда обращаешься к показателям проекта и их значениям по годам. В деталях и по существу правительство страны в проекте предлагает высшей школе и научно-педагогическому персоналу вузов и университетов решить задачи по достижению двух основных параметров: 1) годовое увеличение числа иностранных граждан (студентов и школьников), готовых обучаться в России; 2) рост объемов внебюджетных средств, получаемых от экспорта российского образования (табл. 1).

Таблица 1

Количество обучающихся в России иностранных граждан
(млн чел. по годам)

2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
220,0	240,0	260,0	310,0	400,0	450,0	520,0	600,0	710,0
Объем внебюджетных средств, полученных от экспорта российского образования (млн руб.)								
84 774,0	96 203,0	107 824,0	135 370,0	182 370,0	211 461,0	252 858,0	303 011,0	373 147,0

Источник: [10].

Достижению этих результатов подчинены все усилия, стратегия и тактика включения в работу сотен университетов и научных учреждений, миллионов работников высшей школы. Риски и возможности разного уровня и значения могут

возникать, возникают и будут возникать даже при безупречной подготовке документов, проектов, программ и планов, при оценке структуры и содержания самого проекта. Нет причин отказываться от того, что ЭПРО — это хорошо проработанный план с достаточным комплексом эффективных мер и мероприятий по его реализации. Это — организационные, технические, рекомендательного характера меры. Структура и направления его воплощения также, можно сказать, не смеют обмануть ожидания всех, кто причастен к такому проекту. Даже придирчивый педант-бюрократ будет в восторге, когда увидит, что паспорт проекта включает: куратора, функционального заказчика, руководителя проекта, исполнителей и соисполнителей, цель, показатели проекта и их значения по этапам и годам, результаты, описание моделей функционирования, контрольные точки замеров, сроки, бюджет, ключевые риски и возможности, связи с государственными программами, взаимосвязи с другими программами.

Проект в подобной структурной детализации есть по сути трафаретная форма подготовки такого вида работ, и, на наш взгляд, условие, при котором его исполнители и соисполнители получают возможность в полном виде развернуть свой исполнительский потенциал. Но представление о какой-то автоматической зависимости исполнителей и соисполнителей от строгих технических средств этого проекта, проектируемых показателей представляет собой предрассудок упрощенного до крайности «технико-экономического детерминизма». С реалиями подобный процесс и такой подход к делу не имеет ничего общего. Научный и прагматический подход исходит из такого метода анализа, при котором анализируется не только текст и документы рассматриваемого процесса, но и комплекс больших и малых стратегий, отношений, втянутых в него субъектов самого разного статуса. Видимо, нужен более объемный угол зрения, не только концентрация внимания на технических и организационных мелочах, хотя и их упускать не стоит.

Тема «место и роль российской системы образования в мире» очень широка. Формализованные замеры состояния национальных систем образования сегодня представлены в виде рейтинговых оценок, например: рейтинг национальных систем высшего образования, рейтинг эффективности образования и другие. Тема валидности международных сравнительных рейтингов с разных политических позиций и теоретических оснований широко обсуждается [5]. Выясняется, положение российской системы образования в сравнении с другими национальными системами не столь блестяще, даже удручающе в сравнении с тем как это было в прошлом и как должно бы быть: 34 место рейтинга с индексом (0,816) по эффективности образования [7] и 33 место с индексом (49,9) системы высшего образования среди национальных систем высшего образования [8]. То есть исходные, стартовые позиции российской системы образования за приоритеты на мировом образовательном рынке заведомо уступают по некоторым параметрам мировым лидерам. Опыт прошлого, явные заслуги перед мировой культурой, наукой и образованием советско-российской системы при взвешенном к нему подходе мог бы изменить к лучшему и стартовые возможности данного проекта. Но и ссылки

на необъективность и предвзятость таких оценок международного уровня российской системы образования — признаки затянувшегося процесса¹, связанного с потерей элитой страны исторической перспективы, и субъективных проявлений в виде неадекватной и слабой политики, уныния и даже брюзжания в научно-педагогической среде.

Российская система образования конкурирует не только в глобальном проекте управления, реализуемого мировыми политическими и финансовыми элитами в рамках созданной и постоянно развивающейся единой мировой системы образования, предполагающей использовать общие стандарты — нормы, принципы и образцы — завоевавшей уже и упорно удерживающей большую часть мирового рынка образовательных услуг, но и в выборе вариантов такой конкуренции — следовать стандартам единой мировой системы образования, искать более эффективные пути адаптации к таким стандартам или же предлагать национальные проекты и программы образования для молодежи своей страны и мира, конкурируя и с единой мировой системой, и с дюжиной других национальных систем образования. Три-четыре варианта модельного развития стратегии российской системы образования в контексте мировых реалий и соответствующей политики — данность современного положения, в котором оказались и российское государство, и его образовательная система. Оставаться в таком поливариативном состоянии становится опасно. И поэтому, что тоже естественно, пока в политическо-партийном секторе и среди научного и академического сообщества ведутся споры по части приоритетных направлений и содержания государственной политики в этой сфере, российское государство, правительство, сузив ее до директивного формата, твердо заявило о необходимости прорыва в деле повышения экспортного потенциала системы образования.

Под реализацию и обеспечение этого проекта из федерального бюджета выделены, скорее всего, недостаточные для такого грандиозного проекта, но серьезные средства (табл. 2), которыми еще предстоит эффективно распорядиться.

Таблица 2

Федеральный бюджет млн руб. (год реализации)

2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	Всего
0	492,5	849,1	889,4	894,6	798,7	583,9	436,6	28,2	4 972,1

Источник: [10].

Разумеется, что цифры прогнозные, и они будут корректироваться с учетом ежегодных результатов мониторинга проекта. Для сравнения — на тоже приоритетный проект «Вузы как центры пространства создания инноваций» с 2017

¹ 20 октября 2017 г. на заседании президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам Д.А. Медведев информировал, что продолжается продвижение российских университетов в рейтинге лучших вузов мира. «Это не формальные показатели, а прежде всего свидетельство того, что российские университеты стремятся стать лидерами», — сказал Дмитрий Анатольевич. И подчеркнул, что необходимо продолжать «двигаться в этом направлении, подравниваясь под мировые тренды» [3].

по 2019 г. выделено 44,6 млрд рублей из федерального бюджета и внебюджетных источников с допущением дополнительного финансирования из средств по госзаданиям Российской академии наук и государственных научных институтов. Тем не менее, почти 5 млрд руб. до 2025 г. выделенная под проект с пиком финансирования в 2021 г. — сумма внушительная для целевого направления и получения проектируемых конкретных результатов.

Включение приоритетного проекта по экспорту российского образования в портфель Правительства Российской Федерации демонстрирует важность задач по повышению конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг. Долговременный процесс длиной в восемь лет, 2017—2025 гг., запущен, дан старт масштабному государственному проекту, первые 19 вузов и научных учреждений уже приступили к реализации этого проекта, появилась информация о серии уже проведенных мероприятий по программе реализации проекта.

Реальность положения и состояния дел в сфере экспортного развития российского образования не укладывается в ученые схемы, но тем не менее становится основой для принятия серьезного государственного проекта. В частности, председатель Правительства РФ посчитал нужным познакомить членов президиума Совет и общественность с некоторыми данными и предложениями, из которых, собственно, черпаются аргументы и для инициирования такого проекта, и для приоритетных направлений, и для политики по его реализации.

Какие данные укладываются в обоснование проекта? РФ занимает четвертое—пятое место в мире по экспортным услугам. Лидируют США, Британия, Франция, Германия, Австралия — у них одинаковый процент. России по этому показателю равна Канаде. Высшая школа США зарабатывает на иностранных студентах в 15 раз больше, чем тратит на нее Правительство. Это обусловлено тем, что система образования в стране в значительной степени частная, тем не менее это показательно. Образование является пятой по значимости статьей экспорта страны. Тем более что, по прогнозам ЮНЕСКО, численность иностранных студентов в мире уже к 2025 г. может перевалить за 7 млн человек. Объемы международного рынка образовательных услуг составляют многие миллиарды долларов. Очевидно, что в ближайшие годы конкуренция за иностранных учащихся будет усиливаться. Многими государствами эта работа заявлена в качестве стратегического национального приоритета. Из этих цифр и представлений, чрезвычайно показательных и поучительных при всей их условности, правительство и его председатель делают совершенно предсказуемый, незамысловатый вывод: у России имеются возможности в этой сфере и их нужно наращивать.

Непредсказуемыми, но ожидаемыми стали смыслы тех рефлексий, в которых раздвигались границы более отдаленных, но крайне важных по своей ценности, кроме числовых и экономических, значений. Исполнители и соисполнители всех рангов и уровней должны руководствоваться идеей и иметь в виду: экспорт образования — это не только и даже не столько возможность заработать для университетов. Прежде всего это один из сильнейших факторов межличностных коммуникаций, расширение культурных контактов, привлечение в национальную экономику

наиболее талантливых людей, которые, кстати, в ней могут и остаться, а в известной степени и просто выстраивание долгосрочной политики нашей страны.

Развитие экспорта образования — серьезная национальная задача и для нашей страны, речь идет о глобализации нашего образования. Нам есть что предложить, чему научить. В приоритетном проекте заложен комплекс мер по повышению привлекательности российской школы на международном рынке образовательных услуг.

Разумеется, что формализованные результаты, которые можно получить с помощью такого проекта, обоснованы и реалистичны, достойны признания и безусловного выполнения. Если даже они будут выполнены процентов на 90, то и это можно считать успехом. Но с точки зрения теории и критического подхода, допускающих и сомнения, — формальные данные не столь безупречны в сравнении с реальностью.

Гипотетически допускаем, что еще следует проверить и перепроверить, что особенно администраторам в области образования не хватает глубокого понимания культуры высшей школы, возможностей образования и их пределов. Сегодня серьезность работы в этой области связывается с объяснением недостатков финансирования и несовершенством управления. Сейчас же внимание переключено на проектное управление, определение блоков конкретных направлений и видов деятельности. В частности, рассматриваемый нами проект демонстрирует комплекс взаимосвязанных направлений и мер в формате функционально-содержательных блоков: а) блок правовых и нормативных мер и актов; б) блок комплекса организационных, технологических, технических, методических, контрольно-мониторинговых мер по повышению привлекательности образовательных программ; в) по созданию благоприятных условий для пребывания иностранных граждан в период их обучения на территории Российской Федерации; г) по продвижению «бренда» российского образования на международном образовательном рынке. В расшифровке это выглядит следующим образом.

1. Совершенствование и развитие российской нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы приема, обучения и выпуска иностранных граждан и лиц без гражданства (учащиеся, студенты, преподаватели, администраторы), а также процедуры их въезда, выезда и пребывания на территории Российской Федерации, трудоустройства и стажировок на время обучения на территории Российской Федерации; усовершенствование налогового законодательства по налогообложению образовательной деятельности в рамках международного сотрудничества. Для получения положительных результатов по последнему индикатору будет создана межведомственная рабочая группа с участием в том числе представителей академического сообщества и государственных корпораций. Межведомственная рабочая группа проведет анализ существующего законодательства в различных областях и выработает соответствующие рекомендации по его оптимизации.

2. Создание комплекса мер по повышению привлекательности образовательных программ подготовки, переподготовки, повышения квалификации иностран-

ных граждан в российских образовательных организациях и научных центрах. И по этому направлению также создается межведомственная рабочая группа с участием в том числе представителей бизнеса, государственных корпораций, академического сообщества. Межведомственная рабочая группа разработает механизм взаимодействия российских министерств и ведомств, предприятий и организаций по повышению привлекательности российских образовательных программ, в том числе программ дополнительного образования для иностранных специалистов, а также представит наиболее оптимальную модель их реализации с учетом международных стандартов и требований. К тому же с целью достижения наиболее оптимальных результатов будет создан Консорциум российских университетов (не менее 20), который обеспечит точки роста экспорта российского образования. В показатели эффективности деятельности ректоров российских вузов включен показатель экспортной активности.

3. Процесс создания благоприятных условий для пребывания иностранных граждан в период их обучения на территории Российской Федерации, — это наличие высококвалифицированных сотрудников международных служб, обладающих необходимым уровнем языковой компетенции, знающих международные требования и стандарты к обеспечению социально-экономических и бытовых условий пребывания в кампусе иностранных студентов на время их обучения.

4. В продвижении «бренда» российского образования на международном образовательном рынке ресурсы концентрируются на разработке дорожной карты продвижения образования, систематизации информационно-просветительской работы. И к этому же — мониторинг и исследования, которые будут проводиться специализированными организациями по заказу Минобрнауки России и Минэкономразвития России. Результатом таких действий станет достижение синергетического эффекта от использования различных инструментов при решении задач комплексного продвижения российского образования за рубежом. К продвижению бренда российского образования будут привлечены ведущие мировые PR-агентства.

Только в 2017 году, когда проект лишь вступил в силу, запроектировано к исполнению 13 мероприятий и мер. Насколько такие меры упрощают, а не усложняют задачи ректоров, ученых, преподавателей, — остается не очень ясным. Принятие проекта развития экспортного образовательного потенциала российской системы образования и действия по его реализации соединяет в себе свойство национальной традиции принятия и реализации государственных проектов и программ с условиями экономической и социальной жизни, с видением политическим классом страны характера международных дел и обстоятельств.

Характер существующих здесь важных для государства акций, их значений, различий и противоречий, и того, как они интерпретируются, формируя политическую линию и политику проекта, следующий.

Во-первых, потенциально могут возникнуть дополнительные возможности и новые риски из-за противоречий двух видов, проявляющихся в связи с толко-

ванием и оценками исторических и идеологических оснований данного проекта; исторического и идеологического свойства противоречия, влияющие на выбор стратегии реализации проекта, признание роли и значения опыта России для мирового сообщества (развивающихся стран и экономик) в деле подготовки высококвалифицированных кадров. ЭПРО принимается в рамках стратегического направления государственной политики «Международная кооперация и экспорт». Участники заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам услышали от председателя Правительства РФ Д.А. Медведева, что это абсолютно новый для нас проект. Было подчеркнуто дважды, что это для нас (Правительства РФ?!), «конечно», новый проект. Там же подчеркивалось, что еще 30 лет назад Советский Союз был лидером в сфере международного образования, «мы были на серьезных позициях». И далее в толковании и разъяснении проводится мысль: «правда, это было связано с идеологией» [4].

Во-вторых, связь реальных дел в образовании и идеологии подается как слабость и серьезный недостаток. Но столь ли однозначны эти связи, обязательно влекущие за собой комплексы слабости и потери репутации системы образования. Мы этого в полной мере не знаем. Огульное отрицание других значений в таких отношениях и связях, кроме негативных, вряд ли оправдано, хотя бы с теоретических позиций. Способ и логика обоснования принятия приоритетного проекта — это подход скорее по привлечению внимания к проблеме через новизну самой идеи и формата ее воплощения. Это больше подход превентивного переключения внимания, чем способ привлечения внимания к решению уже существующих здесь проблем и совершенно новых для его исполнителей вызовов, связанных с самой сутью профессии преподавателей и ученых. В прошлом на подобные вызовы уже был дан ответ российской системой образования.

В 1960 г. в Советском Союзе был создан уникальный университет — УДН им. Патриса Лумумбы. Это не столь великий и масштабный проект, но его опыт — это опыт государственной политики и государственной университетской системы, а не частных, общественных или неправительственных структур и фондов, с пользой и эффективно тоже участвующих в образовательном процессе. Каждый, кто приезжал учиться или собирался на обучение в СССР, имел представление о надежности и твердых гарантиях на получение высококвалифицированного бесплатного обучения и образования, на медицинское обслуживание и льготное проживание. Это невероятно поддерживало и обеспечивало высокий престиж и репутацию лучшего в мире образования. Была хорошо продумана и организована система обучения по десяткам направлениям и профессиям.

Достоинный вклад в мировую науку был внесен разработчиками методики преподавания русского языка как иностранного. Не имеет и по сей день прецедентов стратегия и политика воспитательной работы интернациональной студенческой аудитории, организация не только процесса совместного обучения в аудиториях и на производстве, в лабораториях, научных учреждениях, но и совместной внеучебной работы, отдыха, ознакомления иностранных студентов с богатством

российской культуры не на локальном уровне, а в масштабах всего пространства огромной страны.

Еще предстоит в связи с реализацией проекта по повышению экспортного потенциала образования в деталях изучить исторический опыт активного включения страны в мировую систему образования. Идея, принципы, содержание, методики образования и выхода страны в те годы в мировой процесс по многим аспектам опережали западные модели университетского образования. Американский исследователь Патриции Альберг Грэм среди двух факторов, обеспечивающих федеральную поддержку Закону о высшем образовании в США в середине 60-х гг. XX в., выделила и указала и на такой фактор, как: «забота о национальной безопасности, требовавшая технологического и научного опережения Советского Союза» [1. С. 226]. Этот эпизод или факт оправдывает тот подход и те суждения, которые объясняют потребности детального изучения российского (советского) опыта по созданию новаторских образцов и моделей развития той политики, которая сегодня объявлена в рамках проекта по развитию экспортного потенциала образования.

В-третьих, численность ученых, профессорско-преподавательского состава, административных работников, их концентрация на важнейших направлениях повышения экспортного потенциала образования зависят несомненно от степени развития экономики страны, ее научного и технико-технологического потенциала. Но эта зависимость не непосредственная. Несмотря на то что потенциал западных образовательных систем и экономики кратно выше, чем у нас, мотивация к повышению образовательного потенциала российской высшей школы не ниже, чем у западных науки и университетов. И здесь важно знать не только, что нужно делать, оставаясь умными. Но и нужно еще знать, чего делать не следует, что не надо делать, демонстрируя мудрость. Уже ясно, многие слои и группы российской высшей школы будут вовлечены в процесс. Характер отношений в этом процессе всей тяжестью взваливается на плечи руководства вузов и профессорско-преподавательского состава и создает для них не только громадные трудности. По крайней мере, в последующие периоды реализации и развития проекта он должен дать им также неопределимые преимущества. Это должно сказаться и в отношении административных работников, и в отношении профессорско-преподавательского состава. Реализовать намеченное в проекте РФ ее высшая школа и наука могут только, опираясь на общественно-профессиональный подъем, на общенаучное и преподавательское воодушевление.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В связи с принятием рассматриваемого проекта и связанных с ним других проектов высшая школа страны вступает в период самых радикальных изменений, более существенных и масштабных, чем они были до этого. Если у правительства страны, администраторов от образования есть представление о том, как продвигать политику повышения экспортного потенциала образования, о необходимых

условиях реализации такого проекта и его конечных результатах, это совсем не значит, что все его участники, исполнители и соисполнители знают, как добиться воплощения задуманного на практике. Риски и возможности еще сбалансированы, не перекошены до необратимого состояния, могущего затруднить выполнение проекта. Многие администраторы и руководители образования на словах исповедуют эти принципы, но не спешат следовать им в повседневности. Принятые приемы и методики оценки эффективности определяют соотношение между успехом и провалом, но почти ничего не дают для выявления характера взаимодействия всех структур, организаций, особенно между администрациями и научно-педагогическим персоналом. Работники вузов включаются в процесс продвижения проекта как самый мощный и единственный представитель системы образования и отношений в этой сфере, как признанный и авторитетный творец интеллектуального, технического, технологического и образовательного продукта, как самый отчаянный борец с бюрократической и административной волокитой и прижимистостью, с бюрократическим рутинерством. На уровне деклараций и заявлений признается такая миссия и роль работников вузов. На уровне правовой, организационной и управленческой еще много явных и больше скрытых препятствий. Нет ясности, а нужно знать, какие регулятивные нормы — права и обязанности — необходимы вузам и вузовским работникам, чтобы добиться успеха. Об этом стоит еще думать и говорить, поскольку всегда, когда профессорский и преподавательский, и научный работник открывал для себя новые возможности, эпоху законодательного и нормативного закрепления своих профессиональных и корпоративных привилегий, положительной внутристрановой и внутривузовской политики, то этот-то процесс законодательства и нормативного активирования не сохранял за ними, не обеспечивал статус выразителя духа университетского сообщества и учреждений, не обеспечивал устойчивой атмосферы творческого соучастия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Грэм П.А.* Америка за школьной партой. Как средние школы отвечают меняющимся потребностям нации. М., 2011.
- [2] Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. М., 2017.
- [3] Заседание президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам. 20 октября 2017. URL: <http://government.ru/news/29736/> (дата обращения: 22.10.2017).
- [4] Заседание президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам. 30 мая 2017. URL: <http://government.ru/news/27862/> (дата обращения: 19.10.2017).
- [5] *Иванов В.Г.* Валидность межстрановых сравнительных рейтингов и глобальных бенчмарков с позиций теории сложных систем в международных отношениях // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2017. Том 19. № 3. С. 290—295.
- [6] Интервью с Тедой Скочпол: «Я всегда была частью двух профессиональных областей — социологии и политической науки» // *Экономическая социология*. Ноябрь 2010. Т. 11. № 5.

- [7] Рейтинг эффективности национальных систем образования. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-index-of-cognitive-skills-and-educational-attainment/info>.
- [8] Рейтинг национальных систем высшего образования. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/u21-ranking-of-national-higher-education-systems/info>.
- [9] Лукаш П., Песков Д. Будущее образования: глобальная повестка. М., 2013.
- [10] Минобрнауки.рф/проекты/1355/файл/9551/passport_=_opublikovannyi.pdf.
- [11] Четверикова О.Н. Разрешение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России. М., 2015. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1038284/Chetverikova_-_Razrushenie_budushego.html.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-366-378

POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION TO ENHANCE THE EXPORT POTENTIAL OF THE EDUCATION SYSTEM: RISKS AND OPPORTUNITIES AT THE START

D.N. Beresnev¹, V.A. Zhalnin², D.E. Slizovsky²

¹Moscow state University of food production
Volokolamskoye, 11, Moscow, Russia, 125080

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. In this article, primarily, was the intention to show an example starting in 2017 priority project “development of the export capacity of the Russian education system” opportunities and risks that manifested itself during even the initial stages of its implementation. These risks and opportunities should be considered as phased implementation of the project scheduled for completion already in 2025. The authors associate with the project a number of observations about world trends in education, and in this regard the situation that the Russian university system faced with the need to take radical actions and measures based on the principles of project activities, political and socio-economic analysis of the related processes. As the object of analysis, we selected official documents of state structures, officials, range of events and actions that take place as we enter the process of implementation of the first phase of the priority project.

Key words: policy of the Russian state in the sphere of education; the export potential, the export of the Russian education system

REFERENCES

- [1] Grehm P.A. *Amerika za shkol'noj partoj. Kak srednie shkoly otvechayut menyayushchimsya potrebnostyam nacii*. Moscow, 2011 (in Russ).
- [2] *Doklad Pravitel'stva Rossijskoj Federacii Federal'nomu sobraniyu Rossijskoj Federacii o realizacii gosudarstvennoj politiki v sfere obrazovaniya*. Moscow, 2017 (in Russ).
- [3] *Zasedanie prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam. 20 oktyabrya 2017*. Available from: <http://government.ru/news/29736/> (in Russ).
- [4] *Zasedanie prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam. 30 maya 2017*. Available from: <http://government.ru/news/27862/> (in Russ).

- [5] Ivanov V.G. Validnost' mezhstranovykh sravnitel'nykh rejtingov i global'nykh benchmarkov s pozicij teorii slozhnykh sistem v mezhdunarodnykh otnosheniyah. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*. 2017; Vol. 19; 3. S. 290—295 (in Russ).
- [6] Interv'yu s Tedoj Skochpol: «Ya vseгда byla chast'yu dvuh professional'nykh oblastej — sociologii i politicheskoy nauki». *Ehkonomicheskaya sociologiya*. Noyabr' 2010; Vol. 11; 5 (in Russ).
- [7] *Rejting ehffektivnosti nacional'nykh sistem obrazovaniya*. Available from: <http://gtmarket.ru/ratings/global-index-of-cognitive-skills-and-educational-attainment/info> (in Russ).
- [8] *Rejting nacional'nykh sistem vysshego obrazovaniya*. Available from: <http://gtmarket.ru/ratings/u21-ranking-of-national-higher-education-systems/info> (in Russ).
- [9] Lukash P., Peskov D. *Budushchee obrazovaniya: global'naya povestka*. Moscow, 2013 (in Russ).
- [10] [Minobrnauki.rf/proekty/1355/fajl/9551/passport__opublikovannyi.pdf](http://minobrnauki.rf/proekty/1355/fajl/9551/passport__opublikovannyi.pdf) (in Russ).
- [11] Chetverikova O.N. *Razreshenie budushchego. Kto i kak unichtozhaet suverennoe obrazovanie v Rossii*. Moscow, 2015 (in Russ).

© Береснев Д.Н., Жалнин В.А., Слизовский Д.Е., 2017

Сведения об авторах:

Береснев Дмитрий Николаевич — директор института международного образования Московского государственного университета пищевого производства (e-mail: beresnev@mail.ru)

Жалнин Виталий Александрович — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, заведующий сектором Управления международного протокола (e-mail: zhalnin_va@rudn.university)

Слизовский Дмитрий Егорович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (e-mail: de373@mail.ru)

Статья поступила в редакцию 10.10.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-379-391

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ И РЕЖИМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

О.Г. Харитонова

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
просп. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Статья посвящена состоянию современных сравнительных исследований в области политических режимов, режимных изменений и перспектив демократизации поставторитарных государств. Отмечено, что главная методологическая проблема в исследовании политических режимов и в использовании режимной переменной в сравнительных исследованиях заключается в концептуализации, классификации и операционализации режимов, в которых происходят или не происходят изменения. Представлен анализ типологий недемократических режимов и особенностей функционирования однопартийных, военных и персоналистских режимов, дана оценка перспектив демократизации каждого типа авторитаризма. Подчеркнуто, что каждый тип авторитарного режима имеет свою логику выживания и отличительную внутреннюю динамику и, соответственно, следует собственной траектории изменений. Особое внимание уделено гибридным режимам как наиболее концептуально размытой категории. Показаны методологические трудности изучения режимных изменений, включающие растяжение концептов, концептуализацию успешных и неуспешных событий и отбора потенциально релевантных казусов для увеличения числа изучаемых случаев, поскольку изучаемые события относятся к редким. Продемонстрированы преимущества и недостатки структурного и процедурного подходов при исследовании режимных изменений в контексте теорий демократических транзитов.

Ключевые слова: политический режим, режимное изменение, концептуализация, операционализация, структурный подход, процедурный подход

Несмотря на большой интерес к проблематике политических режимов и режимных изменений и огромное число исследований, посвященных этой теме, компаративисты так не смогли прийти к согласию по ряду существенных вопросов. Концептуализация, классификация и операционализация политических режимов, концептуализация и типология режимных изменений и оценка их результатов, методология исследовательских подходов к режимным изменениям по-прежнему таят в себе немало интеллектуальных вызовов. В связи с этим мы хотели бы предложить читателю анализ современного дискурса в этой сфере, тем более актуального, что он непосредственно связан со многими острыми вопросами политической практики.

ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ

Типологизация политических режимов продолжает оставаться важной научной задачей. Здесь часто используются дихотомия (авторитаризм — демократия) и трихотомия — подразделение режимов на три типа (1). При использовании

дихотомии главной проблемой будет определение границ между категориями, при использовании трихотомии — концептуализация и операционализация промежуточной категории — гибридного режима. Так, при ранжировании режимов по шкале проекта Полити (*Polity*) (2) ранги от минус пяти до плюс пяти могут означать множество разнообразных институциональных сочетаний переменных этого индекса (открытость рекрутирования, соревновательность, регулирование участия).

Гибридные режимы сочетают авторитарные и демократические институты и практики и представляют, по мнению Леонардо Морлино, «оптическую иллюзию», так как могут одновременно классифицироваться как «демократии с прилагательными» и как «авторитаризмы с прилагательными». Гибридные режимы («соревновательный авторитаризм» у Стивена Левицкого и Люкана Уэя или «электоральный авторитаризм» у Андреаса Шедлера) представляют собой полудемократии разного типа, от приближающихся к электоральным демократиям по уровню плюрализма и соревновательности систем с доминирующей партией, в которых правящая партия широко использует любые средства для превращения оппозиции во второстепенную силу, до персоналистских режимов, организующих выборы, но нарушающих гражданские права своих граждан. Главное отличие подобных режимов от настоящих автократий — это готовность толерантно относиться к существованию (но не победе) оппозиционных партий, независимых СМИ и неправительственных организаций. Гибридный режим представляет собой наиболее концептуально размытую категорию, так как является результатом определенных сочетаний полуконфиденциальности, полусоревновательности, полурепрессий. Такие характеристики делают эти режимы уязвимыми перед протестными действиями, восстаниями и другими формами гражданского неповиновения и насилия, в том числе вооруженными конфликтами. Вследствие этого институционального противоречия гибридные режимы наименее стабильны (3) и несут в себе самые высокие риски режимных изменений.

Диверсификация свойственна и негибридным режимам. По классическому утверждению Барбары Геддес, «авторитарные режимы отличаются друг от друга не меньше, чем они отличаются от демократии» [7. Р. 121]. Многие авторы выделяют такие отдельные типы авторитарных режимов, как однопартийные, военные и персоналистские. Эти режимы не ранжируются и представляют собой отдельные категориальные (номинальные) переменные. В военных режимах все решения принимаются армией — институтом, регулирующим доступ ко всем ключевым властным постам. Военные режимы обычно имеют коллективное руководство в форме военной хунты, в которую входит высшее руководство разных родов войск, причем каждый член хунты опирается на поддержку стоящих за ним частей. Самую большую угрозу для лидера режима такого типа представляют другие военные группы, обладающие возможностями провести контрпереворот. Получая власть нелегальным и нелегитимным способом, «военные режимы несут в себе источник своего разрушения» [7. Р. 131].

Основной характеристикой однопартийных режимов у Геддес является несменяемость власти, которую обеспечивает получение партией на выборах более двух третей голосов избирателей [6]. Под это расширенное определение подпадают

не только режимы с одной партией, но и формально многопартийные режимы, в которых доминирует одна партия или коалиция. Несмотря на легальную соревновательность и функционирование других партий, партия власти в течение продолжительного периода контролирует всю политическую сферу, так как постоянно выигрывает выборы. Другие политологи (например, Аксель Хадениус, Беатрис Магалони) разделяют однопартийные режимы на чисто однопартийные (с одной единственной партией) и режимы с доминирующей партией, при которых в парламенте могут быть представлены и другие партии; последние часто становятся сторонниками правящей. Попытки операционализации режима с доминирующей партией сводятся к определению минимального количества лет пребывания партии у власти (20 лет).

Ряд политологов (Сэмюэл Хантингтон, Барабара Геддес, Эрика Франц) вслед за Хуаном Линцем, отнесшим султанистские режимы к отдельному типу недемократического режима, также выделяют персоналистские режимы. Другие (Аксель Хадениус, Дженнифер Ганди, Беатрис Магалони) рассматривают персонализм как черту всех авторитарных политических режимов. Действительно, большинству авторитарных режимов присуща персонификация власти и, соответственно, черты персонализма [6].

Выделение отдельных типов авторитаризма оправдано, так как каждому из них свойственны свои правила игры и свои акторы (военная хунта, политическая партия или лидер), которые принимают основные решения и регулируют доступ к ключевым постам. Существующие правила определяют поведение игроков и влияют на логику сохранения, распада или реформирования авторитарного режима. Однопартийные режимы выживают благодаря единству правящей (партийной) элиты, кооптации оппозиции и мобилизации граждан в поддержку режима. Именно этим объясняется их устойчивость и нежелание лидеров предпринимать какие-либо шаги по пути демократизации.

«Чистые» типы недемократических режимов бывает сложно выделить, так как военные хунты часто выживают при поддержке партии, а в однопартийных режимах могут быть харизматические лидеры, персонифицирующие власть. Для Хантингтона все недемократические режимы представляют собой комбинации однопартийных, военных и персоналистских элементов, поэтому он определяет тип режима по преобладающему элементу. Геддес концентрирует внимание на логике выживания недемократических режимов и поэтому отдельно изучает чистые типы и их сочетания. По ее мнению, сочетания всегда сохраняются лучше. Так, персоналистские режимы с элементами военного и однопартийного режимов «могут рассчитывать на вечность» (более 30 лет) [7. Р. 133].

Исследование Адама Пшеворского и Дженнифер Ганди показывает, что недемократические режимы склонны к самовоспроизводству: после военных режимов появляются новые военные режимы, а на смену гражданским диктатурам приходят новые гражданские диктатуры [5].

Каждый тип авторитарного режима имеет свою логику выживания и внутреннюю динамику, поэтому изменения в них происходят по-разному. Однопартийные режимы редко трансформируются в демократии: только 19% таких режимов осуществили этот переход, остальные либо распались в результате военных перево-

ротов (39%), либо трансформировались в режимы с доминирующими партиями (33%). Лучшие показатели демонстрируют режимы с доминирующими партиями, 29% из них перешли к демократии [13. Р. 130—131].

Доминирующая стратегия однопартийных режимов направлена на предотвращение протестов и подавление требований перемен, их лидеры готовы начать либерализацию и далее демократизацию только в случае давления «извне» или «снизу», причем только однопартийные режимы «под давлением» обладают потенциалом к транзиту на основе переговоров и уступок. Это объясняется тем, что, с одной стороны, попытки удержания власти приводят к компромиссу в процессе демократизации, а с другой — переговоры могут предотвратить насильственное свержение, обеспечив достойный уход из политики. Именно благодаря тактике сохранения инициативы в транзите многим бывшим партиям-гегемонам удается сохранить свои позиции и в новых демократиях.

В военных режимах демократические реформы могут начинаться после внутренних расколов и, как демонстрируют сравнительные исследования, имеют больше шансов на успех, особенно при повторной попытке демократизации. Эти режимы могут согласиться на демократический транзит и переход к гражданскому правлению в случае получения гарантий соблюдения корпоративных интересов армии (единство и честь) и наличия договоренностей об отсутствии наказания за преступления против человечности, совершенные во времена военной диктатуры. Поскольку такие гарантии легче получить, если военный режим сам инициирует переход к демократии, оптимальными моделями для демократического транзита являются модели, начатые «сверху» (трансформация) или одновременно с двух сторон (трансмена).

В персоналистских авторитарных режимах решения всегда контролируются единолично лидерами, и оппозиционные личности, в редких случаях появляющиеся в их окружении, практически не имеют шансов организовать успешные реформы. Большинство персоналистских режимов распадаются после смерти вождя, поэтому для сохранения преемственности им часто приходится создавать партии и парламенты и вводить институт выборов, что может привести к их трансформации в однопартийные режимы или режимы с доминирующей партией. Анализ Геддес демонстрирует, что персоналистские режимы наименее склонны начинать демократические реформы и осуществлять основанный на переговорах транзит. Таким образом, смещение личных диктатур чаще всего осуществляется насильственным способом в результате массовых волнений, протестных действий, революций, гражданских войн и внешнего вмешательства, поэтому на смену диктатуре редко приходит демократия.

Какие научные проблемы вызывает концептуализация и операционализация режимных изменений?

РЕЖИМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ ТОЧКИ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Недемократические политические режимы распадаются в результате гражданских войн, мятежей, переворотов, революций, массовых протестов, реформ и выборов, а также вследствие действий демократически избранных президентов

и внешних акторов. Наиболее изученными типами режимных изменений являются демократические транзиты, перевороты и гражданские войны, так как эти события происходили достаточно часто и затронули все регионы мира. В период с 1946 по 2010 годы большинство (35%) изменений авторитарных режимов (4) произошло вследствие военных переворотов. Другие варианты распадов включали: проигранные лидером выборы (13%) (5), ненасильственные протестные действия «снизу» (17%), организованный вооруженный конфликт (6) (8%), действия внешних акторов (5%), распад государства (2%) и иные изменения, инициированные «сверху» (8%).

В течение длительного времени перевороты были главным инструментом смещения диктаторов, поэтому их приравнивали к регулярной смене власти в авторитарном режиме, не предоставляющем альтернативных возможностей для замены лидера. Однако, как отмечают Джонатан Пауэлл и Клейтон Тайн, в четырнадцать имеющихся в наличии базах данных переворотов используются разные подходы к концептуализации переворота: по целям (смена только диктатора или всего режима), по участникам (только армия или часть политической элиты), по применяемым стратегиям, по уровню насилия и результатам [16. Р. 250]. Исследователи делают вывод об отсутствии согласованного определения, позволяющего отделить перевороты от других способов смены власти. Сами они определяют перевороты как «нелегальную попытку военных и других элит свергнуть действующего лидера» [16. Р. 252]. Такое определение содержит цель (лидер), указание на акторов (члены элиты, государственный аппарат, армия) и способ (нелегальный), что позволяет отличить перевороты от автопереворотов, революций, политических убийств и внешних интервенций.

Для операционализации гражданских войн используется классическое определение Дэвида Сингера и Мела Смолла в проекте «Корреляты войны» (7): во-первых, гражданская война приводит к не менее чем 1000 боевых жертв в год (причем на каждую из сторон приходится не менее 10% жертв); во-вторых, одной из сторон конфликта является центральное правительство; в-третьих, присутствует эффективное сопротивление обеих сторон конфликта; в-четвертых, конфликт происходит в рамках определенной политической единицы. Эта общепризнанная операционализация позволяет отличить гражданские войны от переворотов, террористических актов, геноцида, столкновений между криминальными группировками и межгосударственных войн. Однако исследователи не пришли к согласию относительно того, как например классифицировать гражданские войны, в ходе которых основные акторы изменились: как одну долгосрочную войну или несколько отдельных последовательных военных конфликтов. Учитывая, что многие количественные исследования в качестве зависимой переменной рассматривают продолжительность гражданской войны, различия в классификации могут привести к разным результатам и, соответственно, выводам.

С каждым годом в мировой политике сокращается число попыток переворотов, все меньше становится военных режимов, и все большее число диктатур распадаются вследствие оппозиционных движений «снизу». Социальные революции, «бархатные революции» и «цветные революции» представляют собой свержение

действующей политической элиты, получающее легитимацию благодаря широкой поддержке населения. Но они не являются революциями в классическом понимании, поэтому многие исследователи говорят о «революциях с прилагательными» как подвидах революций.

Использование прилагательных не позволяет решить классическую проблемы компаративистики — «растяжения концепта» (когда «объем понятия возрастает за счет размывания содержания» (Джованни Сартори), так как «прилагательные» не позволяют зафиксировать основные признаки концепта. В данном случае проблема заключается не в атрибутивных характеристиках, а в самом предикате, который по сути не является «революцией». Марк Томпсон вводит термин «демократические революции», которые он трактует как спонтанные мирные межклассовые народные выступления, приводящие к свержению диктаторов, к процессу демократического транзита и к консолидации демократии [20. Р. 1]. Дэвид Лейн называет «цветные революции» революционными переворотами, так как высокий уровень участия элиты, контрэлиты и масс (в качестве аудитории) ведет к обновлению элиты, но не к широким политическим и социально-экономическим изменениям [12. Р. 529], которые обычно сопровождают революции.

При исследовании режимных изменений каждый компаративист должен решить методологическую дилемму, связанную с операционализацией. С одной стороны, при добавлении характеристик уточняется концепт, но одновременно уменьшается число исследуемых случаев. Например, если понимать под цветными революциями постэлекторальные протестные движения, организованные оппозицией с целью восстановления ранее провозглашенных режимом институциональных основ демократии (нарушенных этим же режимом в ходе выборов) и приведшие к смене лидеров, то число таких революций сокращается до пяти (8), что не позволяет провести количественное исследование причин цветных революций. С другой стороны, растяжение концепта позволяет увеличить число рассматриваемых случаев, однако при таком подходе некоторые независимые переменные, значимые для событий только определенного типа, будут незначимыми для всех исследуемых событий. Так, этнический состав населения и степень этнорелигиозной фрагментации или поляризации, значимые при анализе начала и продолжительности этнических войн, потеряют статистическую значимость при исследовании всех гражданских войн в целом (об операционализации этнических и гражданских войн см. [2. С. 35—42]).

В большинстве исследований случаи подбираются по зависимой переменной, связанной со свершившимся событием или попыткой события. Однако режимные изменения являются редкими событиями, что составляет методологическую проблему компаративистики (9). Из-за невозможности учета всех возможных наблюдений для верификации и фальсификации исследователям необходимо определиться с набором релевантных случаев. Джеймс Махони и Гэри Герц считают, что для достижения лучших результатов при изучении редких событий необходимо использовать «принцип возможности»: включать в анализ случаи, релевантные по значению независимых переменных, и исключать случаи, которые имеют значение переменной, делающее результат невозможным. Это позволит увеличить число наблюдений, отделить негативные наблюдения от иррелевантных и прийти к более достоверным результатам [14. Р. 657].

Исследователи режимных изменений сталкиваются с еще одной методологической проблемой при классификации успешных или неуспешных событий. Так, в парадигме демократического транзита режимное изменение будет успешным в случае, если оно приводит к смещению авторитарного режима и установлению демократии. В итогах цветных революций наблюдается больше преобладания, чем изменений [9. Р. 306], что не позволяет говорить о каком-либо демократизационном эффекте. Соответственно, они будут классифицированы как неуспешные. В результате одних и тех же событий на смену одной диктатуре может прийти другая, а демократия может стать следствием новой последовательности событий, причем демократия тоже может распасться после нескольких лет стабильного функционирования. Поскольку успех события не может определяться ни свержением авторитарного режима, ни установлением демократии, большинство исследователей операционализируют успешные и неуспешные события через достижение целей события (но не целей акторов, так как заявленные цели могут отличаться от реальных).

Так, если целью переворота является смена действующего режима, успешным будет переворот, приведшей к достижению именно этой цели. Успешным принято считать переворот, после которого новые лидеры удержали власть минимум неделю [10. Р. 567]. Большинство исследователей придерживаются именно такого рубежа, однако в базе данных Монти Маршалла (проект Полити) этот период продлен до 1 месяца.

Компаративисты должны решить, рассматривать ли им как успешные, так и неуспешные события, либо ограничиться только успешными. В первом случае исследователь может изучать причины всех попыток событий, во втором — причины успешных событий. Этот выбор связан с исследовательским вопросом, но он приводит к изучению разных случаев, что может привести к разным результатам исследования. Поскольку причины, вызвавшие попытки события, независимо от результата могут быть одинаковыми, неуспешные события не менее важны для понимания динамики политических процессов. Однако большинство исследователей рассматривают только успешные события, так как изучать неуспешные события в авторитарных режимах сложно: если организаторам не удастся покинуть страну, их ждут репрессии. В итоге ученым придется анализировать одностороннее видение и подачу события действующим режимом. Это относится к неуспешным восстаниям, переворотам и революциям. Еще один неизученный сегмент режимных изменений относится к несовершившимся событиям, например, заговорам. Так, раскрытые заговоры или предотвращенные перевороты не относятся к неуспешным переворотам, и их редко изучают, так как изучать заговоры в авторитарных режимах еще сложнее, чем неуспешные перевороты.

Распады авторитарных режимов не означают автоматического перехода к демократии. Так, в период с 1990 по 2012 гг. только 30% переворотов завершились демократическим транзитом, при этом в 50% случаев авторитарный режим сохранился [11. Р. 42]. Для сравнения: смещение диктатур в результате массовых протестов приводит к демократии в 85% случаев [11. Р. 41]. Это дает многим политологам основание говорить о долгосрочных перспективах демократизации «снизу».

Некоторые авторы включают повстанческие действия «снизу» в список переворотов, так как по результату перевороты имеют много общего с восстаниями, поскольку перевороты могут перерасти в восстания. По мнению Пауэлла и Тайна, перевороты, возможно, являются катализаторами демократизации или, по крайней мере, не усиливают степень авторитаризма.

Влияние попыток переворота на демократизацию наиболее сильное и значимое в сильных автократиях и в режимах, лидеры которых продержались у власти минимум 8 лет [17]. Политические режимы, неуязвимые для попыток переворотов, могут не опасаться революций, так как пока лидеры могут сохранять лояльность армии, их революционно настроенные оппоненты не имеют шансов на свержение лидера [3. Р. 595].

Классики транзитологии Гильермо О’Доннелл и Филипп Шмиттер, наоборот, считали, что выбор революционного пути (*via revolucionaria*) уменьшает перспективы политической демократии. Неконтролируемая мобилизация будет препятствовать переговорному транзиту, поэтому результатом в этом случае будет либо жестокое подавление революционного движения сторонниками жесткой линии, либо насильственная победа революционно настроенных радикалов. По их мнению, было бы «желательно, чтобы политическая демократия достигалась без мобилизованного насилия и драматической непоследовательности. Передача власти группе своих сторонников или отказ от власти после переговоров с умеренно настроенными оппонентами обладают большим потенциалом для установления или консолидации демократии, чем «свержение» непримиримыми антагонистами» [15. Р. 11]. Оптимальная модель транзита (начиная с модели Данкварта Растроу) включает пакт — соглашение между отдельными акторами, определяющее (или переопределяющее) правила игры на основе взаимных гарантий соблюдения «жизненных интересов» сторон [15. Р. 37], что увеличивает вероятность перехода к демократии.

Теории ненасильственных протестных действий развивались отдельно от теорий демократических транзитов, так как авторы фокусировались на разных зависимых переменных. Исследователи транзита рассматривали насильственные и ненасильственные формы переходов к демократии, теоретики ненасильственного протеста — способы свержения диктатуры. Первые изучали способы разрешения конфликта через введение демократических процедур, вторые анализировали способы эскалации конфликта. Только с 2003 г. сильное дисциплинированное движение, использующее технологии ненасильственного протеста стало рассматриваться в качестве стратегии перехода от недемократического режима к демократическому (10). Теоретики ненасильственных протестов предлагают отказаться от дихотомии «насильственные — ненасильственные формы переходов к демократии» и анализировать ненасильственные действия как набор методов, отличающихся и от насильственной, и от институционализированной политики. Главными отличительными чертами таких движений являются, по их мнению, активная направленность на смену режима и неинституционализированность (в том плане, что протестные действия ведутся за пределами существующих институтов) [18].

СТРУКТУРНЫЙ И ПРОЦЕДУРНЫЙ ПОДХОДЫ ПРИ АНАЛИЗЕ РЕЖИМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Среди глобальных и региональных сравнительных исследований таких режимных изменений, как демократические транзиты, перевороты, гражданские войны, преобладает структурный подход, в рамках которого в качестве независимых переменных рассматриваются различные хорошо операционализируемые (прежде всего социально-экономические) предпосылки и условия, способствующие попыткам смены режима. Структуралисты выявляют причинно-следственные связи между социальными, экономическими, культурно-религиозными и другими контекстуальными переменными и началом, продолжительностью и результатами четко определенных событий. В таких исследованиях главным критерием для оценки влияния независимых переменных на событие будет статистическая значимость и коэффициент детерминации. Результатом количественных исследований обычно оказывается набор объективных условий, делающих вероятными режимные изменения. Данный подход исключает индивидуальные и коллективные мотивы акторов, которые могут осуществить смену режима, несмотря на отсутствие необходимых структурных факторов.

Использование структурного подхода представляется методологически верным, так как исследователи могут проверить большое число гипотез, однако у этого подхода есть недостатки. Среди главных — объяснение разных событий через одинаковые неполитические факторы и построение теорий на основе корреляций, которые не всегда верно указывают на наличие причинно-следственной связи и не определяют направление этой связи. Например, этническая фрагментация в разных исследованиях может стать причиной протестных действий, переворотов, этнической гражданской войны, сохранения авторитаризма или, наоборот, условием для появления общественной демократии (об этнической фрагментации и демократии см.: [1. С. 20—25]). Некоторые структурные факторы будут не только и не столько условиями события, сколько его результатами. Так, вражда между этническими группами может быть не причиной этнической войны, а ее итогом. Часто связь между переменными будет нелинейной параболической, например, связь между риском начала режимного изменения и политическим режимом (в группе риска будут гибридные режимы).

С целью преодоления проблем количественных исследований некоторые авторы используют новый сравнительный метод — качественный (конфигуративный) сравнительный анализ (*QCA*), позволяющий выделить сочетания необходимых и достаточных условий для исследуемых событий. Метод, подходящий для небольшого числа случаев, предполагает превращение всех переменных в категориальные (с двумя или реже тремя категориями) для составления таблиц истинности и выявления сочетаний переменных, которые приводят к искомому результату (он тоже принимает значения из булева множества). Если одни и те же сочетания приводят к разному исходу, границы категорий пересматриваются для исключения противоречивых результатов, что усиливает субъективность данного метода. В настоящий момент результаты применения качественного сравнительного анализа определяют уже известные конфигурации структурных факторов, выделенных статистическими методами.

Представители процедурного (акторного, волонтаристского) подхода объясняют режимные изменения через действия акторов и стратегию их поведения независимо от структурных условий. По их мнению, режимные изменения создаются не причинами, а «виновниками» и являются следствием рационального выбора и политической воли участников. Волонтаристы изучают проблематику коллективных действий, взаимообусловленность определенных решений акторов, поэтому они фокусируются на изучении отдельных случаев, что придает исследованиям дескриптивный характер. Однако акторы могут быть иррациональными, не обладать всей полнотой информации, могут идти против predetermined контекстом логики развития, совершить тактические или стратегические ошибки. Поэтому данный подход позволяет лучше анализировать события *post factum*, нежели предсказывать их наступление.

Преимуществом процедурного подхода является качественный анализ, позволяющий выделить фазы событий и изучить действия всех акторов на разных фазах. Следует учитывать, что фазы реализуются последовательно только в идеальных моделях. Так, выделяемые в идеал-типическом демократическом транзите фазы либерализации и демократизации могут проходить последовательно, одновременно или независимо. Фаза демократизации приведет к более эффективным результатам, если она осуществляется после фазы либерализации, однако есть немало примеров зависших после либерализации транзитов, откатов в авторитаризм или демократизации без либерализации.

Вместе с тем без определения контекста сложно оценить потенциал акторов и проанализировать возможность/невозможность реализации намерений. При этом поведение других акторов также становится важным контекстуальным фактором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев состояние исследований политических режимов и режимных изменений в контексте демократических транзитов, можно сделать следующее заключение. В настоящий момент в политической науке сложился определенный консенсус по вопросу концептуализации политических режимов (включая наиболее размытые гибридные режимы) и режимных изменений, однако согласие относительно операционализации режимных изменений, их условий и факторов не достигнуто.

Структуралисты выявляют причинно-следственные связи между контекстуальными переменными и событиями, ведущими к режимным изменениям. Такие связи понимаются как структурные предпосылки режимных изменений, т.е. предпосылки, обусловленные влиянием определенных структур, а не намерениями и действиями акторов. Статистические модели устанавливают значимые закономерности и выявляют независимые факторы, коррелирующие с режимными изменениями и последующим демократическим транзитом. Главной проблемой являются операционализация и измерение ключевых переменных и сложность объяснения причинно-следственных механизмов обнаруженных связей. Режимные изменения могут начинаться и не начинаться при разных конфигурациях контекстуальных факторов, и сохранение или разрушение существующих институциональных рамок является следствием политической воли акторов. Именно ак-

торы могут предотвратить восстания и революции, способствовать демократизации и сдерживать разжигание конфликтов, однако политическая воля акторов, их стратегия и тактика пока могут быть исследованы только постфактум в качественных казусно-ориентированных или небольших (*small N*) исследованиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Примеры трихотомии: свободный, частично свободный, несвободный режимы (проекты Дома свободы), автократия, анократия и демократия (проекты Полити), авторитарный, гибридный и демократический режимы.
- (2) Polity IV project: Political regime characteristics and transitions, 1800—2013. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>.
- (3) В среднем гибридные режимы существуют в 3,8 раз меньше демократий и в 1,7 раз меньше автократий [4. P. 900].
- (4) Количество изменений подсчитано автором по: [8].
- (5) В категорию проигранных выборов не входят случаи, когда военная хунта передавала власть гражданским и партия/группа лидера не участвовала в выборах (14%).
- (6) Организованный вооруженный конфликт в базе данных авторитарных режимов включает гражданские войны, революции и другие насильственные акты сопротивления авторитарному режиму.
- (7) Проект «Корреляты войны» основан в 1963 г. Д. Сингером и М. Смоллом. URL: <http://www.correlatesofwar.org>.
- (8) Это случаи Филиппин (1986), Сербии (2000), Грузии (2003), Украины (2004) и Кыргызстана (2005).
- (9) Так, несмотря на большое число попыток переворотов, на 9129 наблюдений в базе переворотов М.Маршалла приходится всего 322 попытки переворотов.
- (10) Летом 2003 г. в журнале «Политическая наука и политика» были опубликованы материалы симпозиума, посвященного ненасильственным протестным действиям, в котором приняли участие Т. Гурр, П. Акерман, С. Тэрроу, Дж. ДюВаль и др. [19].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Кудряшова И.В.* Как обустроить разделенные общества // *Политическая наука*. 2016. № 1. С. 15—33.
- [2] *Харитонова О.Г.* Этнические войны и постконфликтная демократия // *Политическая наука*. 2016. № 1. С. 34—59.
- [3] *Belkin A., Schofer E.* Toward a Structural Understanding of Coup Risk // *Journal of Conflict Resolution*. 2003. Vol. 47. № 5. P. 594—620.
- [4] *Gates S., Hegre H., Jones M.P., Strand H.* Institutional Inconsistency and Political Instability: Polity Duration, 1800—2000 // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50. № 4. P. 893—908.
- [5] *Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40. № 11. P. 1279—1301.
- [6] *Geddes B.* Minimum-winning Coalitions and Personalization in Authoritarian Regimes // *Annual Meetings of the American political science association*. Chicago, 2004. URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/cpworkshop/papers/geddes.pdf> (Дата обращения: 5.3.2017) 32 p.
- [7] *Geddes B.* What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // *Annual Review of Political Science*. 1999. № 2. P. 115—144.
- [8] *Geddes B., Wright J., Frantz E.* Autocratic Regimes and Transitions: A New Data Set // *Perspectives on Politics*. 2014. Vol. 12. № 2. P. 313—331.

- [9] *Hale H.* Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. Vol. 39. № 3. P. 305—329.
- [10] *Kebshul H.G.* Operation “Just Missed”: Lessons from Failed Coup attempts // *Armed Forces and Society*. 1994. Vol. 20. № 4. P. 565—579.
- [11] *Kendall-Taylor A., Frantz E.* How Autocracies Fall // *The Washington Quarterly*. 2014. Vol. 37. № 1. P. 35—47.
- [12] *Lane D.* The Orange Revolution: ‘People’s Revolution’ or Revolutionary Coup? // *British Journal of Politics and International Relations*. 2008. Vol. 10. № 4. P. 525—549.
- [13] *Magaloni B., Kricheli R.* Political Order and One-Party Rule // *Annual Review of Political Science*. 2010. № 13. P. 123—143.
- [14] *Mahoney J., Goertz G.* The Possibility Principle: Choosing Negative Cases in Comparative Research // *American Political Science Review*. 2004. Vol. 98. № 4. P. 653—669.
- [15] *O’Donnell G., Schmitter P.* Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986. 81 p.
- [16] *Powell J.M., Thyne C.L.* Global Instances of Coups from 1950—Present // *Journal of Peace Research*. 2011. Vol. 48. № 2. P. 249—259.
- [17] *Powell J.M., Thyne C.L.* Coup d’etat or Coup d’Autocracy? How Coups Impact Democratization, 1950—2008 // *Foreign Policy Analysis*. 2016. Vol. 12. № 2. P. 92—213.
- [18] *Schock K.* The Practice and Study of Civil Resistance // *Journal of Peace Research*. 2013. Vol. 50. № 3. P. 277—290.
- [19] Symposium: A Force More Powerful // *PS: Political Science and Politics*. 2003. Vol. 33. № 2. P. 146—187.
- [20] *Thompson M.R.* Democratic Revolutions: Asia and Eastern Europe. N.Y.: Routledge, 2004. 180 p.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-379-391

POLITICAL REGIMES AND REGIME CHANGES IN THE MIRROR OF ACADEMIC DISCOURSE

O.G. Kharitonova

Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University) under Ministry of Foreign Affairs of Russia
Vernadskogo Av., 76, Moscow, Russia, 119454

Abstract. The article reviews the state of the recent comparative research on political regime and regime changes and the democratization prospects after authoritarian regime breakdown. The main methodological problems facing the researchers of political regimes who use the regime variable in comparative research are the conceptualization, classification and operationalization of political regimes in which political changes may or may not occur. The author studies typologies of nondemocratic political regimes, the aspects of one-party, military and personalist regimes, their survival logic and the democratization prospects for every type of authoritarian regimes. Each type of authoritarianism has its own logic and inner dynamics, hence different regime-changing trajectories. Particular attention is paid to hybrid regimes as the most conceptually blurred category. Methodological problems of studying regime change include concept stretching, conceptualization of successes and failures and also the distinguishing of potentially relevant cases in order to increase the number of cases, since the events studied are rare events. The article proceeds to study the political changes from the perspective of democratic transition theories and discusses the advantages and disadvantages of two main approaches to studying political regime changes, i.e. the structure-oriented and the agency-oriented.

Key words: political regime, regime change, conceptualization, operationalization, structure approach, agency approach

REFERENCES

- [1] Kudrjashova I.V. Kak obustroit' razdelennye obshhestva. *Politicheskaja nauka*. 2016; 1. S. 15—33 (in Russ).
- [2] Haritonova O.G. Jetnicheskie vojny i postkonfliktnaja demokratija. *Politicheskaja nauka*. 2016; 1. S. 34—59 (in Russ).
- [3] Belkin A., Schofer E. Toward a Structural Understanding of Coup Risk. *Journal of Conflict Resolution*. 2003; Vol. 47; 5. P. 594—620.
- [4] Gates S., Hegre H., Jones M. P., Strand H. Institutional Inconsistency and Political Instability: Polity Duration, 1800—2000. *American Journal of Political Science*. 2006; Vol. 50; 4. P. 893—908.
- [5] Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats. *Comparative Political Studies*. 2007; Vol. 40; 11. P. 1279—1301.
- [6] Geddes B. Minimum-winning Coalitions and Personalization in Authoritarian Regimes. *Annual Meetings of the American political science association*. Chicago, 2004. Available from: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/cpworkshop/papers/geddes.pdf>.
- [7] Geddes B. What Do We Know about Democratization after Twenty Years? *Annual Review of Political Science*. 1999; 2. P. 115—144.
- [8] Geddes B., Wright J., Frantz E. Autocratic Regimes and Transitions: A New Data Set. *Perspectives on Politics*. 2014; Vol. 12; 2. P. 313—331.
- [9] Hale H. Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism. *Communist and Post-Communist Studies*. 2006; Vol. 39; 3. P. 305—329.
- [10] Kebshul H.G. Operation “Just Missed”: Lessons from Failed Coup Attempts. *Armed Forces and Society*. 1994; Vol. 20; 4. P. 565—579.
- [11] Kendall-Taylor A., Frantz E. How Autocracies Fall. *The Washington Quarterly*. 2014; Vol. 37; 1. P. 35—47.
- [12] Lane D. The Orange Revolution: “People’s Revolution” or Revolutionary Coup? *British Journal of Politics and International Relations*. 2008; Vol. 10; 4. P. 525—549.
- [13] Magaloni B., Kricheli R. Political Order and One-Party Rule. *Annual Review of Political Science*. 2010; 13. P. 123—143.
- [14] Mahoney J., Goertz G. The Possibility Principle: Choosing Negative Cases in Comparative Research. *American Political Science Review*. 2004; Vol. 98; 4. P. 653—669.
- [15] O’Donnell G., Schmitter P. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986. 81 p.
- [16] Powell J.M., Thyne C.L. Global Instances of Coups from 1950—Present. *Journal of Peace Research*. 2011; Vol. 48; 2. P. 249—259.
- [17] Powell J.M., Thyne C.L. Coup d’etat or Coup d’Autocracy? How Coups Impact Democratization, 1950—2008. *Foreign Policy Analysis*. 2016; Vol. 12; 2. P. 92—213.
- [18] Schock K. The Practice and Study of Civil Resistance. *Journal of Peace Research*. 2013; Vol. 50; 3. P. 277—290.
- [19] Symposium: A Force More Powerful. *PS: Political Science and Politics*. 2003; Vol. 33; 2. P. 146—187.
- [20] Thompson M.R. *Democratic Revolutions: Asia and Eastern Europe*. N.Y.: Routledge, 2004. 180 p.

© О.Г. Харитоновна, 2017

Сведения об авторе:

Харитоновна Оксана Геннадьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. Электронная почта: o.haritonova@inno.mgimo.ru

Information about the author:

Kharitonova Oxana — associate professor, PhD (political science), MGIMO University, Russian Federation. E-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

Статья поступила в редакцию 01.10.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-392-402

ИМИДЖ — РЕПУТАЦИЯ — БРЕНД: СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТИ ВЛАСТИ*

Н.Н. Розанова

Смоленский государственный университет
ул. Пржевальского, д. 4, Смоленск, Россия, 214000

Статья посвящена рассмотрению процесса формирования ценностного символического пространства российской власти в контексте выстраивания новой модели развития общества, определенной в качестве одного из приоритетных направлений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Данный вектор развития отношений государства и общества определен автором как стратегия формирования ценностного отношения к власти — целенаправленная, системная, совместно осуществляемая деятельность власти и общества по созданию ценностного пространства российской власти через трансформацию и последовательный переход друг в друга следующих символических категорий власти: «индивидуальность» — «имидж» — «репутация» — «бренд». Раскрыто содержание указанных категорий, предложена интерпретация измерений ценностного поля бренда власти на основе модели четырехмерного бренда Т. Гэда. Особое внимание уделено процессу формирования репутации власти как предмету самостоятельного исследования автора на примере изучения репутации региональной власти Смоленской области.

Ключевые слова: имидж, репутация; бренд, российская власть, региональная власть, ценностное пространство власти

Задача построения наиболее эффективной — партнерской модели взаимодействия институтов политической власти и гражданского общества, укрепляющей легитимность власти, требует максимизации ее усилий по гармонизации собственных интересов и интересов и ценностных ориентаций множества социальных групп в условиях общесистемной трансформации и радикальных изменений во всех сферах общественной жизни. Исследователями обозначены актуальные проблемы, препятствующие становлению партнерской модели: отсутствие доверия между институтами государственной власти и населением, что дестабилизирует социально-политическую ситуацию [1. С. 3]; несформированность ценностей демократического правового государства; дисфункция механизма взаимодействия государства и гражданского общества, обусловленная противоречивостью процессов институционализации новых общественно-государственных институтов [2. С. 4]; деформация сознания представителей власти, обнаруживающая себя в коррупционном поведении; низкий уровень политической культуры граждан и др.

Все чаще происходит подмена истинно демократического характера диалога между властью и гражданским обществом его имитацией. Результатом использования манипулятивных политтехнологий становится символическая политика и ее спутники — квазидialog, псевдодialog и парадialog, превращающие полити-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта «Информационно-аналитическое продвижение реальной репутации региональной власти», № 16-03-00503 а.

ческий дискурс в «мир реализованного абсурда» [3. С. 12] или в коммуникативный симулякр, что представляет существенную угрозу молодым и недостаточно развитым демократическим институтам государства и гражданского общества [4. С. 31]. В результате стабильно отмечаемым исследователями социально-управленческим феноменом является оторванность власти от населения [1. С. 17] (образ «отчужденной власти»), когда она становится властью-антиценностью, создающей ситуацию разрыва своих собственных интересов и интересов личности. Такой ценностный разрыв существенно затрудняет переход процессов демократизации и консолидации общества на новый уровень [5]. Актуализована данная проблема условиями современного кризиса социального развития, одной из существенных характеристик которого как раз и является трансформация ценности власти [6. С. 17].

Представляется, что современные отношения государства и общества, с учетом наличия определенных позитивных тенденций последних лет, переживают некое переходное состояние от антиценностной к ценностной основе взаимодействия.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года определяет важность преодоления обозначенных проблем, выделяя в качестве одного из приоритетных направлений национального развития выстраивание *новой модели развития общества*. Данная модель должна обеспечивать равноправный диалог и консенсус общественных организаций, бизнеса и государства по ключевым вопросам развития страны; высокое доверие граждан к государственным и общественным институтам.

Каким образом можно выстроить обозначенную стратегически ориентированную модель? Полагаем, что ключевым должен стать именно ценностный подход на всех уровнях российской власти, приобретающий особую актуальность в условиях отсутствия сформированных ценностей «новой» (после 1991 года) российской государственности. Ценностное измерение власти определяет в качестве стратегического вектора современного развития выстраивание такой системы отношений «личность — общество — власть», при которой власть как самоценность включается в персональное и социальное ценностное пространство каждого человека, общества в целом, достигается высокий уровень ее признания, принятия и идентификации («моя власть», «наша власть»).

Представляется возможным разорвать существующий «замкнутый круг» (когда, с одной стороны, наличие комплекса проблем в отношениях государства и общества связано с отсутствием ценностного восприятия власти, с другой, — их решение возможно только при его наличии) через формирование ценностного символического пространства российской власти. Данный стратегический вектор развития отношений государства и общества мы обозначили как *стратегию формирования ценностного отношения к власти* — целенаправленную, системную, совместно осуществляемую деятельность власти и общества по созданию ценностного пространства российской власти через трансформацию и последовательный переход друг в друга следующих символических категорий власти: «индивидуальность» — «имидж» — «репутация» — «бренд».

Проблемы функционирования имиджа и репутации в политическом процессе отражены в исследованиях многих отечественных авторов: А.Ю. Багриной, И.Г. Касаткина, Е.В. Коган, О.Б. Молодова, З.Р. Мингазовой, Н.В. Устиновой

и др., предметом рассмотрения становится репутационный капитал политических субъектов (И.В. Варламова, Н.Е. Гранкин, А.Ю. Кравчук, А.Э. Рудакова, Е.С. Тихомирова и др.). Изучается политическое пространство региона, вопросы его продвижения, территориального маркетинга, формирования имиджа, репутации и бренда (О.В. Артюх, И.С. Важенина, Ю.В. Кудашова, А.П. Панкрухин, Р.Ф. Туровский, В.Н. Якимец и др.).

В то же время сохраняется актуальность дальнейшего исследования категорий имиджа, репутации и бренда в современном политическом пространстве, изучения соотношения данных категорий, технологии их формирования, в том числе в контексте рассмотрения стратегических ценностных ориентаций российской власти. Направление вектора символического ценностного пространства российской власти, определяющего принципиальную логику деятельности власти и общества по выстраиванию стратегии и тактики его формирования, задается начальной категорией «индивидуальность власти», которая служит основой для формирования ее имиджа, репутации и бренда.

При разработке процесса формирования ценностного символического пространства российской власти мы основывались на исследовательских подходах признанных исследователей и специалистов-практиков Грэма Даулинга [7] и Томаса Гэда [8]. На рис. 1 представлена принципиальная схема формирования ценностного символического пространства российской власти, единая для всех ее уровней, в том числе и для региональной власти, являющейся особым предметом нашего исследования (1).

Рис. 1. Процесс формирования ценностного символического пространства.

Разработано автором.

Fig. 1. Process of formation of valuable symbolical space.

Developed by the author

Раскроем содержание основных категорий, формирующих ценностное символическое пространство власти.

Индивидуальность власти — визуальные и вербальные признаки, по которым население может идентифицировать тот или иной орган власти (название органа власти; логотип; слоган; территориальное расположение; здание, в котором он находится; интерьер; внешний вид представителей власти и т.п.). Индивидуальность власти обеспечивает ее узнаваемость.

Имидж власти — символический образ власти, преимущественно эмоционально окрашенный набор субъективных ощущений и представлений населения о власти, не всегда отражающих ее реальную деятельность, для формирования которых может быть достаточно средств массовой коммуникации.

Репутация власти — это совокупность устойчивых, объективно сложившихся ценностных убеждений и рационально осознанных оценочных мнений населения о власти, формируемых преимущественно на основе опыта прямого и/или косвенного взаимодействия, вызывающих чувство доверия и отражающих степень результативности деятельности власти по удовлетворению интересов и потребностей граждан в создании условий для достойной жизни (2).

Исследователями признается, что создание имиджа политических акторов предшествует формированию репутации: репутация складывается уже в процессе позиционирования имиджевой компоненты субъекта, при этом формирование репутации — это сложная многоходовая задача стратегического уровня, создание имиджа — локальный прием тактического уровня [9. С. 9].

Методологическая проблема сущности и соотношения категорий «имидж» и «репутация», в том числе в политической сфере, остается до конца не решенной (см., напр., 10—16). Представляется, что и имидж, и репутация, независимо от того, какая категория трактуется шире, должны формироваться на объективной, а не искусственной, манипулятивной основе, что особенно значимо в условиях становления в России реальной демократии.

На рис. 2 представлены структура и виды репутации власти, важные с точки зрения дальнейшего формирования ее бренда.

Процесс формирования символического ценностного пространства власти сопряжен с последовательной трансформацией репутации из реальной и позитивной в должную.

Бренд власти. Прежде чем перейти к определению данной категории, отметим, что соотношение понятий «имидж», «репутация» и «бренд» по-разному трактуется отечественными и зарубежными исследователями. Изучение исследовательских подходов позволило сделать вывод о наличии двух принципиальных взглядов на проблему соотношения указанных понятий в зависимости от содержания категории «бренд».

1. Бренд предшествует формированию репутации и связан, прежде всего, с имиджем. Имидж и бренд рассматриваются как этапы процесса формирования репутации, являются структурными элементами репутации [17]. Бренд при этом

Структура и виды репутации власти

I. Исходя из сущности и особенностей формирования, репутация включает две составляющих:

- ❖ **ИМИДЖЕВАЯ** (фактически соответствует имиджу власти) – преимущественно эмоциональная, формируемая средствами массовой коммуникации, большую роль могут играть слухи, бытовая информация; их воздействия может быть достаточно для создания эмоционального образа власти;
- ❖ **СУЩНОСТНАЯ (СОБСТВЕННО РЕПУТАЦИЯ)** – преимущественно рациональная, оценочная, формируемая на основе не только информации СМИ о власти, но и обязательно на основе опыта прямого/косвенного взаимодействия с властью.

СТРУКТУРА РЕПУТАЦИИ ВЛАСТИ

II. Исходя из методов изучения, репутация включает две составляющих:

- ❖ **СУБЪЕКТИВНАЯ** – представляет собой мнение населения о власти (социологические методы);
- ❖ **ОБЪЕКТИВНАЯ** – основана на качественных характеристиках власти, реальных показателях деятельности, свидетельствующих о ее результативности (статистические, экономический анализ).

ВИДЫ РЕПУТАЦИИ ВЛАСТИ

I. В зависимости от соотношения и сочетания структурных элементов репутации:

- ❖ 1. **ПОВЕРХНОСТНАЯ, ИЛИ ИМИДЖЕВАЯ**, репутация (преобладание имиджевой составляющей) и **ГЛУБИННАЯ** репутация – собственно репутация (наличие и имиджевой, и сущностной составляющих при преобладании последней).
- ❖ 2. **РЕАЛЬНАЯ (АДЕКВАТНАЯ) И НЕАДЕКВАТНАЯ** репутация определена соотношением субъективной и объективной составляющих. Реальная репутация власти формируется в случае их единства, когда мнение населения основано на знании объективных показателей деятельности власти и является результатом взвешенной разносторонней оценки. Высокий уровень политической культуры населения является необходимым условием формирования реальной репутации. Неадекватная репутация формируется как результат общего представления о деятельности власти.

II. По характеру (знаку) направленности общественного мнения в его стремлении к идеалу:

- ❖ **ПОЗИТИВНАЯ РЕПУТАЦИЯ** отражает положительную оценку населением деятельности власти, **НЕГАТИВНАЯ** – отрицательную. Развитие реальной позитивной репутации власти выводит ее на качественно новый уровень должной репутации.
- ❖ **ДОЛЖНАЯ РЕПУТАЦИЯ ВЛАСТИ** – репутация, отражающая высокую, отвечающую современным актуальным социальным запросам степень соответствия власти потребностям, интересам, ценностям общества и личности. То есть должная репутация показывает максимальный уровень «сближения» действий власти с объективными тенденциями, закономерностями и формами общественной жизнедеятельности; свидетельствует о том, насколько эффективно политика органов власти воплотилась в реальную жизнь, в сознание, поведение и деятельность людей, в состояние управляемых объектов. Должная репутация выступает в качестве своего рода идеального ориентира формирования репутации власти, поэтому и может быть также определена как **идеальная репутация**; должная репутация является наивысшим качественным уровнем репутации власти.

Рис. 2. Структура и виды репутации власти.

Разработано автором.

Fig. 2. Structure and types of reputation of the power.

Developed by the author

трактуется в его узком (собственно маркетинговом, ориентированном на продажу) значении и больше сопряжен с индивидуальностью субъекта, необходимостью его четкой идентификации целевой аудиторией. Под политическим брендом понимается имя политического товара, его особенностями являются повсеместная известность и глубокая укорененность в массовом сознании [9. С. 16]. В данном случае следует, на наш взгляд, согласиться с обозначенной точкой зрения исследователей: создание бренда власти, если понимать его в так называемом узком значении, входит в процесс формирования имиджа и репутации.

2. Бренд создается на основе репутации и рассматривается в глубинном его смысле как максимальная ценность субъекта — носителя бренда (даже как форма символической власти, см., напр., [18]). Данный подход применительно к организации раскрывает Г. Даулинг, определяющий корпоративный супер-бренд как «чувство доверия, надежности и сопричастности, которое возникает под воздействием корпоративной репутации, сложившейся у человека» [7. С. 17]. Целенаправленно, чтобы уйти от узкого понимания бренда, Г. Даулинг вводит понятие супербренда.

Придерживаясь данного подхода и соотнося его с политической сферой, мы также считаем, что бренд власти формируется на основе ее репутации. Смыслом политического брендинга является формирование политической идентичности в интересах субъекта управления. Применительно к сущности самой власти бренд интерпретируется как глобальный смысл ее существования.

Фактически бренд власти является высшим качественным уровнем формирования репутации — должной репутацией власти, когда она укрепляется в сознании большинства населения и как бы проходит свою постоянно подтверждаемую временем и практикой проверку на прочность, поскольку «бренд — это всегда обещание новых жизненных возможностей, которое нужно выполнять каждый день» [19. С. 10].

Итак, **бренд власти** — это ценностное восприятие и отношение к власти населения (власть как личностная и общепризнанная ценность), чувство сопричастности, осознание единства с властью, высокий уровень ее персонального принятия и самоидентификации («моя власть», «наша власть»), обеспечивающие поддержку и преданность населения, уверенность во власти и гордость за ее деятельность.

Следует особо подчеркнуть, что данное ценностное отношение основано на осознанном, свободном одобрении гражданами действий и политики структур власти (Э. Аллен).

Формирование бренда власти определяет потенциал необходимого для достижения общих интересов развития государства и общества активного деятельного поведения граждан, выступая как результат процесса идентификации власти и населения — политическая идентичность.

В понимании содержания бренда власти мы опираемся на модель четырехмерного бренда Т. Гэда [8. С. 9—10].

Ценностное поле бренда российской власти

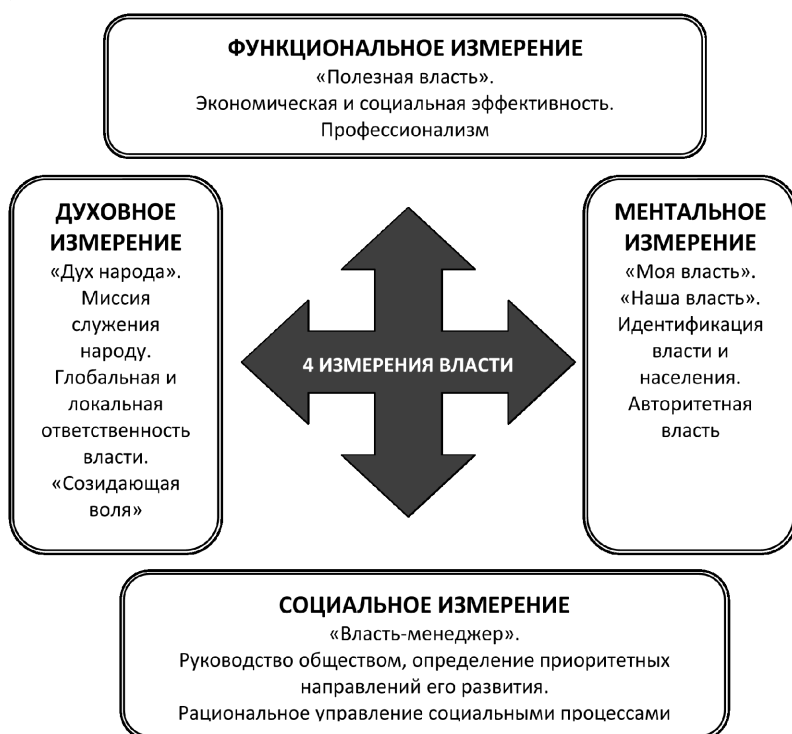

Рис. 3. Измерения ценностного поля бренда российской власти.

Разработано автором.

Fig. 3. Measurements of the valuable field of a brand of the Russian power.

Developed by the author

Представим адаптацию данной модели применительно к бренду власти (рис. 3).

1. *Функциональное измерение бренда власти.* Образ «полезной власти» связан с ее прагматическими, материальными свойствами, выгодностью власти как социального института. Эффективные, социально-ориентированные решения, принимаемые властью, адекватны потребностям, интересам, ценностным предпочтениям человека как носителя той или иной социальной роли — потребителя, обывателя, «производителя», гражданина. При этом полезная власть поднимает человека до уровня, когда положение личности в обществе становится показателем ее собственной полезности и не унижает человека вознаграждением за преданность [5].

2. *Социальное измерение бренда власти* касается способности власти, идентифицируя себя с обществом, выступать в роли его руководителя (образ «власти-менеджера»), определяя нужные направления и приоритеты развития. Власть важна как эффективный управленческий механизм. Стратегически ориентированное рациональное управление социальными процессами должно соответствовать ожиданиям граждан, адекватно и своевременно реагировать на вызовы времени. Механизмы, способы и средства государственного управления должны быть инновационными, отвечать парадигмам XXI века [20. С. 44].

3. *Духовное измерение бренда власти* находит свое концентрированное выражение в ее миссии служения народу (образ «духа народа»), что, по Т. Гэду, означает принятие на себя глобальной и локальной ответственности. Проявляемый на уровне духовной природы онтологический статус политической власти раскрывается через сущность политической воли как «заботы», охватывающей все сферы человеческой жизни. Такая власть, не подавляющая волю личности и народа, становится «созидающей волей» [5].

4. *Ментальное измерение бренда власти*. Данное измерение раскрывается Т. Гэдом как способность бренда поддерживать человека, на уровне персонального бренда это способность помогать меняться другим, перед этим изменив себя, роль гуру. Соответственно, данное измерение, хотя и называется ментальным, отражает способность менять сознание других через изменение в собственном поведении. Применительно к власти ментальное измерение бренда проявляется в высоком уровне отождествления населения с властью, осознании единства потребностей, интересов, целей, ценностей, убеждений и т.п. (самоидентификация), что можно образно определить как «моя власть», «наша власть». Власть воспринимается гражданином как авторитетная, на которую он хочет быть похожим. Ментальное измерение бренда, являясь самым глубинным, фундаментальным его измерением, максимально приближено к целостному пониманию категории «бренд власти», поэтому получает схожую интерпретацию.

Таким образом, представленная трансформация и последовательный переход друг в друга категорий власти: «индивидуальность» — «имидж» — «репутация» — «бренд», призваны реализовать стратегию формирования ценностного символического пространства российской власти, в котором бренд власти, соотношенный с системой ценностных ориентаций граждан, представлений персонального и общественного сознания о предназначении власти, наделяет ее самостоятельной ценностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Изучение репутации региональной власти на примере Смоленской области осуществляется в рамках реализации грантов РГНФ: «Оценка репутации региональной власти», № 11-12-67007 а/Ц, 2011—2012 гг.; «Технология формирования позитивной репутации региональной власти», № 14-03-00549 а, 2014—2015 гг.; «Информационно-аналитическое продвижение реальной репутации региональной власти», № 16-03-00503 а, 2016—2017 гг.
- (2) Понятия имиджа и репутации власти были уточнены по результатам социологического исследования: анкетные опросы жителей г. Смоленска и районов Смоленской области (ноябрь 2011 г. — январь 2012 г., январь 2014 г., декабрь 2016 г., по 305 респондентов; выборка многоступенчатая, гнездовая, квотированная по полу, возрасту, территории проживания). См. подробнее [21].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Князев Д.В.* Социально-управленческие механизмы формирования доверия населения к институтам государственной власти: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2009.

- [2] *Шестакова Е.В.* Государственная политика по взаимодействию власти с институтами гражданского общества в современной России в 2000-е годы: дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2009.
- [3] *Новикова А.Н.* Формирование институциональных механизмов взаимодействия государства и гражданского общества в современной России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2009.
- [4] *Зайцев А.В.* Проблемы институционализации политического диалога государства и гражданского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 2 (18).
- [5] *Хомелева Р.А.* К построению онтологической концепции власти: теоретико-методологический подход // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. Вып. 1. URL: <http://www.old.jourssa.ru/2000/1/05homeleva.html>.
- [6] *Жилина В.А.* Власть: ценность — антиценность // Экономика и политика. 2016. № 2 (8).
- [7] *Даулинг Г.* Репутация фирмы: создание, управление и оценка эффективности. М.: Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт», ИНФРА-М, 2003.
- [8] *Гэд Т.* 4D брендинг: взламывая корпоративный код сетевой практики. СПб.: Изд-во Aveline Finland Oy, 2000.
- [9] *Харламов И.Г.* Формирование репутации в политике и бизнесе: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2009.
- [10] *Ачкасова В.А., Корнеева К.В.* Репутация и имидж власти. Медиастратегии формирования // Управленческое консультирование. 2017. № 1 (97).
- [11] *Важенина И.С., Важенин С.Г.* Имидж и репутация как стратегические составляющие нематериальных активов территории // Экономика региона. 2010. № 3.
- [12] *Гранкин Н.Е.* Политический имидж, репутационный капитал современной России: теоретико-концептуальные подходы // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 1(6).
- [13] *Дзялошинский И.М.* Коммуникативная природа имиджа, репутации, бренда // PR-Линия. 2008. № 2.
- [14] *Елисеев А.Л.* Политическая репутация в региональном процессе Российской Федерации: проблемы формирования и управления // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6.
- [15] *Обухов К.Ю.* Имидж и репутация как основа развития региона в конкурентной среде // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 3.
- [16] *Рзун И.Г., Старкова Н.О.* Формирование модели управления брендом региона // Вестник НГИЭИ. 2016. № 48.
- [17] *Рудакова А.Э.* Технологии формирования репутационного капитала субъектов Российской Федерации // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». 2015. № 1 (ч. 1). URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17488>.
- [18] *Архангельская К.В.* Символическая власть брендов в современной социокультурной ситуации // Наука и современность. 2016. № 48.
- [19] *Коган Е.В.* Управление репутацией в региональном политическом процессе РФ: на примере Челябинской области: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2013.
- [20] *Атаманчук Г.В.* Проблемы повышения эффективности административно-правового регулирования государственного управления в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. 2013. № 2.
- [21] Официальный сайт научно-исследовательского проекта «Репутация региональной власти». URL: <http://www.smolvlast.ru>.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-392-402

IMAGE — REPUTATION — BRAND: STRATEGY OF FORMING OF VALUE OF THE POWER

N.N. Rozanova

Smolensk State University
Przhevalsky str., 4, Smolensk, Russia, 214000

Abstract. Article is devoted to consideration of process of forming of valuable symbolical space of the Russian power in the context of forming of the new model of development of society determined as one of the priority directions of the Concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period till 2020. This vector of development of the relations of the state and society is determined by the author as strategy of forming of the valuable relation to the power — the purposeful, system, jointly performed activities of the power and society for creation of valuable space of the Russian power through transformation and consecutive transition each other of the following symbolical categories of the power: “identity” — “image” — “reputation” — “brand”. Content of the specified categories is opened, interpretation of measurements of the valuable field of a brand of the power on the basis of model of a four-dimensional brand of T. Ged is offered. The special attention is paid to process of forming of reputation of the power as to a subject of independent author research, on the example of studying of reputation of the regional power of the Smolensk region.

Key words: image; reputation; brand; Russian power; regional power; valuable space of the power

REFERENCES

- [1] Knyazev D.V. *Sotsial'no-upravlencheskie mekhanizmy formirovaniya doveriya naseleniya k institutam gosudarstvennoi vlasti*. Avtoref. diss... kand. sots. nauk. Moscow, 2009 (In Russ).
- [2] Shestakova E.V. *Gosudarstvennaya politika po vzaimodeistviyu vlasti s institutami grazhdanskogo obshchestva v sovremennoi Rossii v 2000-e gody*. Diss... kand. polit. nauk. Perm', 2009 (In Russ).
- [3] Novikova A.N. *Formirovanie institutsional'nykh mekhanizmov vzaimodeistviya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v sovremennoi Rossii*. Avtoref. diss... kand. sots. nauk. Saratov, 2009 (In Russ).
- [4] Zaitsev A.V. Problemy institutsionalizatsii politicheskogo dialoga gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*. 2011; 2 (18) (In Russ).
- [5] Khomeleva R.A. K postroeniyu ontologicheskoi kontseptsii vlasti: teoretiko-metodologicheskii podkhod. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2000; Vol. III.; 1. Available from: <http://www.old.jourssa.ru/2000/1/05homeleva.html> (In Russ).
- [6] Zhilina V.A. Vlast': cennost' — anticennost'. *Ekonomika i politika*. 2016; 2 (8) (In Russ).
- [7] Dauling G. *Reputatsiya firmy: sozdanie, upravlenie i otsenka effektivnosti*. Moscow. Konsaltingovaya gruppy «IMIDZh-Kontakt», INFRA-M, 2003 (In Russ).
- [8] Ged T. *4D branding: vzlamyvaya korporativnyi kod setevoi praktiki*. SPb.: Izd-vo Aveline Finland Oy, 2000 (In Russ).
- [9] Kharlamov I.G. *Formirovanie reputatsii v politike i biznese: sravnitel'nyi analiz*. Avtoref. diss... kand. polit. nauk. Moscow, 2009 (In Russ).
- [10] Achkasova V.A., Korneeva K.V. Reputatsiya i imidzh vlasti. *Mediastrategii formirovaniya. Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2017; 1(97) (In Russ).
- [11] Vazhenina I.S., Vazhenin S.G. Imidzh i reputatsiya kak strategicheskie sostavlyayushchie nematerial'nykh aktivov territorii. *Ekonomika regiona*. 2010; 3 (In Russ).

- [12] Grankin N.E. Politicheskii imidzh, reputatsionnyi kapital sovremennoi Rossii: teoretiko-konseptual'nye podkhody. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. 2008; 1(6) (In Russ).
- [13] Dzyaloshinskii I.M. Kommunikativnaya priroda imidzha, reputatsii, Brenda. *PR-Liniya*. 2008; 2 (In Russ).
- [14] Eliseev A.L. Politicheskaya reputatsiya v regional'nom processe Rossijskoj Federacii: problemy formirovaniya i upravleniya. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk*. 2015; Vol. 10; 6 (In Russ).
- [15] Obuhov K.YU. Imidzh i reputatsiya kak osnova razvitiya regiona v konkurentnoj srede. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2017; 3 (In Russ).
- [16] Rzun I.G., Starkova N.O. Formirovanie modeli upravleniya brendom regiona. *Vestnik NGIEHI*. 2016; 48 (In Russ).
- [17] Rudakova A.E. Tekhnologii formirovaniya reputatsionnogo kapitala sub"ektov Rossijskoj Federatsii. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015; 1 (ch. 1). Available from: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17488> (In Russ).
- [18] Arhangel'skaya K.V. Simvolicheskaya vlast' brendov v sovremennoj sociokul'turnoj situacii. *Nauka i sovremennost'*. 2016; 48 (In Russ).
- [19] Kogan E.V. *Upravlenie reputatsiei v regional'nom politicheskom protsesse RF: na primere Chelyabinskoi oblasti*. Avtoref. diss... kand. polit. nauk. Moscow, 2013 (In Russ).
- [20] Atamanchuk G.V. Problemy povysheniya effektivnosti administrativno-pravovogo regulirovaniya gosudarstvennogo upravleniya v Rossijskoj Federatsii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26: Gosudarstvennyi audit*. 2013; 2 (In Russ).
- [21] *Ofitsial'nyi sait nauchno-issledovatel'skogo proekta «Reputatsiya regional'noi vlasti»*. Available from: <http://www.smolvlast.ru> (In Russ).

© Розанова Н.Н., 2017

Сведения об авторе:

Розанова Нина Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления факультета экономики и управления Смоленского государственного университета; e-mail: rozznina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.07.2017 г.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-403-411

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Г.А. Борщевский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
(РАНХиГС) при Президенте РФ
пр-т Вернадского, 82, 119571, Москва, Россия

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях внутренней экономической напряженности и внешнеполитического давления повышаются требования к аппарату органов власти. Политическая наука призвана выработать инструментарий, позволяющий обеспечить адекватность государственной службы потребностям современного общества. Целью статьи является изучение политических факторов трансформации института государственной службы. Используемая методология основана на принципах неинституционализма, широко используемых в современных исследованиях общественно-политических процессов.

На научную новизну претендуют такие положения исследования, как концептуализация понятия политического фактора, понимаемого как условие, влияющее на процессы в экономике и обществе, связанное с особенностями политической системы, которое подлежит наблюдению, измерению и используется для описания характеристик данного общества. Впервые предложена классификация политических факторов институциональной трансформации государственной службы, включающая выступления политических лидеров, государственное планирование, систему предписаний (политические ценности и правовые нормы), кадровую политику и механизм оценки эффективности управления.

В результате проведенного исследования предложена модель жизненного цикла реформы государственной службы и обосновано утверждение, что современные дисфункции данного института во многом объясняются неоптимальным институциональным выбором, сделанным в начале 1990-х годов. Проектирование реформ государственной службы осуществляется узким кругом политико-бюрократической элиты, что способствует длительному консервированию институционализации госслужбы в незавершенной стадии. Чем больше времени проходит с начала политического транзита в России, тем больше возрастает зависимость от предыдущего этапа развития и к тем большим политическим и социально-экономическим издержкам приводит незавершенная реформа бюрократии. Предложена программа мер по развитию института публичной службы, призванных снизить влияние неэффективной неопатримониальной бюрократии и создать условия для перехода к инклюзивным политическим институтам.

Ключевые слова: государственная служба, бюрократия, институт, реформа, гражданское общество, кадры, эффективность

ВВЕДЕНИЕ

Государственная служба является инструментом реализации государственной политики и медиатором общественных взаимодействий. В этой связи важность государственной службы как общественного института трудно переоценить. В то же время деятельность российской госслужбы пока не отвечает уровню стоя-

щих перед ней задач. Актуальность исследования вызвана тем, что сегодня в условиях внутренней экономической напряженности и внешнеполитического давления на нашу страну повышаются требования к аппарату власти. При этом наблюдается определенная стагнация реформы государственной службы. Причиной может являться недостаточное осознание политическими акторами институциональных характеристик госслужбы и факторов ее реформирования. Политическая наука призвана вооружить лидеров страны прикладным инструментарием, позволяющим обеспечить адекватность госслужбы потребностям современного общества.

Целью настоящего исследования является попытка концептуализации политических факторов трансформации института государственной службы. Подобная цель обладает признаками научной новизны, так как имеющиеся работы не раскрывают понятие политических факторов, влияющих на реформу государственной бюрократии.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

К настоящему времени в научно-политическом дискурсе присутствует несколько парадигм, описывающих особенности государственной службы как политико-административного института.

Неовеберовская парадигма основывается на постулатах классической теории рациональной бюрократии [8]. В ее основе лежит идея об относительно автономной корпорации служащих, действующих на принципах профессионализма, беспристрастности, регламентации. В современной редакции данной теории госаппарат призван обеспечивать интересы всего общества, а не какой-либо его части, что стало реакцией на критику обособленности бюрократии от общества. Полярной является парадигма государственного менеджмента (*New Public Management*), основанная на идее, что рыночные механизмы способны обеспечить высокое качество публичных услуг. Следствием данной установки является курс на разгосударствление в экономике, сближение государственной службы и коммерческого сектора [7].

К настоящему времени становится очевидным, что преобладание узкой экономической ориентации способствует замещению идеологии служения в государственном управлении суммой технологий, что приводит к снижению профессионального уровня госслужащих, престижа их службы в обществе, росту коррупции [2]. В новом тысячелетии определенные ожидания связываются с третьей парадигмой, известной как общественно-государственное управление (*Good Governance*). Она предполагает замену рыночно ориентированных квази-правительственных агентств сетевыми некоммерческими структурами. При такой модели профессиональные госслужащие призваны постепенно уступить место гражданским активистам, регулирующим производство и обмен публичными услугами [1].

Названные парадигмы соотносятся с институциональной теорией, так как проблематика государственного управления вписывается ими в общий контекст общественных изменений. С этой точки зрения теория рациональной бюрократии и государственный менеджмент в одинаковой степени отражают логику раннего

институционализма, акцентируя внимание на формальных процедурах взаимодействия государственной службы и общества.

Парадигма общественно-государственного управления в большей степени отражает установки неoinституционализма, так как построена на взаимодействии, обмене информацией и согласовании позиций всех сторон, заинтересованных в принятии того или иного решения [5]. Таким образом, реформа государственной службы происходит в пространстве политических изменений и испытывает влияние многообразных факторов.

Понятие политических факторов присутствует во многих работах [см., например: 6], однако следует констатировать отсутствие фундаментального определения данного понятия и исчерпывающей классификации политических факторов. Применительно к реформированию государственной службы, имеющиеся институциональные исследования также не раскрывают политические факторы, воздействующие на данный процесс [4]. Эти обстоятельства актуализируют целесообразность настоящего исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование базируется на методологии неoinституционализма и факторном анализе.

Методология неoinституционализма является одним из приоритетных направлений современных исследований общественно-политических процессов в мире. Зарубежные (Д. Норт, Г. Саймон, О. Уильямсон, Р. Коуз, М. Олсон, Г. Таллок) и отечественные институционалисты (А. Шастико, В. Тамбовцев, В. Полтерович, В. Гельман, С. Патрушев) разработали подходы к изучению общественных институтов в динамике и во взаимодействии с иными институтами (политические рынки). Мы применяем эти подходы при изучении институциональной трансформации государственной бюрократии.

Факторный анализ связан с применением количественных методов и еще недостаточно распространен в нашей политической науке.

Прежде всего необходимо сформулировать институциональные особенности государственной службы. Данный институт примыкает к политическим институтам, но не тождественен им. С позиций политической науки государственную службу можно рассматривать в качестве:

— элемента политической системы, обеспечивающего ее функционирование и воспроизводство механизмов государственного управления;

— набора норм, формализующих отношения внутри государственного аппарата и между этим аппаратом и обществом;

— совокупности правовых норм, органов власти и модернизационных идей, обеспечивающих посредничество между обществом и политической властью;

— властных отношений, связанных с политическим режимом, а также управленческих инструментов и результатов коммуникации, компромисса между заинтересованными группами интересов;

— совокупности норм, которые в конкретном обществе регулируют статус служащих, их взаимодействия друг с другом, с политическим руководством и обществом.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что *государственная служба — это политико-административный институт, созданный для удовлетворения потребностей в профессиональном исполнении политических решений и обеспечении повседневного контакта между обществом и институтами политической власти.*

Как известно, особенностями общественного института являются удовлетворяемая им общественная потребность, наличие общих целей, социальных норм, соответствующих им процедур, санкций и статусно-ролевой структуры [3]. С учетом сформулированного определения, можно определить:

1) в качестве удовлетворяемой госслужбой *общественной потребности* — обеспечение реализации государственной политики и повседневного контакта между обществом и политической властью;

2) в качестве *общей цели* государственные служащие, в первую очередь, руководствуются собственными интересами и интересами своего подразделения, государственного органа и государственной службы в целом, далее интересами политического руководства и лишь в последнюю очередь интересами общества. В рамках карьерной госслужбы, ориентированной на модель рациональной бюрократии, лояльность служащих поддерживается созданием для них преимуществ перед лицами, не включенными в систему. Менеджеризм и общественно-государственное управление способствуют, в свою очередь, конвергенции собственных ценностей и норм государственных служащих с ценностями общества как социального целого;

3) в качестве *институциональных норм* государственной службы выделяются ценности, приоритеты и организационно-правовые рамки. Ценности государственной службы вытекают из общественных ценностей; приоритеты задаются политическим руководством и обеспечивают выполнение госслужбой политической повестки. Организационно-правовые рамки фиксируют ценности и приоритеты в виде конкретных структур управления, юридических актов и норм. Все три элемента находятся в логической взаимосвязи, возникновение противоречия между ними совпадает с началом очередного цикла институционализации;

4) *процедуры, санкции и статусно-ролевая структура* государственной службы находятся в зависимости от господствующего политического строя и закрепляются в нормативных правовых актах. В настоящее время базовым актом в данной сфере является Федеральный закон «О системе государственной службы РФ», принятый в 2003 г. и определяющий государственную службу как обеспечивающую деятельность в аппарате органов власти и при высших должностных лицах. Прочие виды деятельности в интересах государства и общества не относятся к государственной службе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Реформа государственной службы осуществляется по инициативе политического руководства в целях адаптации существующих институциональных характеристик бюрократии для решения стоящих перед обществом глобальных задач. В обобщенном виде алгоритм планирования и реализации подобной реформы представлен на рис. 1.

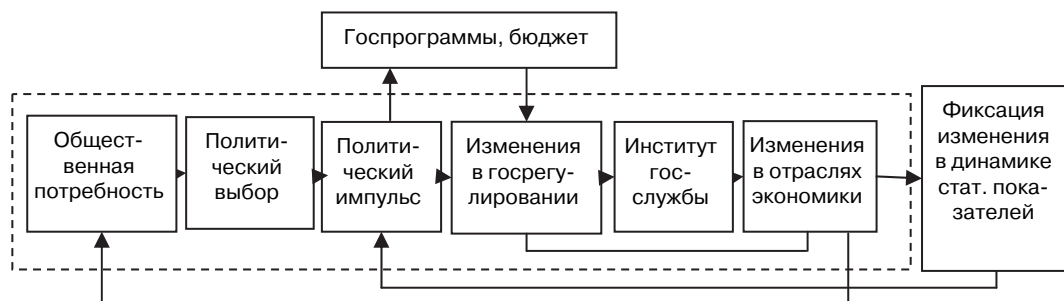

Рис. 1. Жизненный цикл реформы государственной службы

Fig. 1. Life circle of Public Service Reform

Источник: составлено автором (Note: Own figure)

Как уже отмечалось, *общественная потребность* в существовании государственной службы состоит, главным образом, в обеспечении реализации государственной политики и повседневном контакте власти с обществом. Изменение направлений политики (например, модернизация экономики) или взаимоотношений с обществом (например, расширение демократического представительства) влечет потребность в реформировании бюрократии.

Феномен *политического выбора* подробно изучается институциональной теорией. По своей природе политический выбор, как правило, имеет характер оптимизации, то есть поиска единственного решения в множественности альтернатив и ограничений. В новейшей истории России институциональный выбор параметров государственной службы был связан с политическим транзитом 1990-х гг. Ключевой целью на начальном этапе реформ была департизация аппарата и ограничение возможности влияния на него со стороны оппозиционных сил. Далее была осуществлена профессионализация кадрового состава госслужащих и обеспечена их лояльность путем введения дополнительных гарантий. По существу, выбор был между построением открытой госслужбы, охватывающей весь публичный сектор, и закрытой системы, ограниченной штатный персоналом органов власти. Выбор второй альтернативы был сделан, главным образом, под давлением со стороны влиятельной административной элиты, следствием чего стала консервация неэффективных форм бюрократии, препятствующих необходимым изменениям в экономике и социальной сфере страны.

Политический импульс реформы состоит в формализации политического выбора и его обнародовании в форме публичных выступлений политического руководства и в стратегических документах (концепциях, стратегиях, законах, программных указах). Ответственность за политический выбор лежит на главе государства, который определяет цели государственной политики. На основании этих целей разрабатываются отраслевые стратегии, обосновываются долгосрочные приоритеты и лимиты расходов по каждому приоритету. Стратегические решения структурируются в *государственных программах*. Программный подход оправдывает себя там, где в реализацию поставленных целей вовлечены несколько ведомств.

Изменения в государственном регулировании включают издание подзаконных правовых актов во исполнение принятых на политическом уровне стратегических решений. Сделанный институциональный выбор определяет содержание изменений институциональных норм — процедур, санкций и статусно-ролевой структуры института бюрократии. В случаях, когда институциональный выбор основывается на четкой стратегии, ценности и приоритеты легче сформулировать, так как ясен вектор изменений. В условиях российской реформы государственной службы выбор осуществлялся спонтанно, и вследствие этого формирование новых институциональных норм происходило ощупью. В силу ограниченности ресурсов власть могла проводить лишь «очаговую» стратегию реформы в виде отдельных технократических изменений. В результате эти изменения — внедрение информационных технологий, оптимизация численности кадров, эксперименты по внедрению оплаты чиновников в соответствии с результатами труда, проектное управление — не сопровождались изменением системы норм и ценностей госслужащих.

Как видно на рисунке, институт государственной службы выступает объектом изменений, так как на него направлены политические импульсы реформирования. Но, вместе с тем, он одновременно является и субъектом изменений, так как именно посредством института госслужбы власть реализует свои инициативы. Если удастся обеспечить лояльность и управляемость бюрократии, политическая элита может провести в жизнь принятые законы и реализовать запланированные изменения в экономике и социальной сфере. По умолчанию предполагается, что этот процесс должен происходить автоматически. Однако в реальности в условиях сильного давления на политическую элиту со стороны групп интересов изнутри бюрократического аппарата, цели реформы могут подменяться внутренними интересами бюрократии, и реформа приобретает имитационный характер.

В современных развитых странах активно применяются инструменты количественной оценки результатов государственного управления (*evidence-based management*), в том числе с использованием «больших данных» — динамических массивов статистических показателей. В России данные механизмы начинают внедряться, но не сверху, а снизу — на муниципальном и региональном уровне. Для оценки деятельности федеральной власти подобных механизмов пока не создано. Кроме того, показатели внешнего результата, характеризующие влияние органов управления на процессы в экономике и обществе, не используются для оценки эффективности деятельности политиков и чиновников. По внутренним изменениям в аппарате госслужбы нельзя судить об эффективности ее реформирования. Предмет деятельности госслужбы состоит в обеспечении реализации государственной политики. Сделать вывод о направлении общественного развития можно на основании *динамики социально-экономических показателей*.

Как видно на рисунке, реальные изменения в жизни общества приводят к изменению общественных потребностей, возникновению новых запросов общества к власти и изменениям в политической повестке. Это влечет новый политический выбор, новые импульсы для проведения реформ и очередные правовые и организационные изменения. Таким образом, предложенная модель содержит логически замкнутый цикл реформирования бюрократии.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В рамках проведенного исследования предложено определять государственную службу в политической науке как связанный с существующим политическим режимом политико-административный институт, призванный удовлетворять общественную потребность в реализации государственной политики и повседневном контакте общества с институтами политической власти.

На развитие данного института влияют разнообразные факторы. Мы предлагаем определять *политический фактор* как условие, влияющее на процессы в экономике и обществе, связанное с особенностями политической системы, которое подлежит наблюдению, измерению и используется для описания характеристик данного общества.

Набор политических факторов, влияющих на развитие государственной службы, следует из разработанной модели жизненного цикла реформ бюрократии. Мы предлагаем следующую *классификацию политических факторов* институциональной трансформации государственной службы:

- 1) программа политических лидеров,
- 2) государственное планирование,
- 3) система предписаний (политические ценности и правовые нормы),
- 4) кадровая политика,
- 5) механизм оценки эффективности управления.

На наш взгляд, данная классификация учитывает ключевые факторы политического воздействия на бюрократию и содержит в себе эвристический потенциал для оценки политической эффективности реализуемых реформ.

К настоящему времени сложился огромный комплекс правовых актов по вопросам государственной службы, что указывает на приоритетность данного института для законодателя. Однако вопросы о цели и смысле существования института, о том, какими характеристиками должен обладать современный госслужащий, не поднимаются ни в правовом, ни общественно-политическом дискурсе. Неоптимальный институциональный выбор 1990-х гг. проявляется сегодня во фрагментации институциональных норм. Парадокс постсоветской институционализации заключается в том, что, с одной стороны, для государственной службы установлен особый правовой режим, а с другой — ценности, приоритеты развития и система этических регуляторов поведения в этой влиятельной корпорации внятно не определены.

Чем больше времени проходит с начала политического транзита, тем больше возрастает зависимость от предыдущего этапа развития и к тем большим политическим и социально-экономическим издержкам приводит незавершенная реформа бюрократии. Акторам реформы следует рассмотреть возможность расширения границ службы, сближение ее с трудовой деятельностью в бюджетном секторе и местным самоуправлением. Этим будут уничтожены искусственные перегородки между различными видами деятельности по обеспечению общественного интереса, установлена связь между деятельностью органов государства

и развитием общества. Предлагаемые изменения направлены на повышение открытости государственной службы, ее адаптацию к изменяющимся потребностям российского общества и политическим изменениям, завершение этапа институционализации государственной службы в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Барбашиев А.Г.* Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного муниципального управления. 2016. № 3. С. 163—194.
- [2] *Гаман-Голутвина О.В.* Мировой опыт реформирования систем государственного управления // Вестник МГИМО. 2013. № 4. С. 187—194.
- [3] *Гельман В.Я.* Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатриониализма. СПб.: Европейский ун-т, 2015. 59 с.
- [4] *Слатинов В.Б.* Реформирование государственной службы в России: институциональные эффекты и ловушки // Россия и современный мир. 2012. № 1. С. 79—90.
- [5] *Шастико А.Е.* О методологии институциональных исследований // Вопросы экономики. 2016. № 8. С. 96—120.
- [6] *Шульман Е.М.* Политические условия и факторы трансформации законотворческого процесса в современной России: дис. ... к.п.н. М., 2013.
- [7] *Drechsler W.* The Rise and Demise of the New Public Management // Post-autistic Economics Review. 2005. Is. 33. P. 17—28.
- [8] *Lynn L.Jr.* What is a Neo-Weberian State? Reflections on a Concept and Its Implications // NISPAcee Journal of Public Administration and Policy. 2008 Vol. I. № 2. P. 17—37.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-403-411

POLITICAL FACTORS OF INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN PUBLIC SERVICE

G.A. Borshevskiy

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA)
82 Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russia

Abstract. We define the civil service as a political and administrative institution established to meet the needs in the professional performance of political decisions and providing the daily contact between the society and the political power. The definition of civil service in the Russian legislation is not fit the features of public institution, that is why the institutionalization of the civil service in post-Soviet Russia face difficulties. We see ways to overcome this contradiction, which include the improvement of legislation and implementation to the strategic documents the goals, objectives and performance criteria of civil service institution-building. This goals and objectives should orientate the civil servants to ensure economic growth and improving the quality of citizen's life. The architecture of the civil service institution was offered, including the legal, institutional and human components. We identified the institutional characteristics and location of this institution in the environment of society. The algorithm of civil service institutional change was clarified, which includes elements such as institutional selection, the definition of institutional norms and institutional effects. The requirements for the assessment of institutional effectiveness were formulated. We proved the necessity to describe the driving forces of civil service development

not only by external influences, but also its internal environment. The comparison of this set of statistics with indicators of internal development of the civil service allows concluding about the correlation between the civil service performance on different stages of its institutional transformation and attainment the priorities of the economy and society.

Key words: institute, civil service, institutionalization, institutional transformation, reforming, efficiency

REFERENCES

- [1] Barabashev A.G. Krizis gosudarstvennogo upravlenija i ego vlijanie na osnovnye administrativnye paradigmy gosudarstva i bjurokratii. *Voprosy gosudarstvennogo municipal'nogo upravlenija*. 2016; 3. S. 163—194 (in Russ).
- [2] Gaman-Golutvina O.V. Mirovoj opyt reformirovanija sistem gosudarstvennogo upravlenija. *Vestnik MGIMO*. 2013; 4. S. 187—194 (in Russ).
- [3] Gel'man V.Ja. *Modernizacija, instituty i «porochnyj krug» postsovetskogo neopatrimonializma*. SPb.: Evropejskij un-t, 2015. 59 s. (in Russ).
- [4] Slatinov V.B. Reformirovanie gosudarstvennoj sluzhby v Rossii: institucional'nye jeffekty i lovushki. *Rossija i sovremennyy mir*. 2012; 1. S. 79—90 (in Russ).
- [5] Shastiko A.E. O metodologii institucional'nyh issledovanij. *Voprosy jekonomiki*. 2016; 8. S. 96—120 (in Russ).
- [6] Shul'man E.M. *Politicheskie uslovija i faktory transformacii zakonotvorcheskogo processa v sovremennoj Rossii*: dis. ... k.p.n. Moscow, 2013 (in Russ).
- [7] Drechsler W. The Rise and Demise of the New Public Management. *Post-autistic Economics Review*. 2005; 33. P. 17—28.
- [8] Lynn L.Jr. What is a Neo-Weberian State? Reflections on a Concept and Its Implications. *NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*. 2008; Vol. I; 2. P. 17—37.

© Г.А. Боршевский, 2017

Сведения об авторе:

Борщевский Георгий Александрович — кандидат исторических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ. E-mail: ga.borshchevskiy@migsu.ranepa.ru

Information about the author:

Georgiy Aleksandrovich Borshhevskiy — Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Civil Service and Personnel Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa). E-mail: ga.borshchevskiy@migsu.ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 10.06.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-412-420

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОЛИТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ 1993 ГОДА В РОССИИ

И.М. Поняев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, 119991, Москва, Российская Федерация

В работе представлен анализ динамики научных публикаций, посвященных проблеме кризиса 1993 года в России. Актуальность исследования обусловлена тем, что автор выявляет тенденции развития современной науки в России, специфицируя их как по характеру исследований, так и по подходам к исследованию одного и того же вопроса. Целью исследования является анализ изменений представлений о политическом кризисе 1993 года в российской науке. Материалами исследования является совокупность научных публикаций, изданных на русском языке на территории России с 1993 года, собранных на основе данных Российской государственной библиотеки, российского индекса научного цитирования, информационных порталов elibrary.ru и cyberleninka.ru. Статьи были классифицированы по нескольким категориям, в зависимости от оценки анализируемых политических событий и от тематики исследования. Кроме того, они были распределены по временным периодам. В исследовании использован корреляционный анализ для выявления тенденций научных публикаций, посвященных кризису 1993 года. К основным результатам исследования относится то, что количество положительных, нейтральных и отрицательных статей существенно зависит от времени, прошедшего с 1993 года. Со временем, совокупное количество российских научных публикаций, посвященных кризису 1993 года, возрастает. Одновременно сокращается количество и доля научных работ, оценивающих результаты кризиса положительно, и возрастают аналогичные показатели для публикаций, дающих негативную оценку. Доля нейтральных статей имеет отрицательную зависимость от времени, прошедшего с 1993 года. Таким образом, можно утверждать, что данная тенденция будет сохраняться и в будущем. Количество политологических статей общего характера, посвященных проблеме кризиса 1993 года, и статей связанных научных направлений, посвященных данной проблеме, постепенно возрастает. При этом наиболее сильная зависимость была выявлена между долей политологических тематических публикаций, связанных с отдельными событиями политического кризиса 1993 года и их последствиями, и временным периодом.

Ключевые слова: кризис 1993 года, политический кризис, Россия, научные публикации, динамика публикаций

ВВЕДЕНИЕ

Политический кризис, кульминацией которого был указ Б.Н. Ельцина № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года, до сих пор остается актуальной темой в российской науке. Несмотря на то, что с того времени прошло более двадцати лет, количество научных публикаций, посвященных данной проблеме, ежегодно возрастает. Анализировать политический кризис 1993 года следует в контексте с рядом предшествовавших ему событий, начиная с избрания Б.Н. Ельцина на должность председателя Верховного Совета РСФСР 29 мая 1990 года, а в дальнейшем на должность президента РСФСР 12 июня 1991 года. В основе политического противостояния 1993 года был конфликт между президентом и парламентом [1]. Ранее в 1991—1992 годах, парламент РСФСР передал Б.Н. Ельцину полномочия на издание нормативных

документов, указов, которые по юридической силе были приравнены к закону, что привело к абсолютизации его власти в 1992—1993 годах. По сути, такие полномочия породили ситуацию двоевластия, которая в дальнейшем переросла в острый политический конфликт [2].

Анализ литературы показал, что политический кризис 1993 года рассматривается с разных позиций (См.: [3—5]). Часть исследователей придерживаются мнения, что в сентябре—октябре 1993 года группой людей, поддерживавших президента, был осуществлен силовой захват власти в стране. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой парламент пытался использовать силовые методы, переведя конфликт из сугубо политического в военизированный. В российской политической науке продолжается дискуссия о легитимности действий как президента, так и парламента, а также остальных вовлеченных в конфликт сторон, включая Конституционный Суд страны.

ПРЕДМЕТ И ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом исследования данной статьи является динамика оценок российскими учеными политического кризиса 1993 года и связанных с ним событий. Оценки, даваемые в различных научных публикациях, начиная с 1993 года по настоящий момент, существенно разнятся как по доказательной базе, направлению исследований, так и по полученным результатам. Основной гипотезой исследования является то, что оценки, даваемые различными учеными политическим событиям 1993 года, во многом определяются временем. В частности, в один период времени оценки более позитивны, в то время как в другой — более негативны. Кроме того, от времени зависит и направленность научных изысканий. Так, в один период времени преобладали политологические статьи, анализирующие совокупность событий того времени, не вдаваясь в какую-либо более узкую тематику, в другой — посвященные отдельным аспектам политического кризиса 1993 года или же его последствиям, а в третий — статьи смежных специальностей, в частности экономические и социологические [6; 7].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве базы исследования была выбрана совокупность научных публикаций, изданных на русском языке на территории России. Данная совокупность включает в себя научные статьи, статьи, опубликованные в сборниках трудов конференций, и авторефераты диссертаций. Диссертации не включены в данный перечень, поскольку отражают ту же позицию автора, что и автореферат. Включение и диссертации, и автореферата приведет к дублированию работ, учитываемых в различных категориях. В собранный массив данных не включаются статьи, в которых тематика политического кризиса 1993 года и его последствий не является основной [8].

Распределение статей по различным категориям детерминировано гипотезой данного исследования. В частности, автор выделяет три категории по характеру оценки результатов и сформулированных на их основе прогнозов, представленных в научных исследованиях, посвященных кризису 1993 года: позитивные, нейтральные и негативные.

Распределение по категориям в зависимости от направленности статьи осуществлялось следующим образом. В первую группу были выделены политологические статьи соответствующего шифра согласно классификатору ВАК, посвященные проблеме кризиса 1993 года, анализирующие совокупность событий того времени, не вдаваясь в какую-либо более узкую тематику (в дальнейшем они обозначены как «публикации общей тематики»); во вторую группу — статьи с тем же шифром, тематика которых направлена на исследование отдельного аспекта кризиса 1993 года или же его последствий (в дальнейшем обозначены как «тематические публикации») [9]. К примеру, ко второй категории относятся статьи, направленные на исследование принятия конституции в России. В третью категорию относятся статьи, шифр специальности которых, в соответствии с классификатором ВАК, отличается от политологии, тем не менее, сами работы, посвящены кризису 1993 года и его последствиям (в дальнейшем обозначены как «связанные публикации») [10].

В качестве базы для сбора информации о научных публикациях, посвященных кризису 1993 года, были использованы данные Российской государственной библиотеки, российского индекса научного цитирования, информационных порталов elibrary.ru и cyberleninka.ru. Собранный массив данных был обработан с помощью корреляционного анализа. В связи с тем, что плотность данных в период с 1993 по 2005 года оказалась невысокой, а именно менее 3 научных публикаций за год, данные были разделены на 12 периодов по два года: 1993—1994, 1995—1996 и т.д.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате проведенного исследования автором были собраны данные по научным публикациям, по-разному, оценивающим кризис 1993 года. Собранные данные приведены в табл. 1. В столбцах расположены временные периоды, а также количество статей за указанные периоды с различной оценкой результатов политического кризиса 1993 года и сформулированных на их основе прогнозов, согласно методике исследования.

Таблица 1

Количество российских научных публикаций с различной оценкой результатов политического кризиса 1993 года и сформулированных на их основе прогнозов

Временной период	Позитивный	Нейтральный	Негативный	Общее количество
1993—1994	2	4	0	6
1995—1996	1	3	0	4
1997—1998	3	2	1	6
1999—2000	0	3	1	4
2001—2002	2	3	2	7
2003—2004	1	4	2	7
2005—2006	4	8	2	14
2007—2008	8	8	4	20
2009—2010	2	6	8	16
2011—2012	4	18	14	36
2013—2014	4	18	26	48
2015—2016	0	10	24	34

**The number of the Russian scientific publications
with different evaluations of the results of the political crisis of 1993**

Time series	Positive publications, number	Neutral publications, number	Negative publications, number	Total number
1993—1994	2	4	0	6
1995—1996	1	3	0	4
1997—1998	3	2	1	6
1999—2000	0	3	1	4
2001—2002	2	3	2	7
2003—2004	1	4	2	7
2005—2006	4	8	2	14
2007—2008	8	8	4	20
2009—2010	2	6	8	16
2011—2012	4	18	14	36
2013—2014	4	18	26	48
2015—2016	0	10	24	34

Из данных, приведенных в табл. 1, становится очевидно, что наибольшую позитивную оценку политический кризис 1993 года получил в 2005—2008 годах, а также 2011—2014. Иными словами, перед всемирным экономическим кризисом 2008 года, когда Россия развивалась очень интенсивно и все показатели политической, экономической и социальной динамики были положительными, а также в период между мировым экономическим кризисом и падением курса рубля в конце 2014 года. При этом, несмотря на существенную политическую стабильность в период с 2000 по 2005 год, не отмечалось значимого роста числа публикаций, дающих положительную оценку кризису 1993 года.

Наибольшее количество нейтральных публикаций пришлось на 2011—2014 годы. Иными словами, пережив ряд кризисов, как политического, так и экономического характера, российские ученые вернулись к политическим событиям 1993 года, являвшимся, по сути, отправной точкой современной демократии и политического режима в России. Доля нейтральных статей по анализируемой тематике в любой период времени составляет более 25%, а во все периоды, кроме 2015—2016 года — более 33%. Таким образом, можно утверждать, что политическим событиям 1993 года в российской науке, в первую очередь, дается нейтральная оценка.

Наибольшее количество негативных публикаций было опубликовано в 2013—2016 годах, при этом данный показатель продемонстрировал устойчивый рост начиная с 2009 года. Таким образом, первоначальная волна негативных научных публикаций во многом была связана как со всемирным экономическим кризисом 2008 года, и его негативными последствиями для России, так и с дальнейшим нарастанием политического, экономического и социального напряжения в России.

Корреляционный анализ, сопоставляющий данные, приведенные в табл. 1, с временными периодами, показывает, что зависимость между количеством положительных статей и временным периодом является слабо положительной. Иными словами, со временем, прошедшим с 1993 года, количество научных публикаций, посвященных данной проблеме, растет. Однако выявленный рост невозможно

классифицировать как стабильный. В то время, как при аналогичном анализе для долей научных публикаций каждой категории, было выявлено, что доля положительных статей, посвященных кризису 1993 года, со временем стабильно снижается.

Аналогичные показатели для статей с нейтральной оценкой политических событий 1993 года оказались существенными положительными для общего количества статей и аналогичными, но отрицательными для их доли. Иными словами, количество нейтральных публикаций, посвященных тематике политического кризиса 1993 года, со временем растет, однако их доля в общем объеме публикаций сокращается, в то время как публикации негативного характера демонстрируют положительную зависимость абсолютного и относительный прироста от времени, прошедшего с 1993 года.

Данные, отражающие количество научных публикаций по различным направлениям, связанным с проблематикой кризиса 1993 года, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Количество российских научных публикаций по различным направлениям исследования, связанным с проблемой кризиса 1993 года

Временной период	Публикации общей тематики	Тематические публикации	Связанные публикации	Общее количество
1993—1994	2	2	2	6
1995—1996	1	1	2	4
1997—1998	2	2	1	5
1999—2000	1	2	1	4
2001—2002	2	2	3	7
2003—2004	3	3	1	7
2005—2006	4	7	3	14
2007—2008	5	9	5	19
2009—2010	4	7	5	16
2011—2012	8	16	12	36
2013—2014	12	24	12	48
2015—2016	9	15	10	34

Table 2

The number of the Russian scientific publications in different fields, dedicated to the political crisis of 1993

Time series	Common political publications	Specific political publications	Related publications	Total number
1993—1994	2	2	2	6
1995—1996	1	1	2	4
1997—1998	2	2	1	5
1999—2000	1	2	1	4
2001—2002	2	2	3	7
2003—2004	3	3	1	7
2005—2006	4	7	3	14
2007—2008	5	9	5	19
2009—2010	4	7	5	16
2011—2012	8	16	12	36
2013—2014	12	24	12	48
2015—2016	9	15	10	34

Из данных, приведенных в табл. 2, становится очевидно, что в большей мере растет количество политологических публикаций, тематика которых направлена на исследование отдельных аспектов кризиса 1993 года или же его последствий.

В то время как количество политологических статей соответствующего шифра, посвященных проблеме кризиса 1993 года, анализирующих совокупность событий того времени, не вдаваясь в какую-либо более узкую тематику, и статей, шифр специальности которых, отличается от политологии, хотя сами работы посвящены кризису 1993 года и его последствиям, постепенно возрастает. Наибольший исследовательский интерес в связи с динамикой публикаций, согласно табл. 2, представляет собой корреляция между долями публикаций каждой категории и соответствующим временным периодом. Так, доля публикаций общей тематики в целом отрицательно зависит от времени, прошедшего с 1993 года, в то время как доля связанных публикаций слабо связана с данным показателем. Наиболее сильная зависимость была выявлена между долей тематических публикаций и временным периодом. В частности, со временем существенно увеличивается доля узконаправленных политологических публикаций, связанных с кризисом 1993 года, что свидетельствует о том, что исследование данной проблемы развивается вширь, специфицируя различные связанные с ней аспекты.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Многие исследователи полагают, что основная проблематика политического кризиса 1993 года заключается в отсутствии легитимности действий различных политических субъектов. Тем не менее, необходимо понимать, что любой режимный политический кризис, в котором стороны преследуют противоположные интересы, сопровождается односторонней «законностью» насилия, как бы позволяющей действующей власти использовать силовые методы для сохранения своих позиций [11]. Политический кризис 1993 года не стал исключением.

Тем не менее, невозможно согласиться с авторами, рассматривающими политический кризис 1993 года только с одной позиции, правомерности/неправомерности действий, позитивных или негативных результатов исследуемых событий [12; 13]. Одним из важнейших результатов данной статьи является то, что в зависимости от времени меняется не только оценка результатов политического кризиса 1993 года, но вектор их исследования. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в дальнейшем будут пересмотрены все выделяемые на данный момент положительные и отрицательные результаты обсуждаемого политического события.

Можно выдвинуть несколько предположений относительно динамики, обнаруженной в результате данного исследования. В частности, временное отдаление от событий может в целом предлагать их негативную оценку, поскольку проблемы, предшествующие кризисам, забываются как неактуальные, в связи с чем сам период глобальных структурных преобразований в обществе теряет свою значимость, поскольку современный порядок вещей воспринимается как естественный, а не как социальное благо, ради которого в прошлом необходимо было бороться [14]. Кроме того, людям, включая ученых, свойственно искать источник современных проблем в прошлом. Таким образом, любая негативная ситуация в настоящем поощряет исследование предыдущих переломных моментов истории, детерминируя ими текущую проблематику [15].

Тем не менее, важнейшим результатом данного исследования является выявление тенденции расширения политологических исследований, связанных с проблемой кризиса 1993 года и его отдельных аспектов и последствий [16]. Данное расширение указывает на то, что сама по себе политологическая наука в большей мере начинает мыслить вширь, анализируя события 1993 года более многогранно, а значит, и с прикладным применением для различных отраслей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение необходимо еще раз кратко сформулировать ключевые результаты, полученные в данной статье. Во-первых, количество положительных, нейтральных и отрицательных статей существенно зависит от времени, прошедшего с 1993 года. Со временем, совокупное количество российских научных публикаций, посвященных кризису 1993 года, возрастает. При этом сокращается количество и доля научных работ, оценивающих результаты кризиса положительно, и возрастают аналогичные показатели для публикаций, дающих негативную оценку. Во-вторых, доля нейтральных статей имеет отрицательную зависимость от времени, прошедшего с 1993 года. Таким образом, можно утверждать, что данная тенденция будет сохраняться и в будущем. В-третьих, количество политологических статей общего характера, посвященных проблеме кризиса 1993 года, и статей связанных научных направлений, посвященных данной проблеме, постепенно возрастает. При этом наиболее сильная зависимость была выявлена между долей политологических тематических публикаций, связанных с отдельными событиями политического кризиса 1993 года и их последствиями, и временным периодом. В частности, со временем существенно увеличилась доля узконаправленных политологических публикаций, связанных с событиями 1993 года, что свидетельствует о том, что исследование данной проблемы развивается вширь, специфицируя различные связанные с ней аспекты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Шереметьева Л.Н.* 1993 год: конфликт центральных властей и его отражение в регионах России // Журнал «Конфликтология». 2013. Том 1. С. 53.
- [2] *Кашишцев Н.П.* Мониторинг перемен: основные тенденции // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. № 2. С. 4.
- [3] *Sharon R.W.* Is Russia Too Unique to Learn From Abroad? Elite Views on Foreign Borrowing and the West, 1993—2012 // *Comparative Politics Russia*. 2016. Vol. 7(22). P. 31—40.
- [4] *Whitefield S.* Russian Citizens and Russian Democracy: Perceptions of State Governance and Democratic Practice, 1993—2007 // *Post-Soviet Affairs*. 2009. Vol. 25 (2). P. 93—117.
- [5] *Perepechko A.S., ZumBrunnen C., Kolossov V.A.* Organization and institutionalization of Russia's political parties in 1905—1917 and 1993—2007: Similarities and differences from two occidental periods // *Party Policies*. 2011. Vol. 17 (5). P. 581—609.
- [6] *Henderson J.* The Russian Constitutional Court and the Communist Party case: Watershed or whitewash? // *Communist and Post-Communist Studies*. 2007. Vol. 40 (1). P. 1—16.
- [7] *Baudoin M.E.* Is the constitutional court the last bastion in Russia against the threat of authoritarianism? // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58 (5). P. 679—699.
- [8] *Kryshchanovskaya O., White S.* The rise of the Russian business elite // *Communist and Post-Communist Studies*. 2005. Vol. 38 (3). P. 293—307.

- [9] *Kunicova J., Remington T.R.* Mandates, parties and dissent — Effect of electoral rules on parliamentary party cohesion in the Russian State Duma, 1994—2003 // *Party Politics*. 2008. Vol. 14 (5). P. 555—574.
- [10] *Chaisty P., Schleiter P.* Productive but not valued: The Russian State Duma, 1994—2001 // *Europe-Asia Studies*. 2002. Vol. 54 (5). P. 701—724.
- [11] *Бобылев Б.В.* Отношение россиян к социально-политическим конфликтам в контексте формирования модели «суверенной демократии» // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2007. Т. 7. № 1. С. 100—105.
- [12] *Кыдыралиев М.* Основные причины и следствия политического кризиса 1993 г. в России // *Вестник Исык-Кульского университета*. 2005. № 13. С. 87.
- [13] *Макаров О.В.* Политический кризис 1993 года в России и гражданско-правовое регулирование общественных отношений // *Территория науки*. 2014. № 1. С. 153—159.
- [14] *Чувашова Н.И.* Октябрь 1993 года: противоречивость оценок и выводов // *Власть*. 2013. № 8. С. 125—128.
- [15] *Калинина М.А.* Состояние демократического движения Западной Сибири в период избирательной кампании в первую государственную думу РФ 1993 года // *Омский научный вестник*. 2012. № 2 (106). С. 25—28.
- [16] *Любимов А.П.* 20 лет конституции РФ // *Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. 2013. № 7—8 (126—127). С. 14—17.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-412-420

DYNAMICS OF SCIENTIFIC VIEWS ON THE POLITICAL CRISIS OF 1993 IN RUSSIA

I.M. Ponyaev

Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory str. 1, 119991, Moscow, Russia

Abstract. The article is dedicated to the dynamics of the scientific views on the political crisis of 1993 in Russia. The study is significant due to the found tendencies of development in modern Russian science. The scientific articles in the research were classified in several categories by the character and the approach in studying of the same scientific issue. The aim of the study is the analysis of the scientific view changes on political crisis of 1993. Materials of the study represent the set of scientific works that have been published in Russian in Russia since 1993. The papers were collected on the basis of the Russian State Library, Russian science index, information platforms elibrary.ru and cyberleninka.ru. The articles were classified in several categories according to the evaluations of those political events and to the particular topicality of the researches. Moreover, they were separated in several time series. Correlation analysis was the main mathematical method of the research. In the result, it was found that the number of the positive, neutral, and negative publications depends on time serious significantly. The closer to the current moment the more scientific papers dedicated to the political crisis of 1993 have been published. The number and percent of the positive articles have reduced substantially and, simultaneously, the same measures for the negative articles have risen. The percent of the neutral articles was negatively correlated with the time period since the year 1993. These tendencies will be continued in the future. The number of the common political publications dedicated to the crisis of 1993 and the one of the publications on the same topic in the related scientific fields has gradually grown. However the most important interdependence was found between the specific political publications and the time period since the year 1993.

Key words: crisis of 1993, political crisis, Russia, scientific publications, publication dynamics

REFERENCES

- [1] Sheremetyeva L.N. 1993: the conflict of the Central government and its reflection in the regions of Russia. *Journal "Conflict studies"*. 2013; 1. P. 53 (In Russ).
- [2] Kashintsev N.P. Monitoring of changes: main trends. *Economic and social changes: public opinion monitoring*. 1996; 2. P. 4 (In Russ).
- [3] Sharon R.W. Russia Is Too Unique to Learn From Abroad? Elite Views on Foreign Borrowing and the West, 1993—2012. *Comparative Politics Russia*. 2016; 7(22). P. 31—40.
- [4] Whitefield S. Russian Citizens and Russian Democracy: Perceptions of State Governance and Democratic Practice, 1993—2007. *Post-Soviet Affairs*. 2009; 25. P. 93—117.
- [5] Perepechko A.S., ZumBrunnen C., Kolosov V.A. Organization and institutionalization of Russia's political parties in 1905—1917 and 1993—2007: Similarities and differences from two occidental periods. *Party Policies*. 2011; 17(5). P. 581—609.
- [6] Henderson J. The Russian Constitutional Court and the Communist Party case: Watershed or whitewash? *Communist and Post-Communist Studies*. 2007; 40(1). P. 1—16.
- [7] Baudoin M.E. The constitutional court Is the last bastion in Russia against the threat of authoritarianism? *Europe-Asia Studies*. 2006; 58(5). P. 679—699.
- [8] Kryshtanovskaya O., White S. The rise of The Russian business elite. *Communist and Post-Communist Studies*. 2005; 38(3). P. 293—307.
- [9] Kunicova J., Remington T. R. Mandates, parties and dissent — Effect of electoral rules on parliamentary party cohesion in the Russian State Duma, 1994—2003. *Party Politics*. 2008; 14(5). P. 555—574.
- [10] Chaisty P., Schleiter P. Productive but not valued: The Russian State Duma, 1994—2001. *Europe-Asia Studies*. 2002; 54(5). P. 701—724.
- [11] Bobylev B.V. The Attitude of Russians to the political and social conflicts in the context of forming the model of "sovereign democracy". *Herald of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science*. 2007; 7(1). P. 100—105 (In Russ).
- [12] Kydyraliev M. The Main causes and consequences of the political crisis of 1993 in Russia. *Bulletin of Issyk-Kul University*. 2005; 13. P. 87 (In Russ).
- [13] Makarov O.V. The Political crisis of 1993 in Russia and civil-legal regulation of public relations. *Territory of science*. 2014; 1. P. 153—159 (In Russ).
- [14] Chuvashova N.I. October 1993: the inconsistency of the assessments and conclusions. *Power*. 2013; 8. P. 125—128 (In Russ).
- [15] Kalinin M.A. The State of democratic movement of Western Siberia in the period of the election campaign in the first state Duma of the Russian Federation 1993. *Omsk scientific Bulletin*. 2012; 2(106). P. 25—28 (In Russ).
- [16] Lyubimov A.P. 20 years of the Constitution of the Russian Federation. *Representative power — XXI century: legislation, comments, problems*. 2013; 7—8(126—127). P. 14—17 (In Russ).

© И.М. Поняев, 2017

Сведения об авторе:

Поняев Иван Михайлович — аспирант кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: iponyaev@yandex.ru

Information about the author:

Ivan M. Ponyaev — postgraduate student of the Department of History of Social Movements and Political Parties, Lomonosov Moscow State University; e-mail: iponyaev@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 09.09.2017.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-421-424

ФЕНОМЕН 한류 (1) КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

В.И. Ким

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья носит обзорный характер и посвящена феномену Корейской волны. Данный термин относится к инструментарию «мягкой силы», которая приобретает все большее значение в мировой политической практике. В статье раскрываются базисные факторы, обуславливающие успех внешней политики Республики Кореи в построении привлекательного образа своей страны. Выделяется понятие государственного ребрендинга сопряженного с успешной модернизацией экономики и вестернизацией культуры.

Ключевые слова: мягкая сила, корейская волна, внешнеполитическое влияние, государственный ребрендинг

Изучение «мягкой силы» приобретает все большее значение как в отечественной, так и мировой науке. Заложённая Дж. Наем концепция и понятийный аппарат прочно вошли в научный лексикон мирового сообщества. В одном из последних исследований по вопросу «мягкой силы» указывается, что «мягкая сила становится сегодня для многих стран ключевым инструментом влияния на политический процесс в странах, представляющих для них интерес, поскольку политический процесс позволяет сформировать именно то правительство и общественное мнение, которые будут способствовать реализации национальных интересов как традиционных, так и новых глобальных игроков» [3. С. 43].

В связи с новыми вызовами современной геополитики (в совокупности с глобальным увеличением роли Азиатско-Тихоокеанского региона) требуется углубленное изучение, а также переосмысление всего Восточного направления отечественной политической науки. Вопрос безопасности Корейского полуострова является ключевой проблемой Северо-Восточной Азии и одной из важнейших геополитических проблем Азиатско-Тихоокеанского региона в целом (наряду с проблемой статуса Тайваня, Южно-Китайского моря, а также связанного с АТР индо-пакистанским противостоянием).

Прошедшие с распада социалистического блока годы радикально изменили баланс и расстановку сил на Корейском полуострове и вокруг него. Причем как между основными антагонистами КНДР—РК, так и участниками, ныне почивших в бозе, Шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР. Долгие годы проблема находилась в замороженном состоянии, однако на данный момент (со времени вступления в полномочия Президента Дональда Трампа) ситуация перешла в нестабильное состояние. В связи с этим помимо классических атрибутов «жесткой силы» особое внимание стоит обратить на инструментарий «мягкой силы», применяемый основными участниками противостояния (КНДР и РК), и те исследования, которые ей посвящены в отечественной науке. При этом стоит отметить, что в данной статье речь будет идти о феномене «The Korean Wave» — южнокорейском варианте реализации «мягкой силы».

Дж. Най еще в 2009 г. дал такую характеристику данному явлению: «...в конце 1990-х годов наблюдалась „Халлю“ или „корейская волна“ — растущая популярность всего корейского: от моды и фильмов до музыки и кухни. ... В результате Южная Корея начинает проектировать внешнюю политику, которая позволит ей играть более важную роль в международных институтах и сетях, необходимых для глобального управления» [4].

При этом необходимо отметить такой фактор — к концу «холодной войны» образ Республики Корея был немногим лучше, чем у ее северного соседа. Экстраполируя введенное В.Г. Ивановым понятие «потенциальная мягкая сила» [3], можно сделать вывод, что образ Республики Корея — ненамного лучший, чем у КНДР к концу 1980-х гг., начиная с Сеульской олимпиады 1988 года, стремительно изменился. Республика Корея реализовала потенциал своей «мягкой силой», сумев добавить значительных успехов в области классической модернизации и в развитии экспорта своего успеха посредством развития «корейской волны» не только к соседям по АТР, но и на весь мир. На данный момент установленным является факт того, что Республика Корея воспринимается в мире однозначно более «демократичным» и успешным государством, чем КНДР.

Успех данной политики отнюдь не был предопределен, однако в силу как внутренних, так и внешних условий и обстоятельств его нельзя назвать необоснованным. В случае Республики Корея стоит выделить два аспекта: 1) пример успешной модернизации и продолжающееся технологическое развитие; 2) «корейская волна» — тесно связанный с первым аспектом, пример культурной экспансии широкого масштаба.

В связи с данным явлением, важное значение имеет поиск истоков данного феномена. Так, М.Ц. Гармаханов указывает, что: «...корейская волна хотя и началась как чисто коммерческое явление, но ближе к современности все чаще описывается как победа государственной политики брендовой рекламы Кореи с националистической точки зрения» [2. С. 78].

Стоит заметить, что за прошедший отрезок времени очевидно кардинальное изменение национального имиджа Республики Кореи. Используя инструменты государственного ребрендинга (2) в виде The Korean Wave, Республика Корея

сумела создать привлекательный образ-бренд своей страны на всех уровнях восприятия, от партнеров по межгосударственным отношениям и международных организаций до рядового потребителя как материальных продуктов экспортно-ориентированной южнокорейской экономики, так и потребителей их культурного продукта.

Относительно последнего тот же автор, ссылаясь на иностранные источники, считает, что явление «Корейской волны» носит неравномерный характер: «...корейская волна — это не двусторонние отношения с точки зрения культурного обмена, а односторонний приток корейской поп-культуры, который усиливает дисбаланс культурной индустрии в Азиатском регионе» [2. С. 79].

В свою очередь, для Республики Корея явление Корейской волны связано не только с государственным ребрендингом, но и экономико-культурной экспансией в страны ЮВА, КНР и Японию на первом этапе и, шире, на весь остальной мир в последние годы. Южнокорейский масскульт, состоящий в первую очередь из медиапродуктов (фильмы, сериалы, поп-музыка), ныне развился в целую индустрию, ориентированную на проецирование южнокорейского образа жизни, включая моду, кухню, здравоохранение (особенно пластическую хирургию), и, конечно, туризм.

Феномен Корейской волны нельзя также рассматривать в отрыве от других примеров культурной экспансии из Восточной Азии, китайской и японской, которые, однако в настоящий момент несколько отошли на задний план в виду своей импловивной сущности. «...Корее удалось занять нишу основного культурного экспортера на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, которую до нее занимала Япония, со временем утратившая лидерство в данном регионе. И со временем именно Корея становится для западных обывателей неким основным лицом, представляющим Азию. Китай, несмотря на все его могущество в политике и экономике, с середины прошлого столетия все больше теряет интерес обывателя западной цивилизации в области культуры по тем же причинам, что и Япония — чрезмерное наличие „запаха культуры“» [1. С. 116].

Успех Республики Корея в модернизации и Корейской волны как яркого образца успешно работающей «мягкой силы» кардинально поменял глобальное восприятие национального образа Республики Корея. Будучи первоначально простым культурным явлением в конкретном регионе, корейская волна показала рост и влияние, значительно превосшедшие ожидания, расширившись до политической и экономической областей, главным образом благодаря тому, что южнокорейский продукт имеет общемировой базис, тренд, имманентность глобальной массовой культуры, максимально приближенной к данным тенденциям.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Транслитерация с корейского: Hallyu; на английском The Korean Wave — корейская волна.
- (2) Государственный ребрендинг — это проявление теории и практики, которые направлены на изменение, создание и управление репутацией страны [2. С. 78—79].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Бураев Д.М., Гармаханов М.Ц. Корейская волна и мягкая сила. Стратегия развития и распространения // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 8.
- [2] Гармаханов М.Ц. Политическое и экономическое влияние Корейской волны в начале XXI в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 8.
- [3] Иванов В.Г. «Рейтинговая сила» («Charts Power») как инструмент политического и экономического влияния: концептуальный анализ, стратегии использования и модели противодействия: дис. д-ра полит. наук. РУДН, Москва, 2016.
- [4] Nye J.Jr. South Korea's Growing Soft Power // Project Syndicate (The world's opinion page). November 2009. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/south-korea-s-growing-soft-power?barrier=accessreg>.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-421-424

THE PHENOMENON OF THE KOREAN WAVE AS A POLITICAL FACTOR OF «SOFT POWER» OF THE REPUBLIC OF KOREA

V. I. Kim

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is of an overview nature and is devoted to the phenomenon of the Korean wave. This term refers to the toolkit of “soft power”, which is gaining increasing importance in world political practice. The article reveals the basic factors that determine the success of the Republic of Korea's foreign policy in building an attractive image of its country. The notion of a state rebranding associated with a successful modernization of the economy and the Westernization of culture is singled out.

Key words: soft power, the Korean wave, political influence, state rebranding

REFERENCES

- [1] Buraev D.M., Garmahanov M.C. Korejskaja volna i mjagkaja sila. Strategija razvitija i rasprostranjenija. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014; 8 (in Russ).
- [2] Garmahanov M.C. Politicheskoe i jekonomicheskoe vlijanie Korejskoj volny v nachale XXI v. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013; 8 (in Russ).
- [3] Ivanov V.G. “Rejtingovaja sila” (“Charts Power”) kak instrument politicheskogo i jekonomicheskogo vlijanija: konceptual'nyj analiz, strategii ispol'zovanija i modeli protivodejstvija: dis. d-ra polit. nauk. RUDN, Moskva, 2016 (in Russ).
- [4] Nye J. Jr. South Korea's Growing Soft Power. *Project Syndicate (The world's opinion page)*. November 2009. Available from: <https://www.project-syndicate.org/commentary/south-korea-s-growing-soft-power?barrier=accessreg>.

@ Ким В.И., 2017

Сведения об авторе:

Ким Владимир Игоревич — кандидат исторических наук, ассистент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов; e-mail: kimvlig@gmail.com

Статья поступила в редакцию 04.10.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-425-438

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: В ПОПЫТКЕ ИЗБЕЖАТЬ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ PATH DEPENDENCE

А.А. Кинякин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется проблема развития процессов региональной интеграции и формирования интеграционных объединений на постсоветском пространстве. В последнее десятилетие одним из наиболее динамично развивающихся региональных интеграционных проектов является «евразийский проект», связанный с созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В настоящее время данная интеграционная структура является еще не до конца «оперившейся», что приводит к ряду проблем. Одной из основных является подверженность влиянию прежних интеграционных практик, неоднократно приводивших к замедлению интеграционной динамики и снижению эффективности интеграционных процессов, а также уменьшению роли интеграционных структур на постсоветском пространстве. В целях предотвращения этого ЕАЭС необходимо стремиться максимально повысить эффективность своей деятельности на основе выбора приемлемой модели интеграционного развития, выработки четкой интеграционной стратегии и правильного применения механизмов интеграционного сотрудничества.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, постсоветское пространство, экономическая интеграция, интеграционная модель, интеграционное сотрудничество, path dependence

Создание и запуск в начале 2015 года Евразийского экономического союза (ЕАЭС) открыло новую главу в истории региональной интеграции на постсоветском пространстве. Оно стало закономерным итогом не только планомерного развития «евразийского проекта», но и процессов регионализации на постсоветском пространстве, которые берут свое начало еще в начале 1990-х. При этом создание ЕАЭС качественно изменило характер интеграционных процессов. Это связано не только с переходом на более высокий уровень, или ступень «интеграционной лестницы» (создание экономического союза)¹, но и изменением направленности — постепенным движением от экстенсивной (broader) к интенсивной (deeper) модели интеграции. Во многом это способствует как повышению эффективности функционирования интеграционных механизмов, так и интеграционного сотрудничества в целом.

В первую очередь это отражается на деятельности интеграционных объединений, которые начинают играть более заметную роль в политико-экономических процессах, превращаясь в значимых региональных акторов. К числу таковых в настоящее время, безусловно, относится и Евразийский экономический союз.

¹ Термин, соответствующий теории экономической интеграции, предложенной Б. Балашша.

Однако недолгий опыт функционирования ЕАЭС как интеграционного объединения показывает, что, несмотря на то, что он является качественно новой интеграционной структурой, он не вполне свободен от «родовых пятен» постсоветской интеграции.

В частности, речь идет о подверженности риску влияния прежних интеграционных практик, ранее неоднократно приводивших к преждевременному «сворачиванию» интеграционных проектов.

Иными словами, в отношении ЕАЭС в настоящее время просматривается риск попадания в так называемую интеграционную «колею зависимости», или постсоветскую интеграционную *path dependence*.

Впервые термин «*path dependence*», который на русский следует скорее перевести как «эффект колеи», появился в середине 1980-х в трудах западных экономистов, рассматривавших процесс внедрения и применения новых промышленных технологий и зависимости от уже существующих технологических институтов.

Впоследствии возникшая благодаря трудам прежде всего неоинституционалистов (в частности, Д. Норт) концепция *path dependence* нашла активное применение не только в экономике, но и других социальных науках (социологии, политической науке) при анализе деятельности различных акторов и институтов на основе сложившихся практик.

В настоящее время существует два основных концептуальных подхода применительно к *path dependence* — «широкий» и «узкий» [17. Р. 205].

«Широкий» постулирует важность исторического развития (“*history matters*”), а саму *path dependence* рассматривает как определенную «заданность» вследствие действия исторических факторов (“*locked-in by historical events*”) [11. Р. 120—121].

«Узкий» подход предполагает, что, несмотря на наличие «наследственности», ее влияние на текущие процессы не имеет решающего значения. В результате *path dependence* рассматривается не как предопределенность, а всего лишь как некое обстоятельство, оказывающее воздействие, которое не носит непреодолимого характера [17. Р. 206].

В рамках обоих подходов сложилось несколько направлений анализа *path dependence* на основе различных теоретических школ.

С точки зрения системного анализа «колея зависимости» объясняется наличием доминирующих подсистем, нацеленных на воспроизводство существующих коллективных моделей поведения [15. Р. 234].

По мнению представителей неоинституционального подхода, *path dependence* связана с особенностями взаимодействия формальных и неформальных общественных институтов [19. Р. 147—148].

С точки зрения инкрементализма, *path dependence* обусловлена последовательностью любых изменений, постепенной эволюцией общественных процессов, институтов, что предполагает наличие определенной временной зависимости [14. Р. 135].

Сетевой подход объясняет *path dependence* наличием сложившихся форм и механизмов взаимодействия, а также устойчивых организационных структур, что в конечном счете оказывает влияние на процесс функционирования [12. Р. 265].

Наконец, с точки зрения рационального подхода, path dependence представляет одну из форм рационального человеческого поведения, в основе которой лежит достижение приемлемого гарантированного результата при наиболее оптимальных затратах [18. Р. 523].

Несмотря на многообразие теоретических подходов к «колее зависимости», фактически все исследователи сходятся в одном — path dependence представляет собой определенную зависимость от прошлого опыта, так или иначе оказывающего влияние на текущее состояние.

В настоящее время существует несколько типологий path dependence. Наиболее известной является типологизация, предложенная С. Либовицем и С. Марголисом, в основе которой лежит критерий эффективности. В соответствии с ней принято выделять три основных типа, или уровня path dependence — верхний (первостепенный), средний (второстепенный) и нижний (третьестепенный). Верхний уровень (first-degree) предполагает наличие определенной «зависимости от прошлого», что, впрочем, не оказывает существенного влияния на динамику и направленность текущих процессов.

Средний уровень (second-degree) path dependence связан с четкими кросстемпоральными связями между процессами и/или явлениями настоящего и прошлого, что приводит к определенным последствиям, носящим заданный и необратимый характер.

Наконец, нижний уровень (third-degree) предполагает определенную заданность процессов и явлений, а также наступление определенных последствий, которые, тем не менее, носят вполне обратимый характер [17. Р. 206—207].

Именно наличие разноуровневой системы позволяет рассматривать path dependence применительно к различным общественным процессам, в том числе социокультурным и политико-экономическим.

Не в последнюю очередь это относится к процессам региональной интеграции и регионализации. В данном случае path dependence можно рассматривать как зависимость текущего интеграционного взаимодействия от сложившихся ранее практик.

Конкретным примером в данном случае может выступать постсоветское пространство, где с начала 1990-х годов было запущено немало региональных интеграционных проектов. Содружество независимых государств (СНГ), Союзное государство России и Беларуси, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Единое экономическое пространство, Таможенный союз — вот лишь неполный список интеграционных объединений, которые были в свое время запущены в целях активизации интеграционного сотрудничества между бывшими союзными республиками и которые показали различную степень эффективности.

В последнем случае во многом это явилось следствием влияния фактора следования сложившимся интеграционным практикам, которые далеко не всегда были эффективны, а порой и вовсе оказывали негативный эффект на интеграционное сотрудничество.

Именно это в конечном счете и лежит в основе постсоветской интеграционной path dependence, которая может быть описана как проявление интеграционной

дисфункции, характеризующейся снижением динамики и эффективности интеграционных процессов, а также деградацией интеграционных механизмов вследствие действия негативных факторов.

В числе таковых можно выделить не только эндогенные (различия в масштабах и структуре экономики, разный уровень развития политических и экономических институтов, неравномерность социально-экономического развития), но и эндогенные (влияние «внешней среды» — действия эксрегиональных игроков) факторы.

Анализ интеграционных проектов на постсоветском пространстве и в первую очередь интеграционных объединений позволяет выделить следующие характеристики постсоветской интеграционной path dependence.

1. *Гетерогенность региональных акторов в плане экономического и политического развития.* Различия в масштабах и структуре национальных экономик, а также специфика политических систем государств, участвующих в интеграционных процессах, являются объективным препятствием для реализации интеграционного сотрудничества.

2. *Политическая мотивированность и направленность интеграционных процессов.* Доминирование политических факторов интеграционного сотрудничества, в значительной степени определяющих сущность интеграционных процессов, существенным образом снижает эффективность интеграционного сотрудничества, не давая в полной мере реализовать интеграционный потенциал.

3. *Несбалансированность модели интеграционного взаимодействия.* Отсутствие четко проработанной модели или наличие нескольких конкурирующих моделей интеграционного взаимодействия способствует «распылению» ресурсов, и в конечном счете негативно сказывается на эффективности интеграционного сотрудничества.

4. *Отсутствие четкой стратегии интеграционного сотрудничества.* Во многом это является следствием как несбалансированности интеграционной модели, так и отсутствия единого подхода к развитию интеграционного сотрудничества вследствие гетерогенности интересов участников интеграционных процессов.

5. *Неэффективность действий национальных и наднациональных структур по реализации интеграционного сотрудничества.* Основными причинами этого являются отсутствие политической воли, а также наличие «конфликта интересов» между участниками интеграционного сотрудничества, что препятствует передаче полномочий на наднациональный уровень и в конечном счете способствует снижению эффективности наднациональных интеграционных механизмов/структур.

Как показывает практика, данные характеристики в той или иной мере были присущи всем интеграционным проектам, которые с начала 1990-х годов запускались на постсоветском пространстве в целях реализации интеграционного сотрудничества.

Причем в первую очередь влияние path dependence характерно для деятельности интеграционных объединений.

В качестве примера можно привести два постсоветских интеграционных объединения — Содружество независимых государств (СНГ) и Союзное государство России и Беларуси.

Созданное в 1991 году в качестве варианта «цивилизованного развода» после распада СССР и являющееся до сих пор самым крупным интеграционным образованием на постсоветском пространстве, СНГ изначально было призвано стать своеобразным «универсальным» интеграционным проектом, объединив в себе функции как экономической, так и политической интеграции [7. С. 129—130]².

Однако попытки реализации потенциала, связанного с интеграционным сотрудничеством на основе данной структуры, оказывались раз от разу малоуспешными.

В первую очередь это касается экономической интеграции. Выдвинутая в 1993 году инициатива формирования Экономического союза СНГ, предполагавшая последовательное прохождение основных этапов экономической интеграции — создание зоны свободной торговли (ЗСТ), формирование таможенного, платежного и валютного союза, запуск общего рынка товаров, услуг и капиталов — в 1990-е годы не нашла должного воплощения.

Подписанный в сентябре 1993 года главами стран СНГ договор о создании Экономического союза, по сути, так и остался на бумаге, поскольку не был ратифицирован основными государствами-подписантами³.

Созданный на основе него в 1994 году Межгосударственный экономический комитет (МЭК), формально наделенный рядом надгосударственных функций (в частности, контрольными), изначально был обречен на то, чтобы не играть сколько-либо заметной роли в процессах экономической интеграции на постсоветском пространстве.

Основными причинами неудач в реализации интеграционного проекта на основе СНГ являлось не только отсутствие должной политической воли, но и преобладание центробежных тенденций и дезинтеграционных процессов на фоне сохраняющихся опасений ряда постсоветских государств относительно возможности утраты суверенитета.

Позднее к этому добавилось появление «спойлеров» — формирование альтернативных интеграционных образований различных постсоветских стран. Причем некоторые из них носили не столько внешний, сколько внутренний характер (к примеру, Организация за демократию и экономическое развитие (ГУ(У)АМ))⁴.

В конечном счете к идее создания ЗСТ в рамках СНГ вернулись только в конце 1990-х годов. При этом прошло еще без малого полтора десятка лет, прежде чем она была реализована: в 2012 году на основе принятого странами — членами СНГ

² Содружество Независимых Государств было утверждено 8 декабря 1991 года на основе подписанного Россией, Беларуссией и Украиной «Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» (СНГ)», которое денонсировало «Договор образовании СССР» от 29 декабря 1922 г.

³ Всего он был ратифицирован только 6 государствами, но в их числе не было ни России, ни Украины, ни Беларуси.

⁴ Аббревиатура ГУ(У)АМ составлена из первых букв, входящих в организацию государств, — Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана и Молдовы. (Узбекистан являлся членом организации с 1997 по 2005 гг.).

межгосударственного договора зона свободной торговли в рамках Содружества независимых государств начала функционировать [7. С. 126]⁵.

Однако к тому времени момент уже был упущен — СНГ еще в начале 2000-х годов практически полностью утратило интеграционную динамику на фоне усиления действия как внутренних (рост противоречий внутри организации, приведшее к выходу ряда стран-членов), так внешних (активное развитие «евразийского проекта») негативных факторов постепенно деградировав в чисто формальную интеграционную структуру, которой и является в настоящее время.

Конкретным примером снижения интеграционной динамики может служить количество принимаемых решений Советом глав государств и Советом глав правительств СНГ — высшими органами организации. Если в период с 1992—2008 гг. ежегодное количество принимаемых решений составляло в среднем 30 и 50 соответственно, то в 2009—2017 гг. аналогичный показатель составил 15 и 30 соответственно. При этом следует отметить, что в отношении органов власти СНГ (в первую очередь Совета глав правительств) наблюдается четко выраженная тенденция к уменьшению количества рабочих встреч, что также свидетельствует о снижении интеграционной динамики [8].

Иная ситуация с другим интеграционным проектом на постсоветском пространстве — Союзным государством России и Белоруссии. Запущенное в 1999 году как проект двусторонней (билатеральной) интеграции оно было призвано стать примером успешного интеграционного проекта, включающего в себя как политическую, так и экономическую составляющие.

Однако политическая часть, предполагавшая формирование единого парламента и подписания конституционного акта, по сути, так не была реализована ввиду изначально обозначившихся противоречий между российским и белорусским руководством относительно политической конфигурации нового Союзного государства [1].

Что касается экономической части, то она была реализована не полностью. В частности, Россией и Белоруссией было создано общее экономическое пространство, включающее свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Но идея создания валютного союза (введения единой валюты) так и не нашла должного применения.

Более того, начиная с середины 2000-х годов между Россией и Белоруссией регулярно возникают различного рода экономические споры (главным образом затрагивающие сферу энергетики), что затрудняет текущее интеграционное сотрудничество между ними и делает неясными перспективы его дальнейшего развития [9. С. 73], причем не только в рамках Союзного государства, которое формально по-прежнему существует, однако в значительной мере утратило интеграционную динамику, но и других интеграционных проектов.

⁵ При этом в процессе функционирования она столкнулась и сталкивается с множеством трудностей. Одними из наиболее заметных являются «торговые войны» между Россией и Молдовой и исключения из ЗСТ Украины в 2016 году.

К числу таковых в первую очередь относится Евразийский экономический союз.

«Евразийский проект», идея которого зародилась еще в середине 1990-х годов и который довольно успешно начал реализовываться в 2000-х годах, является качественно новым типом интеграционного объединения не только в силу того, что представляет предпоследний этап экономической интеграции, но и того, что является достаточно «гибкой» интеграционной структурой⁶. Во многом именно эта «гибкость», а также стремление реализовывать интеграционный потенциал позволяет сохранять интеграционную динамику.

Судить об этом можно по тому, что за два года функционирования ЕАЭС страны-члены успели продвинуться далеко вперед по различным направлениям интеграционного сотрудничества⁷.

При этом важными моментами, связанными с деятельностью Евразийского экономического союза, является переход от экстенсивной к интенсивной модели развития, направленной на повышение эффективности деятельности объединения [16. Р. 477].

Последнее является немаловажным не только в плане гармоничного развития ЕАЭС как интеграционной структуры, а также повышения его привлекательности в глазах потенциальных партнеров, но и преодоления внутренних противоречий, являющихся одной из важных характеристик постсоветской интеграционной path dependence.

При этом, как уже было упомянуто выше, в настоящее время в отношении Евразийского экономического союза просматриваются определенные риски падения в «колею зависимости». Будучи еще не до конца «оперившейся» интеграционной структурой, ЕАЭС испытывает на себе воздействие не только основных, но ряда дополнительных негативных факторов.

В числе таковых следует отметить усиление геополитической напряженности между «основным локомотивом» евразийской интеграции — Россией и коллективным Западом в связи с украинским кризисом.

Последний во многом стал не только тестом на устойчивость ЕАЭС как интеграционного объединения ввиду усилившихся опасений со стороны Казахстана и Беларуси относительно внешнеполитического курса России, но и катализатором, четко обозначившим «конфликтный потенциал» внутри Союза⁸.

Основная линия внутреннего конфликта связана с истинными целями создания и функционирования объединения. Еще на стадии обсуждения договора о создании ЕАЭС Казахстан и Белоруссия в 2013 году четко отстаивали идею

⁶ Во многом это позволяет рассматривать ЕАЭС как структуру так называемого «нового регионализма».

⁷ В первую очередь, речь идет о торговых отношениях. В апреле 2017 года был принят разработанный на протяжении ряда лет Таможенный кодекс ЕАЭС, в котором были определены основные принципы общей таможенной политики.

⁸ Особенно после проведения референдума в Крыму с последующим вхождением в состав РФ, а также введения российскими властями продовольственного эмбарго на поставки продукции из стран ЕС, которое не было поддержано другими странами — членами ЕАЭС.

о том, что новое интеграционное образование будет чисто экономическим, в то время как Россия предлагала вариант «смешанной» (политико-экономической) интеграции.

В 2013—2014 годах опасения относительно преобладания «геополитической направленности» ЕАЭС (в то время Таможенного Союза) заметно усилились ввиду разразившегося украинского кризиса, в котором фактор евразийского интеграционного проекта сыграл далеко не последнюю роль [13. Р. 2—3]⁹.

При этом данный «конфликт интересов» обусловлен тем, что у стран-членов изначально присутствовало разное понимание и видение ЕАЭС как интеграционного объединения. Если для Казахстана, Беларуси, а также Кыргызстана ЕАЭС это исключительно экономический проект, то для России и Армении он имеет также и политическое измерение [20. Р. 20—22].

При этом, как показывает практика, в деятельности Союза политические аспекты зачастую превалируют над экономической логикой, что порождает определенные трения внутри ЕАЭС и способствует снижению интеграционного сотрудничества.

Конкретный пример — российские продовольственные антисанкции, вызвавшие обострение внутренних противоречий в организации в связи с проблемой реэкспорта и приведшие к снижению взаимного оборота между странами — членами Союза.

Другим примером являются так называемые «энергетические» (поставки нефти и газа) и «продовольственные» (поставки определенных товарных групп) «войны» между Россией и Белоруссией, имеющие не столько экономическую, сколько политическую природу [14].

Одной из причин увеличения «конфликтного потенциала» в рамках ЕАЭС является отсутствие единой модели интеграционного сотрудничества¹⁰.

На данный момент Евразийский экономический союз развивается на основе сразу нескольких моделей интеграционного сотрудничества — модели совместного развития системообразующих для всех стран объединения отраслей эконо-

⁹ Речь идет о ситуации «или—или». В конце 2013 года Украина оказалась поставлена перед жестким выбором — либо подписывать Соглашение об ассоциации с ЕС, либо становиться членом Таможенного Союза.

¹⁰ В настоящее время принято выделять несколько моделей интеграционного сотрудничества:

- 1) совместное развитие системообразующих для всех стран объединения отраслей экономики;
- 2) развитие отраслей, представляющих интерес для всех стран интеграционного объединения;
- 3) совместное развитие взаимодополняемых отраслей национальных экономик;
- 4) совместное развитие отраслей с использованием конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения;
- 5) развитие отраслей специализации на основе конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения;
- 6) совместное развитие импортозамещающих отраслей;
- 7) совместное развитие инфраструктуры для расширения взаимной и внешней торговли [2. С. 9—17].

мики, модели совместного развития отраслей с использованием конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения, модели совместного развития импортозамещающих отраслей, а также модели совместного развития инфраструктуры для расширения взаимной и внешней торговли.

Во многом это обусловлено не только спецификой экономического развития стран — членов ЕАЭС, но и не до конца проработанной стратегией интеграционного взаимодействия [16. Р. 472].

Подобная «многовариантность» не всегда дает нужный синергетический эффект. Более того, «распыленность» ЕАЭС препятствует поиску общей стратегии интеграционного развития, приводит к перекосам в развитии (наглядный пример — финансовый сектор, где уровень интеграции в настоящее время минимален), снижению инвестиционной активности. А самое главное — все это способствует ухудшению имиджа Евразийского экономического союза как интеграционного образования в глазах существующих и потенциальных партнеров (к примеру, того же Китая), предпочитающих выстраивать диалог на двусторонней основе с конкретными странами-членами, минуя само интеграционное образование [4].

Во многом подобное отношение к ЕАЭС как к чему-то «малозначительному» и «временному» со стороны внешних партнеров не только препятствует более активному развитию Евразийского экономического союза как регионального и экстрегionalного актора (в частности, создания ЗСТ со странами АТЭС), но и создает угрозу усиления центробежных тенденций внутри интеграционного образования.

В настоящее время подобные риски просматриваются в отношении таких стран, как Белоруссия и Армения [3].

Усиление центробежных тенденций неизбежно ведет к потере интеграционной динамики, снижению эффективности интеграционного сотрудничества и последующей деградации интеграционных механизмов. Фактически это означает неминуемое попадание в постсоветскую «колею зависимости».

В целях избегания этого руководству Евразийского экономического союза, как и руководству стран-членов (на уровне Высшего евразийского экономического совета) следует предпринять ряд важных шагов.

Во-первых, следует четко определиться с общей моделью интеграционного сотрудничества, что в конечном счете «снимет» внутренний «конфликт интересов».

Исходя из целей, которые изначально закладывались в евразийский интеграционный проект, а также тенденций развития последнего времени (в частности, начала реализации проекта «сопряжения» Евразийского экономического союза с китайской инициативой «Экономический пояс шелкового пути»), в качестве наиболее целесообразной модели интеграционного взаимодействия представляется модель совместного развития инфраструктуры для расширения взаимной и внешней торговли.

При этом важной составляющей ее реализации должно стать активное наращивание инвестиций в инфраструктуру (причем не только в транспортную) стран — членов ЕАЭС за счет использования как внутренних, так и внешних источников финансирования.

Во многом это позволит повысить эффективность деятельности Евразийского экономического союза. Причем не только внутри, но и вовне, в частности, будет способствовать более активному созданию ЗСТ с национальными и наднациональными акторами из числа национальных государств и региональных объединений.

Следует отметить, что использование модели совместного развития инфраструктуры для расширения взаимной и внешней торговли вовсе не означает, что ЕАЭС должен полностью отказаться от других моделей интеграционного взаимодействия (например, модели совместного развития системообразующих для всех стран-членов отраслей экономики или модели совместного развития отраслей с использованием конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения).

Речь идет о том, чтобы достигнуть своеобразного интеграционного «кумулятивного эффекта» путем развития в рамках одной (основной) модели, используя другие в качестве вспомогательных и в том объеме, чтобы они помогали лучшей реализации основной модели, а также способствовали раскрытию сильных сторон экономик стран — членов ЕАЭС.

Также это вовсе не исключает возможности более активного использования других моделей интеграционного сотрудничества в будущем или перехода на принципиально новую модель интеграционного сотрудничества на основе использования накопленных в процессе реализации текущей модели ресурсов.

Во многом это позволит ЕАЭС не только повысить эффективность своей деятельности, но и «вписаться» в новую систему мирохозяйственных отношений и международного разделения труда.

Вторым важным шагом преодоления постсоветской интеграционной path dependence является выработка новой стратегии интеграционного взаимодействия на основе доминирующей модели.

В настоящее время основным стратегическим документом, на основе которого осуществляется развитие ЕАЭС, является «Долгосрочный прогноз экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 года». В нем основная ставка сделана на использование модели развития отраслей специализации на основе конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения [5].

К их числу в первую очередь относится топливно-энергетический комплекс (ТЭК). Это может свидетельствовать о том, что в основе модели развития Евразийского экономического союза в свою очередь лежит ресурсно-сырьевая модель экономического развития.

Однако следует отметить, что ТЭК является важным сектором экономики всего для двух стран — членов ЕАЭС — России и Казахстана, являющихся производителями энергоносителей. Другие же страны — участницы Евразийского экономического союза (Белоруссия, Армения, Кыргызстан) выступают в качестве потребителей углеводородов [6]. Во многом это приводит не только к делению интеграционного объединения на «ядро» и «периферию» в энергетическом и шире

в экономическом смысле, но и усиливает противоречия внутри ЕАЭС, выражающихся в «торговых войнах».

Между тем переход к модели совместного развития инфраструктуры для расширения взаимной и внешней торговли и выработке на ее основе новой общей стратегии, направленной на активное развитие прежде всего внешнеторгового потенциала ЕАЭС (к примеру, путем создания транспортных коридоров и логистических цепочек), используя выгодное географическое положение, позволило бы не только гармонизировать отношения внутри интеграционного образования, но и способствовать экономической диверсификации (постепенному отходу от «сырьевой зависимости»).

Следует особо отметить, что новая стратегия должна включать в себя определенный набор релевантных механизмов интеграционного взаимодействия.

Во многом именно с этим связан третий шаг преодоления постсоветской интеграционной *path dependence* — эффективное применение инструментов интеграционного сотрудничества.

Среди таковых — разработка механизмов финансирования проектов, имеющих интеграционный эффект, реализация совместных программ при помощи существующих (к примеру, Евразийский банк развития) и вновь создаваемых институтов развития, а также активное применение инструментов государственно-частного партнерства (ГЧП).

Последнее предполагает более активное вовлечение бизнес-сообществ стран — членов ЕАЭС в деятельность интеграционного объединения, а также в процессы региональной интеграции в целом.

Во многом это будет способствовать не только повышению эффективности деятельности как национальных, так и наднациональных структур, но и позволит значительно повысить инвестиционную активность. Особенно в тех секторах, в которых в настоящее время наблюдается относительно низкая интеграция (к примеру, в том же финансовом секторе).

Но самое главное — реализация обозначенных шагов позволит Евразийскому экономическому союзу выработать систему «общих ценностей», что в значительной мере будет способствовать «снятию» «конфликта интересов», а также приведет к повышению эффективности интеграционного сотрудничества за счет углубления интеграционных процессов.

Таким образом, это станет не просто удачным решением проблемы постсоветской интеграционной *path dependence*, но и ляжет в основу новых интеграционных практик на пространстве бывшего СССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Аверьянов-Менский К.В.* Союзное государство России и Белоруссии или евразийская интеграция? URL: <http://www.publicdiplomacy.su/2015/07/21/soyuznoe-gosudarstvo-rossii-i-belorussii-ili-evraziyskaya-integratsiya/>.
- [2] Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных образований мира. М., 2014.

- [3] Вопрос о выходе Армении из ЕАЭС вынесут на заседание парламента // РИА «Новости», 20.09.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170929/1505852895.html>.
- [4] *Габуев А.А.* Пересопряжение от успехов // Ведомости. 15.06.2015 (#4095). URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/15/645351-peresopryazhenie-ot-uspehov>.
- [5] Долгосрочный прогноз экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 года. Евразийская экономическая комиссия. М., 2015. URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/economy/Prognoz/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7%20\(%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F\).pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/economy/Prognoz/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7%20(%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F).pdf).
- [6] Евразийская экономическая интеграция — 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. URL: https://eabr.org/upload/iblock/518/EDB-Centre_2017_Report-43_EEI_RUS.pdf.
- [7] *Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев У.С.* 25 лет СНГ и евразийские интеграционные проекты: ожидания, разочарования и перспективы // Экономическая наука Современной России. 2017. № 2 (77).
- [8] Интернет-портал СНГ. URL: <http://www.e-cis.info/index.php?id=17>.
- [9] *Суздальцев А.И.* Сменит ли Евразийский экономический союз Союзное государство Белоруссии и России? // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 8. С. 71—75.
- [10] *Фалыхов Р.* Белорусы дают визами на газ // Газета.ру. 17.02.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/02/16/10528313.shtml>.
- [11] Arthur B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Path Dependence. Lock-in, and History 225 Events', 99 // Economic Journal. 1989. P. 116—131.
- [12] *Chou D., Shy O.* Network Effects without Network Externalities // 8 International Journal of Industrial Organization. 1990. P. 259—270.
- [13] *Dragneva-Lewers R., Wolczuk K.* Trade and geopolitics: should the EU engage with the Eurasian Economic Union? European Policy Centre. Policy Brief. 2 April 2015. URL: http://www.epc.eu/documents/uploads/pub_5462_trade_and_geopolitics.pdf.
- [14] *Hathaway O.* Path Dependence in the Law: The Course and Pattern of Legal Change in a Common Law System. John M. Olin Center for Studies in Law, Economics and Public Policy Working Papers. Paper 2003. P. 100—165.
- [15] *Hodgson G.* Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics. Polity Press, Cambridge and University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1998.
- [16] *Kinyakin A.* The Eurasian Economic Union: between co-existence, confrontation and cooperation with the EU // Rosznik Integracji Europejskiej. 2016. Vol. 10. P. 461—480.
- [17] *Liebowitz S., Margolis S.* Path Dependence, Lock-in, and History // Journal of Law, Economics, & Organization. 1995. Vol. 11. No. 1. P. 205—226.
- [18] *Mahoney J.* Path Dependence in Historical Sociology // Theory and Society. 2000. Vol. 29. No. 4 (Aug., 2000). P. 507—548.
- [19] *North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1996.
- [20] *Popescu N.* Eurasian Economic Union: The Real, The Imaginary, The likely. Chaillot Papers. EU Institute for Security Studies. September 2014.

EURASIAN ECONOMIC UNION: TRYING TO ESCAPE THE POST-SOVIET INTEGRATION PATH DEPENDANCE

A.A. Kinyakin

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article analyzes the issue of development of regional integration processes and formation of integration structures within post-Soviet space. Within the last decade one of the most dynamically evolving regional integration project is so called the “Eurasian project”? connected with the creation of Eurasian economic union (EAEU). At the moment this integration structure is not a full-fledged one and is susceptible to a number of specific risks. One of the major one is dependence on the deep-rooted “bad integration practices”, or post-Soviet integration path dependence. Previously it led to slowdown of integration dynamics, decrease of effectiveness as well as decay of integration structures. In order to escape it, the EAEU should strive to increase its effectiveness on the basic of selecting valid integration model, working out straightforward integration strategy and proper usage of mechanisms of integration cooperation.

Key words: Eurasian Economic Union, post-soviet space, economic integration, integration model, integration cooperation, path dependence

REFERENCES

- [1] Aver'yanov-Menskij K.V. Soyuznoe gosudarstvo Rossii i Belorussii ili evrazijskaya integraciya? Available from: <http://www.publicdiplomacy.su/2015/07/21/soyuznoe-gosudarstvo-rossii-i-belorussii-ili-evrazijskaya-integratsiya/> (in Russ.).
- [2] Analiz strategij integracionnogo sotrudnichestva (modelej realizacii integracionnogo potentsiala) naibolee izvestnyh integracionnyh obrazovanij mira. Evrazijskaya ehkonomicheskaya komissiya. M., 2014 (in Russ.).
- [3] Gabuev A. Peresopryazhenie ot uspekhov // *Vedomosti*, 15.06.2015 (#4095). Available from: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/15/645351-peresopryazhenie-ot-uspehov> (in Russ.).
- [4] Dolgosrochnyj prognoz ehkonomicheskogo razvitiya Evrazijskogo ehkonomicheskogo soyuza do 2030 goda. Evrazijskaya ehkonomicheskaya komissiya. M., 2015. Available from: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/economyPrognoz/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7%20\(%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F\).pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/economyPrognoz/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7%20(%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F).pdf) (in Russ.).
- [5] Evrazijskaya ehkonomicheskaya integraciya — 2017. SPb.: CII EABR, 2017. Available from: https://eabr.org/upload/iblock/518/EDB-Centre_2017_Report-43_EEI_RUS.pdf (in Russ.).
- [6] Internet-portal SNG. Available from: <http://www.e-cis.info/index.php?id=17> (in Russ.).
- [7] Suzdal'cev A. I. Smenit li Evrazijskij ehkonomicheskij soyuz Soyuznoe gosudarstvo Belorussii i Rossii? // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2013. № 8. S. 71—75. (in Russ.).
- [8] Vopros o vyhode Armenii iz EAEHS vynesut na zasedanie parlamenta // *RIA «Novosti»*. 20.09.2017. Available from: <https://ria.ru/world/20170929/1505852895.html> (in Russ.).

- [9] Ziyadullaev N.S, Ziyadullaev U.S. 25 let SNG i evrazijskie integracionnye proekty: ozhidaniya, razocharovaniya i perspektivy. *Ekonomicheskaya nauka Sovremennoj Rossii*, 2017, № 2 (77) (in Russ).
- [10] Arthur B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Path Dependence. Lock-in, and History 225 Events'. *99 Economic Journal*. 1989. P. 116—131.
- [11] Chou D., Shy O. Network Effects without Network Externalities. *8 International Journal of Industrial Organization*. 1990. P. 259—270.
- [12] Dragneva-Lewers R., Wolczuk K. Trade and geopolitics: should the EU engage with the Eurasian Economic Union? *European Policy Centre*. Policy Brief. 2 April 2015. Available from: http://www.epc.eu/documents/uploads/pub_5462_trade_and_geopolitics.pdf.
- [13] Falyahov R. Belorusy davyat vizami na gaz // *Gazeta.ru*. 17.02.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/02/16/10528313.shtml> (in Russ).
- [14] Hathaway O. *Path Dependence in the Law: The Course and Pattern of Legal Change in a Common Law System*. John M. Olin Center for Studies in Law, Economics and Public Policy Working Papers. Paper 2003. P. 100—165.
- [15] Hodgson G. *Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics*. Polity Press, Cambridge and University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1998.
- [16] Kinyakin A. The Eurasian Economic Union: between co-existence, confrontation and cooperation with the EU // *Rosznik Integracji Europejskiej*. 2016. Vol. 10. P. 461—480.
- [17] Liebowitz S., Margolis S. Path Dependence, Lock-in, and History. *Journal of Law, Economics, & Organization*, 1995. Vol. 11. No. 1. P. 205—226.
- [18] Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology. *Theory and Society*. Vol. 29. No. 4. (Aug., 2000). P. 507—548.
- [19] North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press. 1996.
- [20] Popescu N. *Eurasian Economic Union: The Real, The Imaginary, The Likely*. Chaillot Papers. EU Institute for Security Studies. September 2014.

@ Кинякин А.А., 2017

Сведения об авторе:

Кинякин Андрей Алексеевич — доцент кафедры сравнительной политологии, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», кандидат политических наук (e-mail: kinyakin_aa@pfur.ru)

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-439-447

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

А.Л. Оганесян

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена раскрытию роли ценностей в формировании внешней политики Китайской Народной Республики на современном этапе. Статья начинается с рассматривания значения понятия «ценность» в контексте внешней политики. В попытках выявления основополагающих ценностей китайской внешней политики автор ставит перед собой следующие вопросы: Что принимается за ценностное основание китайской внешней политики? Как эти ценности отражаются во внешней политике КНР? Куда ведет политика, основанная на этой ценностной системе? Для решения поставленных задач в ходе исследования был использован ряд научных методов: сравнительный, ретроспективный, а также метод контент-анализа. В ходе исследования было обращено внимание на три группы ценностей: традиционные китайские, марксистские и либеральные ценности. В результате исследования были выявлены те пути, которыми вышеуказанные группы ценностей влияют на современную китайскую внешнюю политику.

Ключевые слова: мировая политика, внешняя политика Китайской Народной Республики, ценностные основы внешней политики, конфуцианские ценности, принципы китайской внешней политики, «Китайская мечта»

В связи с ростом влияния Китайской Народной Республики на процессы развития мировой политики и международных отношений актуальность темы исследования принципов, которые лежат в основе внешней политики КНР, возрастает.

Для начала, для того, чтобы понять основные проблемы исследования, стоит коротко определить, что исследователь понимает под словом «ценность». Согласно датскому философу начала прошлого века Г. Геффдингу ценность есть способность вещи удовлетворять какую-либо потребность или доставить средство удовлетворения [6. С. 41]. И хотя определение понятия «ценность» в философии дается больше по отношению к ценностям индивида, определяя ценность как нечто, что, к примеру, приятно воздействует на наши чувства (как это утверждал Г. Корнелиус), сегодня категория «ценностей» перешла из философии в ряд других дисциплин, в том числе в политологию. Сегодня проводятся исследования, посвященные месту ценностей во внутренней и внешней политике государств. В данной статье под ценностями будет пониматься то, что удовлетворяет потребности внешнеполитической деятельности государства.

С точки зрения роли ценностей во внешней политике интересна трактовка известного представителя американского неореализма Р. Перри, который в своей работе «Современные философские тенденции» (1912) утверждал, что любой объ-

ект приобретает ценность, если на него распространиться какой-либо интерес [6. С. 46]. С этой точки зрения, несмотря на важность ценностных основ политики, не стоит забывать, что любая внешняя политика, согласно теории политического реализма, в первую очередь основывается на интересах государства. Таким образом, чаще всего ценностные основы как внутренней, так и внешней политики находятся на службе у интересов и выбираются тщательно руководителями государств для продвижения государственных и национальных интересов. Именно о таком понимании ценностей, на которые распространяются интересы, будет идти речь в данной статье.

Наше исследование поставило перед собой задачу выявить основополагающие ценности китайской внешней политики на современном этапе, отвечая на три вопроса:

1. Что принимается за ценностное основание китайской внешней политики?
2. Как эти ценности отражаются во внешней политике КНР?
3. Куда ведет политика, основанная на этой ценностной системе?

Современная китайская ценностная система включает три группы ценностей: традиционные китайские ценности, марксистские ценности и либеральные ценности. Основой этой ценностной системы являются традиционные, в первую очередь конфуцианские ценности.

Триада традиционных, марксистских и либеральных ценностей возникла ввиду развития политического строя и политической культуры Китая с основания КНР. Во время культурной революции председатель Мао совершил попытку искоренения традиционных конфуцианских ценностей из социальной и политической жизни страны с целью замены их новыми ценностями, основанными на марксистской идеологии. После смерти Мао, во главе с Дэн Сяопином, китайское руководство провело реформы, следствием которых стали экономический рост Китая и создание в Китае новой экономической системы, действующей на основе западных либеральных идей. Однако эти ценности и идеи либерализма не стали преобладать в политической культуре Китая. В политической системе все еще преобладает марксистская идеология. В то же время на фоне экономических успехов китайское руководство начало говорить о возрождении мощи китайского государства. Произошел своего рода возврат к традиционным ценностям. Даже социализм начал строиться с «китайской спецификой».

Одни только конфуцианские ценности не могут быть основой для внутренней и внешней политики Китая в условиях современного развития государства. Во внешней политике монополия традиционных ценностей могла бы привести к очередному периоду изоляции страны, что не входит в планы руководства КНР. Тем не менее именно они являются ценностной основой китайской политической культуры.

Как отмечает профессор университета Цинхуа Чжан Лихуа, основной ценностью китайской традиционной культуры и внешней политики является гармония (和谐 — хэ се). При этом стоит отметить некоторые специфические черты

китайского понятия гармонии. Под гармонией понимается «гармония, но не единообразие» [10]. Госпожа Чжан приводит слова Конфуция: «Цзюньцзы хэ эр бутун» (君子和而不同) — Господа стремятся к гармонии, не к единообразию. Также важно отметить такие понятия, как сосуществование при уважении разнообразия, единение без унификации и взаимовыгодное сотрудничество.

Говоря о гармонии, китайская трактовка этого понятия предусматривает «единение без унификации», исполнение которого можно увидеть в желании Китая «укреплять мир, гармонию и сотрудничество с Западом (единение) без перехода на позиции союзника Запада и признания его ценностей (унификации)» [2. С. 218]. Как отмечает М.Л. Титатренко в монографии «Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии», конфуцианская ценность, такая как гармония различных сил при сохранении их множественности и многообразия, может оказаться привлекательным для многих развивающихся стран, которые недовольны доминированием западных стран в международных отношениях [2. С. 219].

О важности конфуцианских ценностей в качестве ценностной основы политики современного китайского руководство пишет Л.С. Переломов, говоря о визите руководителя КНР Си Цзиньпина в Цюйфу — родину Конфуция. В китайской партийной прессе эта поездка была сравнена с поездкой Дэн Сяопина на Юг. Тогда Дэн Сяопин решил экономические проблемы, придя к выводу, что социализм и рыночная экономика совместимы. Теперь же новый лидер КНР Си Цзиньпин решил идеологическую проблему, объявив, что конфуцианство и марксизм совместимы [3. С. 8]. Председатель КНР также призвал установить «правильный взгляд на долг и выгоду» в международных отношениях, что является отсылкой к конфуцианскому понятию приоритета «долга» над «выгодой» [1. С. 53].

Традиционные ценности также сплачивают национальные меньшинства многонационального китайского государства с доминирующим ханьским суперэтносом и китайскую диаспору (хуацяо). Конфуцианская составляющая китайской политической культуры повышают также международный авторитет Китая среди развивающихся стран за пределами азиатского региона, которые недовольны доминированием Запада в системе международных отношений [5. С. 150].

Конфуцианские ценности, в совокупности с рядом либеральных ценностей, можно увидеть во внешнеполитических концепциях КНР. Основная официальная концепция китайской внешней политики раскрыта в Пяти принципах мирного сосуществования. Эти принципы — взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности; взаимное ненападение; невмешательство во внутренние дела; равенство; взаимная выгода. Согласно китайскому руководству, сегодня мир переживает глубокие и сложные изменения, все еще нуждается в мире, развитии, сотрудничестве и взаимовыгодном сотрудничестве, поддержании мира во всем мире и содействии совместному развитию, и в такой ситуации пять принципов мирного сосуществования спустя 60 лет после того, как китайское руководство впервые их озвучило, все еще актуальны [11].

Более детальными являются принципы концепции Независимой внешней политики мира, которые являются совокупностью конфуцианских ценностей, в частности понятия гармонии, и либеральных установок, таких как открытость и многосторонняя дипломатия. Эта концепция включает следующие принципы.

1. Китай постоянно придерживается принципа независимой политики. Во всех международных делах Китай ведет независимую внешнюю политику без внешнего давления исходя из фундаментальных интересов китайского народа и народов мира.

2. Китай придерживается доктрины неприятия гегемонии и сохранения мира во всем мире. Независимо от размера, силы или богатства все государства являются равноправными членами международного сообщества. Страны должны решать свои споры и разногласия путем мирного урегулирования. Китай не навязывает свою социальную систему и идеологию другим странам, также не позволяет другим навязывать свою идеологию и социальную систему.

3. Китай активно поддерживает создание справедливого и разумного нового международного политического и экономического порядка, который сможет отражать общие стремления и интересы народов стран мира.

4. Китай желает установить отношения дружбы и сотрудничества со всеми странами на основе взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, ненападения, невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды, пяти принципов мирного сосуществования. Китай придает большое значение улучшению и развитию отношений с развитыми странами, однако опорой китайской внешней политики является укрепление сотрудничества с развивающимися странами.

5. Китай осуществляет всестороннюю политику открытых дверей, готов на основе принципов равенства и взаимной выгоды пойти на развитие торговых отношений, экономического и технического сотрудничества, научных и технических обменов со странами и регионами мира, содействовать общему процветанию.

6. Китай принимает активное участие в деятельности многосторонней дипломатии по поддержанию мира в мире и стабильности в регионах [12].

Китайские политические концепции имеют ряд нами выявленных применений на нескольких уровнях:

1. Сплочение народа внутри КНР. На основе традиционных ценностей руководство КНР удается сплотить различные слои китайского общества, а также 55 национальных меньшинств и титульный ханьский этнос. Все больше возрастает роль национализма как консолидирующей силы в китайском обществе. Во внешней политике националистические настроения китайского народа нередко помогают оправдать внешнеполитические действия и решения китайского руководства. Это особенно ярко видно в вопросах, касающихся территориальных споров.

2. Сплочение китайцев, живущих в КНР, и китайской диаспоры. Здесь стоит вспомнить геополитическую концепцию «Большого Китая», в который должны войти не только материковый Китай, но и Гонконг, Макао, Тайвань, заселенный китайцами Сингапур, а также многочисленная китайская диаспора.

3. Сплочение народов региона. Конфуцианские ценности могут стать важным идеологическим фактором для сплочения народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Конфуцианство имело огромное влияние на развитие культур народов региона, посему конфуцианские ценности, не чуждые этим народам, могут послужить консолидации региона вокруг КНР.

4. Сплочение развивающихся стран. Концепции, предложенные китайским руководством, могут прийтись «по сердцу» развивающимся странам всего мира, включая Африку и Латинскую Америку, где влияние Китая возрастает. Китай предлагает альтернативную версию критикуемым западным концепциям, особенно подчеркивая равенство между участниками международных отношений и уважение к национальным особенностям.

5. Установление нового мирового порядка. Как отмечает китайский международник Гэн Хайтянь, основываясь на конфуцианских ценностях, Китай предлагает отличающийся от западной модели путь развития системы международных отношений, основанный на таких традиционных ценностях как мир и гармония между странами.

С традиционными ценностями тесно связано понятие «Китайской мечты», которое является основным постулатом правления нынешнего поколения властей КНР во главе с председателем Си Цзиньпином. В свою очередь «Китайская мечта» связана с осуществлением так называемых Столетних целей:

— «Завершение всестороннего строительства общества малого благосостояния (сяокан)» к 2021 г.;

— «Создание сильного богатого демократического цивилизованного гармоничного социалистического модернизированного государства» к 2049 г.

Хотя с первого взгляда «Китайская мечта» в большей степени касается решения внутривнутриполитических проблем КНР, она имеет и внешнеполитическое составляющее. В частности, в связи с этим председатель Си Цзиньпин отметил, что «Китайская мечта» — это «мечта о мире, развитии, сотрудничестве и взаимной выгоде, она взаимно соприкасается с лучшими мечтами всех народов мира, включая американскую мечту» [1. С. 43]. Он предложил понятие «общности судеб» народов мира.

Китайская мечта вбирает в себя все ценностные основы китайской внешней политики, о которых говорилось ранее. Как отмечает Ломанов, «миссию общенародной консолидации не могут на себя взять ни марксистская идеология, ни конфуцианский традиционализм, ни экономический либерализм западного толка» [1. С. 42]. Концепция «китайской мечты» не отвергает, а вбирает в себя все эти течения. Понятие «китайской мечты» связано с «четырьмя статусами», которыми, по мнению профессора Ван Ивэя, обладает КНР [1. С. 55]. Этими «статусами» являются статус социалистического государства, древнего государства восточной цивилизации, крупного развивающегося государства и нового поднимающегося государства.

Для подтверждения важности вышеуказанных ценностей для китайской внешней политики и в внешнеполитической риторике китайского руководства был проведен контент-анализ речей лидеров КНР, России и США на 70-й сессии

Генеральной ассамблеи ООН, результаты которого показаны в табл. 1. Контент-анализ речи председателя КНР на 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН показал, что в китайской официальной риторике преобладают понятия «развитие», «мир/мирный» и «мир/мировой».

Таблица 1

Результаты контент-анализа речей лидеров КНР, РФ и США на 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН

	Си Цзиньпин [9]	Владимир Путин [10]	Барак Обама [11]
Ценности	1	2	3
Мир/мирный	14	1	13
Мир/мировой	14	10	25
Война	8	4	8
Угроза	2	5	1
Развитие	29	3	2
Развивающиеся страны	5	0	0
Сотрудничество	10	4	6
Стабильность	1	1	2
Гармония	2	1	0

Результаты контент-анализа соответствуют официальной внешнеполитической риторике китайской властей, выступающих за основание нового мирового порядка, где все государства владеют равными правами, а крупные державы больше думают не о своей «выгоде», а о своем «долге» перед другими участниками международных отношений. В такой системе возможно было бы мирное сосуществование и взаимовыгодное сотрудничество государств мира, что создало бы гармоничную систему международных отношений без унификации ценностных систем этих государств. Создание такого мирового порядка является скорее внешнеполитической утопией, однако не стоит недооценивать роль таких идей.

Как отмечалось в теоретической части нашего исследования, в основе внешней политики любого государства лежат интересы, а ценности являются инструментами для удовлетворения внешнеполитических потребностей государства. Такая утопическая концепция, основанная на ценностях, служит хорошим идеологическим инструментом в борьбе КНР против однополярного мира во главе с Западом, где страны Азии не имеют достаточного веса в решении международных проблем. В вызове Западу КНР успешно использует утопические концепции для привлечения поддержки стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Примечательно применение термина «Сяокан» (小康) в описании Столетних целей. Понятие «Сяокан» или «Малого благосостояния», вместе с понятием «Датун» или «Великой общности» (大同) были описаны еще в трактате «Записки о ритуале» (Ш—I век до н.э.). «Датун» в начале употреблялся на подобии понятия «Золотого века», идеала, существующего в глубоком прошлом. Но со временем этот термин начал трактоваться как возможное «будущее Китая» [4. С. 73]. Как отмечал Кан Ювэй, «Датун» — это будущее человечества, которое будет следовать за периодом «Сяокан». Это эра великого единения, когда мир станет одной семьей, не будет границ между народами и государствами [4. С. 76]. Объявление о намерении построить в ближайшем будущем «Саокан» может означать, что следующим шагом будет построение «Датуна», который по сути является символом нового международного порядка.

В заключение представим короткие ответы на заданные нами в ходе исследования вопросы.

Что принимается за ценностное основание китайской внешней политики? В основе китайской внешней политики находится гибрид традиционных китайских, марксистских и либеральных ценностей, который образовался в результате развития китайской государственности.

Как эти ценности отражаются во внешней политике КНР? Эти ценности отражаются в концепциях внешней политики КНР, на официальном уровне стоят в основе ее взаимодействия со странами мира. На основе этих ценностей КНР предлагает новые правила игры на международной арене, в частности нацеленные на развитие сотрудничества между развивающимися странами.

Куда ведет политика, основанная на этой ценностной системе? Данная политика КНР ведет к исполнению «Китайской мечты», возрождению китайской цивилизации, к построению новой системы международных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Ломанов А.В. «Китайская мечта» как идеологический символ руководства Си Цзиньпина // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М.: ИД «ФОРУМ», 2014.
- [2] Морозова В.С. Традиционные ценности китайской цивилизации в обеспечении национальной безопасности КНР // Вестник ЧитГУ. 2009. № 5 (56).
- [3] Переломов Л.С. Качественно новый этап соучастия конфуцианства в политической культуре КПК // 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: новое руководство и стратегия реформ: материалы ежегодной научной конференции ИДВ РАН / под ред. А.В. Виноградова. М.: ИДВ РАН, 2014.
- [4] Старостина А.Б. Теории исторического процесса в китайской мысли и философии Лян Шумина // Кросскультурное взаимодействие в Азии: теория и практика: Ежегодник — 2010: Сб. статей / Под ред. Н.С. Кирабаева. М.: РУДН, 2010.
- [5] Шарко С.В. Культурно-идеологический аспект в современной политике Китая // В кн.: Ориентиры... Вып. 6. М.: ИФ РАН, 2010.
- [6] Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: РУДН, 2006.
- [7] Remarks by President Obama to the United Nations General Assembly // The White House. 28 September 2015. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/09/28/remarks-president-obama-united-nations-general-assembly>
- [8] Vladimir Putin took part in the plenary meeting of the 70th session of the UN General Assembly in New York // President of Russia. 28 September 2015. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/50385>.
- [9] Working Together to Forge a New Partnership of Win-win Cooperation and Create a Community of Shared Future for Mankind. Statement by H.E. Xi Jinping at the General Debate of the 70th Session of the UN General Assembly // General Assembly of the United Nations. 28 September 2015. URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/70/70_ZH_en.pdf.
- [10] Zhang L. China's Traditional Values and Modern Foreign Policy // Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy. January 15, 2013. URL: <http://carnegietsinghua.org/2013/01/15/china-s-traditional-values-and-modern-foreign-policy-pub-50629>.
- [11] 和平共处五项原则 [Хэпин гунчу у сянь юаньцзэ] // Пять принципов мирного сосуществования // Информационное агентство Синьхуа. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2004-06/09/content_1515866.htm.

- [12] 中国独立自主的和平外交政策 [Чжунго дулицзычжу дэ хэпин вайцзяо чжэнцэ] // Китайская независимая внешняя политика мира // Информационное агентство Синьхуа. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2003-01/19/content_696060.htm.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-439-447

VALUE BASIS OF CHINESE FOREIGN POLICY

A.L. Hovhannisyan

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is dedicated to the revelation of the role of values in Chinese foreign policy-making at the current stage. The article begins with an examination of the meaning of the concept of “value” in the context of foreign policy. In an effort to identify the fundamental values of Chinese foreign policy, the author poses the following questions: What is being regarded as the value basis for Chinese foreign policy? How are these values reflected in China's foreign policy? Where does the policy based on this value system lead? The study focuses on three groups of values: traditional Chinese, Marxist and liberal values. As a result, the study reveals the ways in which the above-mentioned groups of values affect modern Chinese foreign policy.

Key words: world politics, foreign policy of the People's Republic of China, the value basis of foreign policy, Confucian values, principles of Chinese foreign policy, the “Chinese dream”

REFERENCES

- [1] Lomanov A.V. «Kitajskaja mechta» kak ideologicheskij simvol rukovodstva Si Czin'pina. *Kitajskaja Narodnaja Respublika: politika, jekonomika, kul'tura. K 65-letiju KNR*. Moscow: ID «FORUM», 2014 (in Russ).
- [2] Morozova V.S. Tradicionnye cennosti kitajskoj civilizacii v obespechenii nacional'noj bezopasnosti KNR. *Vestnik ChitGU*. 2009; 5(56) (in Russ).
- [3] Perelomov L.S. Kachestvenno novyj jetap souchastija konfucianstva v politicheskoj kul'ture KPK. *3-j plenium CK KPK 18-go sozyva: novoe rukovodstvo i strategija reform: materialy ezhegodnoj nauchnoj konferencii IDV RAN*. Ed. by A.V. Vinogradova. Moscow: IDV RAN, 2014 (in Russ).
- [4] Starostina A.B. Teorii istoricheskogo processa v kitajskoj mysli i filosofii Ljan Shumina. *Krosskul'turnoe vzaimodejstvie v Azii: teorija i praktika: Ezhegodnik — 2010: Sb. stat'ej*. Ed. by N.S. Kirabaev. Moscow: RUDN, 2010 (in Russ).
- [5] Sharko S.V. Kul'turno-ideologicheskij aspekt v sovremennoj politike Kitaja. *Orientiry... Vyp. 6*. Moscow: IF RAN, 2010 (in Russ).
- [6] Shohin V.K. Filosofija cennostej i rannaja aksiologicheskaja mysl'. Moscow: RUDN, 2006 (in Russ).
- [7] Remarks by President Obama to the United Nations General Assembly. *The White House*. 28 September 2015. Available from: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/09/28/remarks-president-obama-united-nations-general-assembly>.
- [8] Vladimir Putin took part in the plenary meeting of the 70th session of the UN General Assembly in New York. *President of Russia*. 28 September 2015. Available from: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/50385>.

- [9] Working Together to Forge a New Partnership of Win-win Cooperation and Create a Community of Shared Future for Mankind. Statement by H.E. Xi Jinping at the General Debate of the 70th Session of the UN General Assembly. *General Assembly of the United Nations*. 28 September 2015. Available from: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/70/70_ZH_en.pdf.
- [10] Zhang L. China's Traditional Values and Modern Foreign Policy. *Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy*. January 15, 2013. Available from: <http://carnegietsinghua.org/2013/01/15/china-s-traditional-values-and-modern-foreign-policy-pub-50629>.
- [11] 和平共处五项原则 [Hjepin gunchu u sjan juan'czje]. *Informacionnoe agentstvo Sin'hua*. Available from: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2004-06/09/content_1515866.htm.
- [12] 中国独立自主的和平外交政策 [Chzhungo duliczychzhu dje hjepin vajczjao chzhjencje] *Informacionnoe agentstvo Sin'hua*. Available from: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2003-01/19/content_696060.htm.

© Оганесян А.Л., 2017

Сведения об авторе:

Оганесян Арусяк Леоновна — аспирантка кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (Армения); e-mail: arusyakhovhannisyan@yahoo.com

Статья поступила в редакцию 17.05.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-448-453

ПРОБЛЕМА НЕРАВЕНСТВА В КИТАЕ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Чжан Чжань

Институт стран Азии и Африки
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11/1, Москва, Россия, 125009

Объектом исследования являются социально-политические основы устойчивого развития в Китае. Предметом исследования — проблема неравенства как одно из препятствий для обеспечения устойчивого развития в Китае. В статье анализируется неравенство доходов, неравенство в сфере образования и здравоохранения, гендерное неравенство. Показано, что несмотря на тенденцию улучшения ситуации в некоторых областях, разрыв по-прежнему велик, снижение уровня неравенства представляет собой одну из главных задач для реализации Целей в области устойчивого развития в КНР.

Ключевые слова: устойчивое развитие, Цели в области устойчивого развития (ЦУР), Китай, борьба с неравенством, внутренняя политика, региональное развитие

Социальное неравенство — одна из ключевых причин нестабильности в сегодняшнем мире. ООН поставила цели по борьбе с неравенством, что отражается в 4 из 17 целей в итоговом документе саммита ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»: «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» (цель 3), «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» (цель 4), «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек» (цель 5), «Сокращение неравенства внутри стран и между ними» (цель 10) [1, 18]. Таким образом, цели 3, 4, 5 посвящены проблеме неравенства в разных сферах: здоровья, образования и половой принадлежности. А цель 10 является всеобщей, ее первая задача посвящена проблеме неравенства в сфере доходов. Согласно цели 10.1 «Повестки дня до 2030 г.» к 2030 году необходимо «постепенно достичь и поддерживать рост доходов наименее обеспеченных 40 процентов населения на уровне, превышающем средний по стране» [1, 26]; согласно целям 10.2 и 10.3 «Повестки дня до 2030 г.», нужно к 2030 году «поддержать законодательным путем и поощрять активное участие всех людей в социальной, экономической и политической жизни независимо от их возраста, пола, инвалидности, расы, этнической принадлежности, происхождения, религии и экономического или иного статуса», а также «обеспечить равенство возможностей и уменьшить неравенство результатов» [1, 26].

Какая сейчас ситуация в Китае? Чтобы реализовать цели в области устойчивого развития нужно сначала создать механизм для измерения. В системе индикаторов

торов устойчивого развития, разработанной Академией наук Китая, проблема неравенства входит в подсистему социальной поддержки и оценивается через коэффициент Джини, индекс Аткинсона (неравенство доходов) и индекс гендерного неравенства [11, 218]. Можно заметить, что данная система индикаторов покрывает лишь сферы неравенства доходов и половой принадлежности. В других сферах борьбы с неравенством, таких как здравоохранение и образование, отсутствуют конкретные индикаторы, измеряющие уровень неравенства: представляются в системе только такие индикаторы, как средняя ожидаемая продолжительность жизни, средний расход на медицину и здравоохранение; среднее число лет обучения и уровень грамотности в сфере образования. Таким образом, для того, чтобы полностью отразить все цели в области устойчивого развития, связанные с неравенством, система индикаторов, разработанная Академией наук Китая, нуждается в дальнейшем усовершенствовании.

Неравенство доходов чаще всего оценивается с помощью коэффициента Джини. Согласно Книге фактов Центрального разведывательного управления США, Китай занимает 28-е место по индексу Джини с оценкой 46,9 (2014 г.). Это хуже, чем у США, которые занимают 43-е место с оценкой 45 (2007 г.), и России, которая занимает 54-е место с оценкой 42 (2014 г.), но лучше, чем у Южной Африки с оценкой 62,5 (2013 г.) и Бразилии с оценкой 51,9 (2012 г.) [2]. Согласно официальным данным правительства КНР, с 2012 по 2015 г. коэффициент Джини в Китае постепенно снижался. Он составлял 47,4, 47,3, 46,9 и 46,2 соответственно. В 2016 г. коэффициент Джини в Китае составил 46,5, что на 0,3 выше, чем в 2015 г. [5]. Вместе с тем Нин Цзичжэ считает, что по мере проведения борьбы с бедностью и интеграции городов и сельской местности основная тенденция снижения индекса Джини будет продолжаться в Китае [5], но все же Китай пока относится к числу стран с высоким уровнем неравенства доходов.

Несмотря на то, что отсутствуют официальные данные по индексу Аткинсона, Сунь Чуаньюан, Чжан Ифань и др. рассматривают проблему неравенства в Китае по этому показателю. Согласно их исследованию, индекс Аткинсона по потреблению коммунальных ресурсов в средних городах Китая составил 0,0261 в 2013 г., что на 83% выше, чем в крупных городах, и на 35,6% выше, чем в маленьких городах [4]. Это свидетельствует о том, что проблема неравного доступа к коммунальным ресурсам более серьезная в средних городах Китая, чем в городах другого масштаба. Согласно плану Госсовета КНР, в период 13-й пятилетки (2016—2020 гг.) в Китае будут построены 19 мегаполисов [6], что может содействовать решению данной проблемы в Китае.

Не все исследователи используют коэффициент Джини и индекс Аткинсона для оценки неравенства доходов. Исследовательский центр социальных наук Пекинского университета проводит панельные исследования «China Family Panel Studies» (CFPS), в которых разделяет семьи на 5 уровней по доходам: самый низкий (20%), низкий (20%), средний (20%), высший (20%) и самый высший (20%). В 2012 г. средний доход соответствующей семьи составил 3400, 15 700, 30 200, 49 500 и 110 200 юаней; в 2014 г. доход составил: 4500, 19 100, 35 200, 56 000, и 117 600 юаней соответственно. Процент прироста семейных доходов в 2012—

2014 г. составил 32,4%, 21,7%, 16,6%, 13,1% и 6,7% соответственно [7, 38]. Это показывает, что прирост семейных доходов последних 40% семей намного выше, чем у других семей, что подтверждает тенденцию сокращения неравенства доходов в Китае.

Индекс гендерного неравенства в Китае составил 0,164 и занимает 37-е место среди 188 проанализированных в 2015 г. стран, это намного лучше мировой средней оценки — 0,443, но все еще Китай не вошел в первую группу: первое место занимает Швейцария с оценкой 0,040. Для сравнения, Россия занимает 52-е место с оценкой 0,271 [3].

В области образования равенство обязательного образования значительно повысилось, но равенство образования на уровне дошкольного образования и старшей школы требует улучшения. Проректор Китайской академии наук Цай Фан отмечает, что необходимо расширить диапазон обязательного образования, чтобы покрыть дошкольное образование и образование старшей школы [9].

Наблюдается также очевидное неравенство в регионах. Гу Цзяфэн отмечает, что вклад в образование в разных семьях сильно различается. Годовые расходы на образование для одного шанхайского ребенка равны расходам на образование для 7 детей в провинции Ганьсу [8]. Данные CFPS подтверждают региональные различия в области образования Китая, у детей западной части Китая меньше всего внеурочных занятий: лишь у 5,1% детей есть внеурочные занятия, среднее время внеурочных занятий в неделю составляет 4,85 ч., тоже отстает от восточной и средней частей Китая. В восточной части Китая эти данные составляют 12,8% и 5,2 ч. соответственно, а в средней части Китая — 12,1% и 8,26 ч. [7, 78].

Несмотря на уменьшение разрыва в разных регионах, неравенство в сфере здравоохранения остается очень значимым в Китае по таким показателям, как продолжительность жизни и детская смертность. Согласно данным Программы развития ООН, в 1990 г., 2000 г. и 2010 г. Шанхай имел самую высокую ожидаемую продолжительность жизни, а Тибет — самую низкую, но это различие сократилось с 15,26 лет в 1990 г. до 13,77 лет в 2000 г. и 12,09 лет в 2010 г.

С 1990 г. разрыв между городом и деревней по материнской и детской смертности снизился, а также смертности в возрасте до пяти лет, но в 2014 г. по показателям детской смертности и смертности в возрасте до пяти лет в сельской местности оказался в два раза больше, чем в городе [10, 26].

Таким образом, по разным типам неравенства, упомянутым в целях 3, 4, 5, 10 Повестки дня до 2030 г. в рамках обеспечения устойчивого развития, за последние годы в определенной мере проявляется тенденция к улучшению в Китае, но проблема неравенства остается серьезной, разрыв между разными регионами, между городской и сельской местностью по прежнему велик, чтобы реализовать цели сокращения неравенства и осуществить устойчивое развитие, нужно одновременно сократить разрыв между городской и сельской местностью, а также сократить разрыв в разных регионах и внутри одного региона.

Еще в течение 11-го пятилетнего плана (2006—2010 гг.) была поставлена цель скоординировать региональное развитие в городах и сельской местности и приостановить тенденцию увеличения разрыва в доходах. Были также предприняты

меры по повышению уровня доходов малообеспеченных граждан, увеличению доли населения со средним доходом и регулированию слишком высоких доходов [12]. Эти цели и задачи остались и в программах 12-й и 13-й пятилетки. В течение этих лет была проведена определенная политика для реализации этих целей и задач. В частности, с 2006 г. был полномасштабно отменен сельскохозяйственный налог и началось строительство новой социалистической деревни, для смягчения регионального разрыва осуществляется также стратегия освоения западных регионов и возрождения центрального Китая. В программе 13-й пятилетки была поставлена цель сформировать новую структуру для согласованного регионального развития с помощью реализации стратегий «Один пояс один путь», «Согласованное развитие региона Пекин—Тяньцзинь—Хэбэй» и «Развитие экономического пояса вдоль реки Янцзы» [13]. Таким образом, направленность политики правительства Китая в основном соответствует целям, поставленным для реализации устойчивого развития в области борьбы с неравенством.

Проанализированные в статье данные в определенной степени подтверждают эффективность проводимой политики. На фоне этого интеграция сельской и городской местности реформа и оптимизация экономической структуры Китая с учетом социальных факторов станет одной из ключевых задач для китайского правительства и местной администрации, дальнейшее снижение неравенства остается одной из главных задач для осуществления устойчивого развития в Китае.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] ООН. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года, A/70/L.1, 2015. 44 с.
- [2] CIA, The world factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2172rank.html>.
- [3] United Nations development programme. Human development reports. URL: <http://hdr.undp.org/en/composite/GII>.
- [4] Sun C. et al. The inequalities of public utility products in China: From the perspective of the Atkinson index // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2015. Vol. 51. P. 751—760.
- [5] 国家统计局 [Statistical communique of the People's Republic of China]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/sjjd/201701/t20170120_1456268.html.
- [6] 定军, 来莎莎. “十三五”城市群大修编 将建设十九个城市群. [Revision of the 13th Five year plan: 19 urban agglomeration will be built]. 21 世纪经济报道. 2016 年 5 月 5 日. URL: http://epaper.21jingji.com/html/2016-05/05/content_39406.htm.
- [7] 顾佳峰, 减少不平等与可持续发展 [Inequality reduction and sustainable development within and among countries]. 2016. 182 页.
- [8] 顾佳峰, 私人教育投入差距挑战教育公平 [Private education investment gap challenges education equity], 东方早报, 2014 年 4 月 8 日 B07 版.
- [9] 中国经济网. 蔡昉: 义务教育应扩大到高中和学前教育阶段 [Cai Fang: Compulsory education should be extended to high school and preschool education]. URL: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201601/10/t20160110_8174069.shtml.
- [10] 中国人类发展报告 2016 [China national human development report 2016]. 2016. 159 页.
- [11] 牛文元主编. 2015 世界可持续发展报告 [Annual report for world sustainable development 2015], 科学出版社, 2015. 300 页.

- [12] 中华人民共和国国民经济和社会发展第十一个五年规划纲要 [The eleventh five-year plan for social and economic development in PRC], 国务院公报, 2006 年第 12 号. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_268766.htm.
- [13] 中国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要 [The thirteenth five-year plan for social and economic development in PRC]. URL: http://www.china.com.cn/lianghui/news/2016-03/17/content_38053101_10.htm.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-448-453

INEQUALITY IN CHINA IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Zhang Zhan

Institute of Asian and African Studies
Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya str., 11/1, 125009, Moscow, Russia

Abstract. The research object is the sociopolitical foundations of sustainable development in China. Research subject is the problem of inequality as one of the obstacles to sustainable development in China. In the article, different aspects of the issue are reviewed in the context of sustainable development, especially through the requirements of the UN Agenda 2030. These aspects include income inequality, inequality in education and health care, gender inequality. It is shown that despite the improvement trend in some specific aspects, the inequality gap in China is still large, further reduction of the inequality level remains one of the main tasks for achieving sustainable development goals in China.

Key words: sustainable development, sustainable development goals, China, the fight against inequalities. domestic policy, regional development

REFERENCES

- [1] OON. *Rezolucija, prinjataja General'noj Assambleej 25 sentjabrja 2015 goda*, A/70/L.1, 2015. 44 s.
- [2] CIA, *The world factbook*. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2172rank.html>.
- [3] *United Nations development programme. Human development reports*. Available at: <http://hdr.undp.org/en/composite/GII> (accessed 22 August 2017).
- [4] Sun C. et al. The inequalities of public utility products in China: From the perspective of the Atkinson index. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2015; Vol. 51. P. 751—760.
- [5] 国家统计局 [*Statistical communique of the People's Republic of China*]. Available at: http://www.stats.gov.cn/tjsj/sjjd/201701/t20170120_1456268.html.
- [6] 定军, 来莎莎. “十三五”城市群大修编 将建设十九个城市群. [*Revision of the 13th Five year plan: 19 urban agglomeration will be built*]. 21 世纪经济报道. 2016 年 5 月 5 日. Available at: http://epaper.21jingji.com/html/2016-05/05/content_39406.htm
- [7] 顾佳峰, 减少不平等与可持续发展 [*Inequality reduction and sustainable development within and among countries*]. 2016; 182 页.
- [8] 顾佳峰, 私人教育投入差距挑战教育公平 [*Private education investment gap challenges education equity*], 东方早报, 2014 年 4 月 8 日 B07 版.

- [9] 中国经济网. 蔡昉：义务教育应扩大到高中和学前教育阶段 [Cai Fang: *Compulsory education should be extended to high school and preschool education*]. Available at: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201601/10/t20160110_8174069.shtml.
- [10] 中国人类发展报告 2016 [*China national human development report 2016*]. 2016. 159 页.
- [11] 牛文元主编. 2015 世界可持续发展报告 [*Annual report for world sustainable development 2015*], 科学出版社, 2015. 300 页.
- [12] 中华人民共和国国民经济和社会发展第十一个五年规划纲要 [*The eleventh five-year plan for social and economic development in PRC*], 国务院公报, 2006 年第 12 号. Available at: http://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_268766.htm.
- [13] 中国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要 [*The thirteenth five-year plan for social and economic development in PRC*]. Available at: http://www.china.com.cn/lianghui/news/2016-03/17/content_38053101_10.htm

© Чжан Чжань, 2017

Сведения об авторе:

Чжан Чжань — аспирантка кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (КНР), e-mail: vestnikrudn@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.08.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-454-458

ГЛУБОКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РЕСПУБЛИКЕ МАДАГАСКАР: ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ НА ГРАНИ КРАХА

Андриамахаринжака

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена современной политической ситуации в Республике Мадагаскар, в ней представлен анализ текущих политических процессов в республике. Особый акцент сделан на развитии политического кризиса, взаимосвязанности его внешних и внутренних факторов и их разрушительном воздействии на политическую, экономическую и социальную жизнь страны. Анализируются результаты плохо организованных парламентских и президентских выборов 2013 года и прогнозируются их негативные последствия на многие годы вперед.

Ключевые слова: политический кризис, государственность, Республика Мадагаскар, президентские и парламентские выборы, палата представителей, международное сообщество, политическая партия, президентское большинство, импичмент, социальная анархия, несостоявшееся государство, политическая революция

Рассматривая проблематику политической стабильности и устойчивости государственности Мадагаскара, включая актуальный в современной политологии вопрос о «состоятельности государства» («state capacity», «stateness») [1], нельзя умолчать о значительном потенциале и перспективах Мадагаскара как государства, его ресурсах, в том числе человеческом капитале, и природных богатствах.

В то же время политическая система Мадагаскара весьма нестабильна, что в значительной степени обуславливает остальные проблемы страны в социальной и экономической сферах. После спорных президентских и парламентских выборов октября—декабря 2013 года в стране установилась слабая президентская форма правления с большой ролью парламента, в основном палаты представителей — Национальной ассамблеи.

Нынешняя политическая ситуация на Мадагаскаре обусловлена несколькими основными факторами:

— *Уход избранного президента из партии, которая его поддержала на выборах.*

Мадагаскарские политологи считают, что выборы 2013 года проходили по весьма странному схемам, которые не являются демократическими, но в то же время и не являются деспотичными. Под давлением так называемого международного сообщества, 2 основных актора политического кризиса 2009 года и времен временного правления Марк Равалуманана и Андри Раджуэлина отказались от выдвижения своих кандидатур взамен на то, что каждый назначит своего кан-

дидата [2]. Обе стороны пришли к согласию, и выборы были проведены. В ходе выборов большинство, хотя и не абсолютное, мест в палате представителей получила коалиция Андри Ранджуэлина МАПАР, а второе место заняла коалиция Равалуманана. Также был избран президентом Хери Раджаунаримампианина — кандидат, поддерживаемый Ранджуэлина. Однако вскоре после инаугурации, под давлением международного сообщества с угрозами о нефинансировании нового режима, новый избранный Президент отошел от Андри Ранджуэлина и его коалиции и создал свою собственную партию Хери Вауавау Ху ан и Мадагаскар («Новая сила для Мадагаскара»). Вопреки статье 54 Конституции страны 2010 года, которая гласит: «Коалиция, обладая большинством мест в парламенте, имеет право предлагать кандидатуру премьер-министра, которую утверждает президент республики», Хери Раджаунаримампианина отказался назначать кандидатуру премьер-министра от коалиции Ранджуэлина и сформировал платформу для поддержки президента, куда примкнули все беспартийные депутаты в обмен на посты и денежные компенсации. Новая платформа предложила кандидатуру Кулу Роже, которую вскоре утвердил Президент [4].

— *Отсутствие стабильного президентского большинства в парламенте.*

В условиях отсутствия стабильного президентского большинства в парламенте депутаты инициировали процедуру импичмента против Президента.

В 2015 году произошла попытка импичмента, в ходе которой 6 голосов отсутствовавших депутатов спасли Президента от сложения полномочий главы государства после оглашения решения Конституционного суда, постановившего, что Президент действует в рамках своих полномочий, данных Конституцией. Провалив импичмент против Президента, депутаты переключились на премьер-министра, но и на этом фронте они проиграли [4].

— *Дело Равалуманана.*

После свержения в 2009 году Равалуманана жил в Южной Африке и всегда выражал желание вернуться домой, но этому всегда препятствовали власти временного правительства Андри Ранджуэлина. Вскоре после избрания нового президента и поражения своего кандидата Жан Луй Робенсона Равалуманана вновь начал говорить о своем возвращении, о котором уже договаривались все стороны под эгидой международного сообщества в ходе саммитов Мапуту 1 и 2. После долгого молчания власти Раджаунаримампианина секретно позволили Равалуманана вернуться в страну в октябре 2014 года в обмен на отказ от участия в политике. Вскоре после его загадочного появления Равалуманана собрал прессу в своей резиденции в Фаравухитра Антананариву и, кроме всего прочего, заявил о готовности взять власть в свои руки, если того желает народ. Несколько часов спустя Равалуманана был арестован и заключен в секретном месте, о котором власти официально заявили только через несколько дней, после чего его отправили на военную базу в городе Анциранана на севере острова.

После нескольких месяцев заключения и в результате переговоров всех сторон Равалуманана выпустили.

В ходе местных и муниципальных выборов 2015 года его жена стала мэром столицы Мадагаскара, города Антананариву, Равалуманана принимал активное

участие в предвыборной кампании его жены и его партии, которая победила в 200 из 1000 муниципалитетов.

— *Сокращение финансирования от стран-партнеров.*

После переворота 2009 года так называемое международное сообщество отказалось финансировать режим Андри Ранджуэлина. Это привело к катастрофическим последствиям: нехватка средств для выплаты зарплаты госслужащим, прекращение всех масштабных строительных и ремонтных проектов, прекращение социально ориентированных проектов со стороны государства и других партнеров, многие НПО покинули Мадагаскар из-за политической нестабильности и отсутствия безопасности [5].

В результате данных процессов страна оказалась в затяжном кризисе и сегодня находится в полном хаосе во всех смыслах этого слова.

— *Низкая легитимность действующей власти в глазах народа.*

Из-за низкой явки на выборах (30%) и отсутствия конкретных политических, экономических и социальных результатов власть Президента Ранджаунаримампианина постепенно теряет контроль над страной, но при этом ни одна из оппозиционных сил не способна вести людей за собой и захватить власть. Внутри самой оппозиции накопились проблемы и конфликты личных интересов, и в основном представители оппозиции являются политическими противниками. С другой стороны, население уже устало от бесконечных затяжных кризисов и потеряло интерес к политике, так как живет в критических условиях [6].

— *Некомпетентность правящей элиты.*

За все время своей государственности Мадагаскар никогда не находился в таком отчаянном положении, в котором он оказался сейчас, причем во всех сферах жизни общества. Другими словами, Мадагаскар фактически превратился в «несостоявшееся государство» («failed state») [7]. В первую очередь ответственность за эту катастрофу несут все правившие и правящие элиты, доказавшие собственную некомпетентность: здесь факты говорят сами за себя: Мадагаскар — одна из беднейших стран мира, и это несмотря на то, что на острове не было войн или масштабных вооруженных конфликтов, таких, как, например, в Афганистане и Сомали.

— *Отсутствие четкой стратегии развития страны.*

Последний пункт вытекает из некомпетентности правящей элиты, неспособной сформулировать четкую и эффективную стратегию развития страны [8].

Таким образом, на основе предпринятого анализа мы пришли к выводу о глубококом кризисе государственности Мадагаскара, проявляющемся во всех сферах жизни общества. В таких условиях открывается несколько основных возможностей для мадагаскарского народа, чтобы выйти из сложившейся ситуации: либо мирно ожидать выборы 2018 года и массово голосовать за нужного кандидата, либо выбрать путь революции со всеми возможными рисками и последствиями.

Одно из важнейших положительных качеств политической культуры мадагаскарского народа — это его умение терпеть и его пацифистские черты, но, как уже говорилось, страна никогда не находилась в таком бедственном положении, и терпение народа имеет пределы, что актуализирует пессимистичные прогнозы развития политической ситуации в Мадагаскаре.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Иванов В.Г.* Концепция государственной состоятельности как инструмент делегитимизации государственных институтов // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / Под ред. А.И. Костина. М.: Изд-во МГУ, 2016. С. 272—283.
- [2] *Antsa R.* Crise politique et économique: Vers la mise en place d'un gouvernement de cohabitation pour éviter le chaos. Midi Madagasikara, 2015.
- [3] *Cochez P.* Madagascar s'enfoncé de nouveau dans la crise politique. LaCroix, 2015.
- [4] *Lachkar M.* Madagascar: l'énigme d'une crise politique chronique // Geopolis. Afrique. 2015.
- [5] *Oumarou S.B.* Madagascar: les coûts de la crise politique. 2013.
- [6] *Rabenoro M.* Insécurité publique et dysfonctionnements de nos institutions // Tribune Madagascar. 2016.
- [7] *Ralambomahay T.* Madagascar dans une crise interminable // Études africaines Actualité sociale et politique Océan Indien. Madagascar, 2011.
- [8] *Ramambazafy J.* Madagascar, L'instabilité politique y est permanente depuis 2014. Madagate, 2016.
- [9] *Randrianja S.* Le coup d'État de mars 2009. Paris, Éditions Karthala, coll. «Hommes et Sociétés», 2012.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-454-458

DEEP POLITICAL CRISIS IN THE REPUBLIC OF MADAGASCAR: STATEHOOD ON THE EDGE OF COLLAPSE

Andriamaharinjaka

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 10/2, 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the political situation in the republic of Madagascar for the last few years. Current political processes in the republic are subjected to analysis. Special focus was made on the development of political crisis, the dependance of external and internal factors and their effects on political, economical and social situations in the country. The long-term consequences of the bad-organized parliamentary and presidential elections of 2013 are analyzed.

Key words: political crisis, Statehood, Republic of Madagascar, presidential and parliamentary elections, house of representatives, international community, political party, presidential majority, impeachment, social anarchy, failed state, political revolution

REFERENCES

- [1] *Ivanov V.G.* Konceptija gosudarstvennoj sostojatel'nosti kak instrument delegitimizacii gosudarstvennyh institutov. *Krizis civilizacii v kontekste politicheskikh processov XXI veka*. Ed. by A.I. Kostin. Moscow: Izd-vo MGU, 2016. S. 272—283.
- [2] *Antsa R.* *Crise politique et économique: Vers la mise en place d'un gouvernement de cohabitation pour éviter le chaos*. Midi Madagasikara, 2015.
- [3] *Cochez P.* *Madagascar s'enfoncé de nouveau dans la crise politique*. LaCroix, 2015.
- [4] *Lachkar M.* Madagascar: l'énigme d'une crise politique chronique. *Geopolis. Afrique*. 2015.
- [5] *Oumarou S.B.* *Madagascar: les coûts de la crise politique*. 2013.

- [6] Rabenoro M. Insécurité publique et disfonctionnements de nos institutions. *Tribune Madagascar*. 2016.
- [7] Ralambomahay T. Madagascar dans une crise interminable. *Études africaines Actualité sociale et politique Océan Indien*. Madagascar, 2011.
- [8] Ramambazafy J. *Madagascar, L'instabilité politique y est permanente depuis 2014*. Madagate, 2016.
- [9] Randrianja S. *Le coup d'État de mars 2009*. Paris, Éditions Karthala, coll. «Hommes et Sociétés», 2012.

© Андриамахаринжака, 2017

Сведения об авторе:

Андриамахаринжака — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (Мадагаскар); e-mail: kelifingo@gmail.com

About the author:

Andriamaharinjaka — PhD student of the Department of Comparative Politics of the Peoples' Friendship University of Russia (Madagaskar); e-mail: kelifingo@gmail.com

Статья поступила в редакцию 07.09.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-459-467

ЭЛЕМЕНТЫ НЕОКОНСЕРВАТИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ ГЕРМАНИИ

М.С. Ладыгин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена укреплению неоконсервативных настроений в Германии. Рассматриваются цели трех явлений неоконсерватизма в ФРГ: партия Альтернатива для Германии, общественное движение ПЕГИДА и активистское «Идентаристское движение».

В статье обнаружены сходства в целях всех трех явлений. Выдвигается предположение, что их объединение может привести к серьезному укреплению неоправых позиций как в обществе, так и на политическом ландшафте.

Подчеркивается, что о работоспособности партии судить пока рано, а большинство проголосовавших за АдГ, т.н. «протестных избирателей», могут на следующих выборах лишиться партию возможности вернуться в Бундестаг.

Ключевые слова: «Альтернатива для Германии», «ПЕГИДА», «Идентаристское движение», новые правые, неоконсерватизм, евроскептики

В мире наблюдается новый тренд, проявляющий себя большей частью в развитых демократических государствах. Выборы президента в США, выборы в Европарламент, Брексит, мощная поддержка населением Национального Фронта на президентских выборах во Франции и успехи Альтернативы для Германии на последних выборах в германский Бундестаг показали, что на современном Западе происходит сдвиг вправо, который в первую очередь крепчает благодаря популизму политиков, пользующихся недовольством масс. Как в США, так и в многих странах Европы народ симпатизирует сегодня политикам и партиям с явно неоправым уклоном. Запад сталкивается с новыми вызовами и угрозами, на которые состоявшиеся и этаблированные партии не могут найти успешного ответа, потому что их политика в конечном итоге и привела к этим последствиям.

Ярким примером здесь является Германия: партия канцлера Ангелы Меркель, которая управляет страной уже второе десятилетие, теряет голоса и поддержку граждан. Одной из главных причин этому можно считать недовольство населения по отношению к политическому подходу ее правительства к проблеме беженцев. Периодические опросы населения телеканалом «ARD» в течение последнего года показывают, что недовольство по этому вопросу оставалось примерно на уровне 60%, а в начале августа 2016 года недовольство достигло даже 65% [11].

На фоне этого недовольства в стране растут неоправые настроения, которые более активно выражаются в трех направлениях: партия «Альтернатива для Гер-

мании» (*нем.* Alternative für Deutschland), народное движение «Патриотические европейцы против исламизации Запада, ПЕГИДА» (*нем.* Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes, PEGIDA) и Идентаристское движение (*нем.* Identitäre Bewegung).

Стоит заметить, что помимо Альтернативы для Германии (далее АдГ) в Германии существует с 1964 года ультраправая партия национал-демократов. Она имеет сегодня максимум 1% голосов избирателей и ей «не удастся преодолеть маргинальный статус на политической арене» [3. С. 129]. Поэтому данную партию мы далее рассматривать не будем.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ: КТО ТАКИЕ НОВЫЕ ПРАВЫЕ?

Рассмотрим в первую очередь, в чем особенность «новых правых». Сразу отметим, что в этом вопросе мы придерживаемся позиции К.С. Гаджиева, который объединяет понятия «неоправые» и «неоконсерваторы» в так называемое «радикалистское течение», которое сложно отделить от традиционалистского варианта консерватизма. Он считает, что эти течения сами по себе различаются «зачастую не столько в плоскости основных исходных принципов, сколько в степени упора, концентрации внимания на тех или иных их аспектах» [2. С. 64], поэтому в данном исследовании они будут рассматриваться как единый блок. Стоит также заметить, что Гаджиев не относит крайне правых радикалов и другие экстремистские группировки к этому «радикалистскому течению».

«Новые правые» — это неоднородное правонаправленное политическое течение, которое выступает «в защиту таких традиционных ценностей и идеалов, как семья, община, церковь и другие институты» [3. С. 132]. Особенность его состоит в том, что оно включает в себя как элементы социал-демократии, так и неолиберализма.

По мнению неоправых, организация гражданского общества различными ассоциациями и прочими сообществами должна играть очень важную роль. В первую очередь эти организации должны добиваться восстановления и сохранения традиционных ценностей. Традиционными для них являются «универсальные и трансцендентные ценности и принципы» [2. С. 67], которые охвачены религиозным духом. Уход от этих ценностей, который можно наблюдать сегодня, они считают главной причиной нежелаемых ими последствий.

Самой яркой особенностью новых правых является тематизация ими социокультурных и религиозных проблем, что выражается, например, в их попытке обратить внимание населения на религиозное и культурное отчуждение.

Стоит отметить, что такие явления, как неоправые и подобные им настроения, на политико-идеологическом ландшафте соответствуют в целом сегодняшнему духу времени. «Радикалистское течение» со своим популистским духом становится все более привлекательным для большого количества граждан в Европе, потому что оно бьет по главным болевым точкам Евросоюза: кризис Еврозоны и легитимности структур ЕС, а также проблема с беженцами.

НЕОПРАВЫЕ А́КТОРЫ В ГЕРМАНИИ

Альтернатива для Германии — новая евроскептически настроенная партия — появилась еще в 2013 году на фоне предвыборной кампании в Европарламент и всей проблематики с обанкротившимися странами на юге Евросоюза, потребовав выхода ФРГ из Еврозоны. Год спустя она набрала на этих выборах 7,1%, что как минимум подтверждает недовольство в стране по членству в Еврозоне, ведь на тот момент АдГ стала известна как партия, требующая возвращения Немецкой марки.

На прошедших в сентябре 2017 года выборах в главный парламент страны, германские евроскептики получили 12,6% голосов и стали третьей силой в Бундестаге. В самой избирательной гонке вопрос об уходе от Евро почти не звучал, и поэтому АдГ пришлось переместить свои акценты на другие болевые точки правящей партии канцлера. Критикуя власть, она смогла переманить не только почти полтора миллиона избирателей от правящей коалиции, но и привлечь больше миллиона людей, принципиально не участвующих в голосовании, и еще один миллион граждан, голосовавших ранее за остальные партии [12].

АдГ, популизм которой хотя и несет открыто элементы «неоправного» направления, но, видимо, мало волнует большинство ее избирателей, надеялась на поддержку аудитории похожего масштаба. Складывается впечатление, что после провала партии «Пиратов» на предыдущих выборах в Бундестаг на германском партийном ландшафте осталась одна партия, которая выбирается большинством своего электората по принципу голосования «против всех». Это и подтверждается опросом, проведенным вторым немецким телевидением «ZDF» после последних выборов в Европарламент [7]. В нем 63% проголосовавших за АдГ признались, что отдали свой голос данной партии из протеста по отношению к этаблированным партиям страны. Только 22% проголосовали за евроскептиков по причине политического содержания ее программы. Если учесть результаты похожего опроса [8], проведенного на год раньше (после выборов в Бундестаг), то мы заметим, что к выборам в Европарламент количество идейных сторонников АдГ выросло на примерно на 6%, потому что в 2013 году только 16% проголосовали за АдГ из убеждения.

Вернемся к самой партии и ее неоправому настрою. В чем выражается ее неоконсерватистская склонность? Посредством контент-анализа программы партии автору удалось выявить не только пункты и цели неоправого характера, но и то, что может привлечь внимание широкого слоя населения любого идеологического настроения [4].

АдГ требует перехода всех основных компетенций от ЕС обратно к национальным государствам. Еврозону и «Банковский союз» нужно распустить. В конечном итоге немецкие евроскептики считают, что в будущем Европейский союз должен стать экономическим объединением, каким он примерно был во время Европейского сообщества. Это объединение должно хранить культурное и национальное многообразие Европы, обеспечивать мирное дружественно-соседское сосуществование на континенте, а не подталкивать к формированию централизованного единого государства.

В сфере безопасности АдГ требует ужесточить наказание за нападение на полицейских, пожарных и других служащих государству спасателей. Кроме того, партия хочет расширить полномочия полиции и юстиции. Например, более серьезно наказывать нарушающую закон молодежь, а также ускорить и облегчить процесс депортации иностранных преступников на Родину. С их точки зрения, проблема с беженцами показала, что внешние границы ЕС недостаточно защищены, поэтому евроскептики планируют возрождение пограничной службы Германии, которая в подобных ситуациях будет держать контроль над границей страны и восстановит работу на пунктах перехода границы.

В социальной политике АдГ хочет укрепить позицию традиционной семьи в обществе и сделать ее образцом для всего общества, что ярко подчеркивает их неоконсерваторский характер. Для этого партия запланировала несколько разных шагов. Например, наличие детей и их воспитание должны учитываться при формировании пенсии, а не являться экономически убытком для родителей. Должно произойти ощутимое снижение взимаемых государством налогов с семей.

По отношению к абортам АдГ занимает четкую позицию. Она требует прекращения поощрения абортотворения со стороны государства и финансовой господдержки необеспеченных беременных женщин, чтобы они не боялись отрицательных финансовых последствий и не искали выход из своего положения в аборте.

Такие вещи, как поддержка фиксированной минимальной заработной платы и стремление реформировать систему господдержки безработных в пользу пытающихся работать, подчеркивают социал-демократический элемент целей партии. Эти реформы предусматривают также сокращение госаппарата и бюрократии, а также реформирование германской демократической системы в целом и пополнение ее элементами прямой демократии.

Помимо семьи, очень важной частью общества считается культурная идентичность, поэтому АдГ призывает к защите ведущей немецкой культуры от мультикультурализма, чем, по мнению партии, обязаны заниматься как гражданское общество, так и государство.

Партия выступает за полезную для Германии миграцию по системе, подобной канадской, а относительно вопроса с беженцами АдГ требует быстрого рассмотрения заявлений на получение статуса беженца каждого приехавшего и незамедлительного выдворения всех, кто в итоге не имеет права остаться. Только люди с действительной нуждой в убежище должны получить право остаться.

Так как немецких евроскептиков не раз критиковали за их «исламофобскую» позицию, стоит подробней рассмотреть их позицию и на тему ислама. Сам ислам, с точки зрения АдГ, не является частью Германии. Поэтому они требуют запрета на постройку и эксплуатацию мечетей для обществ и общин, которые являются антиконституционными. Также должно быть прекращено финансирование постройки и эксплуатации мечетей мусульманскими государствами и другими иностранными кредиторами из заграницы. Имамы, проповедующие в Германии, должны получать государственное разрешение. В то же время они выступают против того, чтобы исламским организациям присваивали статус объединений

по общественному праву. Еще стоит заметить, что партия выступает против ношения хиджаба в обществе.

Все эти требования ярко показывают желание остановить влияние мягкой заграничной исламской силы в Германии, которая строит в стране мечети и эксплуатирует их, а также образует новые организации, действующие на уровне гражданского общества. Все это также является одним из явлений, приводящих к религиозному и культурному отчуждению немецкого гражданского общества, которого неоправые хотят избежать или хотя бы приостановить его.

«ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ЕВРОПЕЙЦЫ ПРОТИВ ИСЛАМИЗАЦИИ ЗАПАДА, ПЕГИДА»

ПЕГИДА — это движение гражданского протеста, первая демонстрация которой прошла 20 октября 2014 года. Сам протест представляет собой «шествие или „прогулку“ вдоль берега реки Эльбы» [1. С. 20] в Дрездене, которая проходит каждый понедельник. Подобные движения появились во многих больших городах страны и даже за границей. На их манифестациях звучат лозунги и видны транспаранты, тематизирующие исламизацию Германии, коррупционное правительство и «лживую прессу». Помимо этих тем звучат призывы к миру и возвращению к конструктивному сотрудничеству с Россией.

Изначально данное движение считалось чисто гражданским и беспартийным. Но спустя некоторое время оно стало ассоциироваться с неоправым популизмом, потому что на митингах движения стали все чаще выступать представители партии АдГ. Сегодня эти два явления передвигаются по германскому политическому ландшафту, близко сотрудничая.

Но как относятся сторонники самой партии к движению ПЕГИДА? Два отдельных опроса немецкой общественной телерадиокомпании «ARD» показали, что примерно половина (49%) сторонников АдГ готовы участвовать на митингах движения [9], а 83% приверженцев данной партии, как показывает второй опрос [10], выражают понимание действий данного движения. Для сравнения: следующие по количеству выразивших понимание к действиям ПЕГИДЫ были сторонники партии левых (15%) и партии христианских демократов (13%). Как мы видим, поддержку движению против исламизации Европы выражают в первую очередь сторонники партии с неоправым уклоном.

Давайте рассмотрим официальные цели и требования данного гражданского протестного движения, которые лидеры ПЕГИДА озвучили 12 января 2015 года на пресс-конференции представителям СМИ.

Первый из этих шести программных пунктов движения призывает поменять миграционную модель страны и требуют стремиться к качественной иммиграции, а не к количественной. Следующим шагом они говорят об обязательной интеграции со стороны иммигрантов во избежание укрепления параллельных обществ в стране. Далее ПЕГИДА требует, чтобы руководство страны занялось выдворением и закрытием возможности нового въезда в страну исламистов и религиозных фанатиков, а также усилила внутреннюю безопасность и остановила сокращение рабочих мест в полиции. Следующее требование — это призыв к введению

элементов прямой демократии в Германии. А последним, однако важным пунктом движения ПЕГИДА является ее позиция против разжигания войны между Россией и другими государствами.

Мы видим, что цели и требования движения против исламизации Европы и Германии схожи с теми, которые прописаны в программе партии АдГ. За все шесть пунктов движения ПЕГИДА в прямой или косвенной степени выступают и немецкие евроскептики. Но стоит заметить, что данное движение открыли для себя не только представители АдГ, ведь на митингах ПЕГИДА можно также увидеть и членов радикальных правых организаций, которые пытаются использовать в своих интересах мирный протест недовольных политикой правительства.

В итоге ПЕГИДА можно назвать правопопулистским движением, затрагивающим острые, насущные проблемы, которые касаются не только взаимоотношения народа и власти, но и коренных консервативных христиан и приезжего мусульманского населения, часто стремящегося следовать своим традициям, обычаям и законам наперекор тем, которые приняты в Германии. В качестве примера этому можно назвать появление «полиции шариата», занимающейся «полицейскими функциями» в темное время суток в районах городов страны, где живет большая доля иммигрантов [1. С. 23].

ИДЕНТАРИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

«Идентаристское движение» — это активистское движение, которое открыто заявляет о своем неоправом характере, выступая за концепт «этноплюрализма», который приписывается неоправому лагерю и призывает к сохранению этно-культурной идентичности народов Европы в границах их национальных государств. Сначала движение было создано во Франции в 2000-х годах, в Германии же оно появилось примерно в 2014 году.

Идентаристы выступают против модели «плавильного котла» народов в Европе и «большой замены» европейцев, т.е. смещения и замены коренного местного населения инородным населением, которое приведет к превращению местного населения в меньшинство в собственной стране путем массовой иностранной миграции. «Культурная гегемония» [6. С. 5] и ее сохранение для них является приоритетом. Другими словами, идентаристов волнует в итоге возможное религиозное и культурное отчуждение европейского населения и общества их страны от своего традиционного облика, что полностью согласуется как с позицией АдГ, так и с позицией ПЕГИДА.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы видим, что все три актора идеологически близки друг другу и преследуют частично одни и те же цели. Взаимодействуя с ПЕГИДА и Идентаристским движением, АдГ получает возможность еще больше расширить свое влияние на политическом ландшафте страны, ведь у каждой из эстаблированных партий Германии есть свои, близкие им организации и движения в гражданском обществе.

Каждая партия, имеющая фракцию в Бундестаге, также владеет собственным политическим фондом, работающим с обществом, продвигая не только свою идео-

логию, но и распространяя свое толкование решений политических и общественных проблем. При этом данные институты оплачиваются не партией, а налогоплательщиком. Сама АдГ пока не сформировала такого рода организацию, но после удачного вступления в Бундестаг партия наверняка займется этим вопросом в ближайшие сроки. Не исключено, что представители ПЕГИДА и других неоправых движений примут в этом участие.

Растущее недовольство населения и дальнейшее сближение с ПЕГИДА могут помочь партии евроскептиков лучше укрепиться в обществе. Как считает Вячеслав Щербаков, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Южного федерального университета города Ростова-на-Дону, «сближение с ПЕГИДА может оказаться для АдГ решающим шагом на пути превращения в „народную партию“ и влиятельного игрока на политическом поле Германии» [5. С. 205]. К тому же объемность программы и целей АдГ подчеркивают ее готовность серьезно участвовать в политическом дискурсе по любому волнующему немцев вопросу, а не оставаться «партией одной темы».

Также стоит заметить, что о самой политической компетентности партии судить пока рано, так как у нее недостаточно политического опыта. Хотя АдГ и стала уже членом большинства земельных парламентов, она в ближайшее время вряд ли получит возможность стать частью хоть какого-то правительства, что усложнит исследование ее работоспособности. Единственное направление, по которому уже стоит начать ее исследование, — это работоспособность АдГ в роли оппозиционной партии.

Поэтому есть ли у нее потенциал стать «народной партией», сказать пока сложно, так как голосующие за данную партию по убеждению избиратели составляют явное меньшинство, а большинство — «протестные избиратели», перебежавшие к АдГ как из всех остальных партий, так и из «лагеря принципиально не голосующих».

В заключение можно сказать, что сам прирост избирателей и поддержка населением АдГ показывает стремление населения, хоть и только частично, к укреплению своих правых настроений. Это может привести, в свою очередь, как к легализации маргиналов, агирующих в данной сфере, так и к серьезному ценностному сдвигу в немецком обществе.

Но стоит учесть и тот факт, что «протестные избиратели» могут проголосовать на следующих выборах совсем иначе и лишит АдГ большинства своих голосов, если партии не удастся добиться заметных изменений в политике главного парламента страны и укрепить данный электорат за собой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Антонов А.Е. «ПЕГИДА» как движение граждан против исламизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-1 (73). С. 19—23.
- [2] Гаджиев К.С. Консерватизм в современном мире: кризис или возрождение? // Власть. 2013. № 1. С. 63—67.
- [3] Гаджиев К.С. О новой правой альтернативе // Свободная мысль. 2015. № 5 (1653). С. 127—138.

- [4] *Ладыгин М.С.* «Альтернатива для Германии» — одно из проявлений немецких «новых правых»? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2017. Т. 19. № 1. С. 60—68.
- [5] *Щербаков В.Ю.* Евроскептицизм: Германия против Евро? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-2 (73). С. 203—206.
- [6] *Hafeneger B.* Die Identitären — Vorübergehendes Phänomen oder neue Bewegung? // Experten für Demokratie. Friedrich-Ebert-Stiftung, Forum Berlin. 2014. № 1.
- [7] Umfrage: Gründe für die Wahl der AfD bei der Europawahl // Statista: ZDF Politbarometer. 2014. URL: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/303986/umfrage/umfrage-zu-den-gruenden-fuer-die-wahl-der-afd-bei-der-europawahl/>.
- [8] Umfrage: Motive der Wähler von Piratenpartei und Alternative für Deutschland // Statista: ZDF Politbarometer. 2013. URL: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/258826/umfrage/umfrage-zu-den-motiven-der-waehler-von-piratenpartei-und-afd/>.
- [9] Umfrage: Persönliche Teilnahme an einer Pegida-Demonstration nach Parteianhängerschaft // Statista: ARD-DeutschlandTREND. 2015. URL: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/378801/umfrage/persoенliche-teilnahme-an-einer-pegida-demonstration-nach-parteanhaengerschaft/>.
- [10] Umfrage: Verständnis für Protestmärsche der Pegida-Bewegung nach Parteienpräferenz // Statista: ARD-DeutschlandTREND. 2015. URL: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/378122/umfrage/verstaendnis-fuer-protestmaersche-der-pegida-bewegung-nach-parteienpraeferenz/>.
- [11] Umfrage: Zufriedenheit mit der Asyl-bzw. Flüchtlingspolitik von Angela Merkel 2016 // Statista: ARD-DeutschlandTrend. 2016. URL: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/5200/umfrage/bewertung-der-politischen-arbeit-von-angela-merkel/>.
- [12] Wählerwanderungen: Bundestagswahl 2017 — Wanderungen AfD // tagesschau.de. 2017. URL: <http://www.tagesschau.de/multimedia/bilder/uvotealbum-945.html>.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-459-467

ELEMENTS OF NEOCONSERVATISM IN THE CONTEMPORARY POLITICAL SOCIETY IN GERMANY

M.S. Ladygin

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of strengthening neoconservative sentiments, i.e. neocon actors, in Germany. The paper analyzes the aims of three neoconservative actors in Germany: the party Alternative for Germany, the social movement PEGIDA and the “Identitarian movement”.

It is found that all three parties have similar aims and their cooperation could lead to a serious strengthening of neocon positions both in society and on the political landscape.

One of the conclusions of the article at hand is that it is too early to judge the party's ability to work as an established party. This conclusion is accompanied with the fact that the majority of those who voted for AfD were so called “protest voters”, hence they may prevent the return of the party in the next elections to the Bundestag.

Key words: “Alternative for Germany”, “PEGIDA”, “Identitarian movement”, new right, neoconservatism, eurosceptics

REFERENCES

- [1] Antonov A.E. «PEGIDA» kak dvizhenie grazhdan protiv islamizatsii. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. *Voprosy teorii i praktiki*. 2016; 11-1(73). S.19—23 (in Russ).
- [2] Gadzhiev K.S. Konservativizm v sovremennom mire: krizis ili vrozozhdenie? *Vlast'*. 2013; 1. S. 63—67 (in Russ).
- [3] Gadzhiev K.S. O novoi pravoi al'ternative. *Svobodnaya mysl'*. 2015; 5(1653). S. 127—138 (in Russ).
- [4] Ladygin M.S. «Al'ternativa dlya Germanii» — odno iz proyavlenii nemetskikh «novykh pravyykh»? *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Politologiya. 2017; Vol. 19; 1. S. 60—68 (in Russ).
- [5] Shcherbakov V.Yu. Evroskeptitsizm: Germaniya protiv Evro? Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. *Voprosy teorii i praktiki*. 2016; 11-2(73). S. 203—206 (in Russ).
- [6] Hafenerger B. Die Identitären — Vorübergehendes Phänomen oder neue Bewegung? *Expertisen für Demokratie*. Friedrich-Ebert-Stiftung, Forum Berlin. 2014; 1.
- [7] Umfrage: Gründe für die Wahl der AfD bei der Europawahl. Statista: ZDF Politbarometer. 2014. Available from: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/303986/umfrage/umfrage-zu-den-gruenden-fuer-die-wahl-der-afd-bei-der-europawahl/>.
- [8] Umfrage: Motive der Wähler von Piratenpartei und Alternative für Deutschland. Statista: ZDF Politbarometer. 2013. Available from: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/258826/umfrage/umfrage-zu-den-motiven-der-waehler-von-piratenpartei-und-afd/>.
- [9] Umfrage: Persönliche Teilnahme an einer Pegida-Demonstration nach Parteianhängerschaft. Statista: ARD-DeutschlandTREND. 2015. Available from: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/378801/umfrage/persoенliche-teilnahme-an-einer-pegida-demonstration-nach-parteiaenhaengerschaft/>.
- [10] Umfrage: Verständnis für Protestmärsche der Pegida-Bewegung nach Parteienpräferenz. Statista: ARD-DeutschlandTREND. 2015. Available from: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/378122/umfrage/verstaendnis-fuer-protestmaersche-der-pegida-bewegung-nach-parteienpraeferenz/>.
- [11] Umfrage: Zufriedenheit mit der Asyl-bzw. Flüchtlingspolitik von Angela Merkel 2016. Statista: ARD-DeutschlandTREND. 2016. Available from: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/5200/umfrage/bewertung-der-politischen-arbeit-von-angela-merkel/>.
- [12] Wählerwanderungen: Bundestagswahl 2017 — Wanderungen AfD. *tagesschau.de*. 2017. Available from: <http://www.tagesschau.de/multimedia/bilder/uvotealbum-945.html>.

© М.С. Ладыгин, 2017

Сведения об авторе:

Ладыгин Михаил Сергеевич — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов; e-mail: mihail.ladygin@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 09.09.2017.